

P.O. germ. ~~1285~~^h

1274 / 7

Schiller

<36616866870016

<36616866870016

Bayer. Staatsbibliothek

1851 1827

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ШИЛЛЕРА

ШИЛЛЕРЪ

ВЪВЕДЕНІЕ ВЪЗНУШНАГО

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

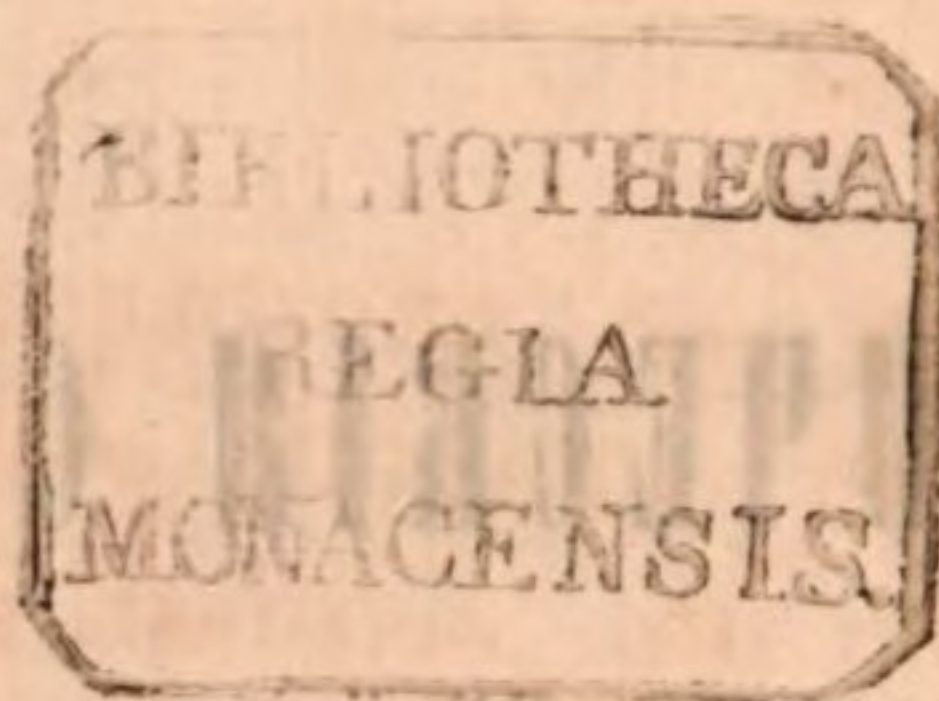
НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

—
VII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

1859

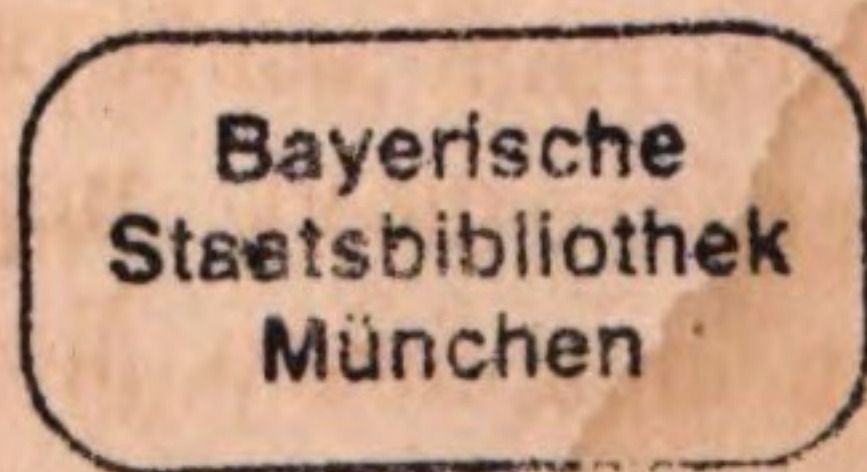

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣтъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 9 ноября 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Объ трагедіи Шиллера «Орлеанская Дѣва» и «Коварство и Любовь», предлагаемыя нынѣ вниманію нашихъ читателей, первая въ старомъ переводѣ В. А. Жуковскаго, а вторая въ новомъ переводѣ М. Л. Михайлова, давно пользуются почетной извѣстностью въ Россіи, благодаря превосходному переводу первой, и хорошей игрѣ покойнаго Мочалова во второй. Не смотря на такое сочувствіе публики, названныя мною піэсы имѣли до сихъ поръ всего по одному переводу, тогда какъ другія, гораздо слабѣйшія, драматическія произведенія Шиллера были переводимы по нѣскольку разъ. Конечно, послѣ Жуковскаго трудно было взяться за переводъ «Орлеанской Дѣвы», пѣ-

вучій стихъ котораго ни въ чемъ не уступаетъ стиху самого Шиллера; но удивительно, что «Коварство и Любовь», это симпатическое, глубоко-прочувствованное произведеніе благороднѣйшаго изъ поэтовъ, и притомъ писанное прозой, въ теченіе 53-хъ лѣтъ, считая со времени появленія въ свѣтъ перваго и единственнаго его перевода, не находило до сихъ поръ новаго и болѣе способнаго переводчика. Или, можетъ быть, русскіе читатели и посѣтители русскихъ театровъ прежняго времени требовали отъ перевода одного интереса содержанія, мало заботясь о художественной сторонѣ произведенія, и потому совершенно удовлетворялись плохимъ и устарѣлымъ переводомъ Смирнова, дожившимъ такимъ образомъ до втораго изданія? Въ такомъ случаѣ, конечно, не было ни какой надобности въ новомъ переводѣ. Въ наше время требованія публики измѣнились; художественный тактъ ея сталъ тоньше, и она едва ли бы удовольствовалась теперь старымъ переводомъ, еслибъ онъ былъ возобновленъ на сценѣ. Желаніе дать соотвѣтствующій современнымъ требованіямъ переводъ «Коварства и Любви», заставило издателя обратиться къ извѣстному своимъ переводами Гейне и другихъ поэтовъ М. Л. Михайлову, съ просьбою взять на себя трудъ перевода знаменитой трагедіи.

Помѣщаю здѣсь списокъ переводовъ обѣихъ трагедій, съ означеніемъ всѣхъ изданій:

I.

1. ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА, *драматическая поэма. Сочиненіе Шиллера. («Стихотворенія В. Жуковскаго», изданіе третіе, исправленное и умноженное, 1824, т. I, стр. 1).*

То же. Изданіе второе. («Стихотворенія В. Жуковскаго», изданіе четвертое, исправленное и умноженное, 1835, т. I, стр. 5).

То же. Изданіе третіе. («Стихотворенія Жуковскаго», изданіе пятое, 1849, т. III, стр. 75).

Кромѣ того мы имѣемъ еще отрывокъ изъ этой піэсы (не считая отрывка: *Прощаніе Іоанны съ родиною*, помѣщенного самимъ Жуковскимъ, до напечатанія полного своего перевода, въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 годъ), подъ заглавіемъ:

2. ПРОЩАНІЕ ІОАННЫ Д'АРКЪ СЪ РОДИНОЮ. С. Старынкевича. («Благонамѣренный», 1821, ч. XIII, стр. 34).

II.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ, *трагедія 2-на Шиллера, въ пяти дѣйствіяхъ. Переведенная С. Смирновымъ, дѣйствительнымъ чле-*

*номъ Общества Любителей Россійской
Слов. при Имп. Моск. Университетъ.
Москва. 1086.*

То же. Изданіе второе. *Москва. 1824.*

Считаю излишнимъ распространяться о достоинствахъ перевода Жуковского: по общему голосу читателей и критики онъ признанъ образцовымъ — и это совершенно справедливо. Правда, дѣлая уступку щекотливости и требованіямъ своего времени, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смягчилъ подлинникъ, и даже выпустилъ нѣсколько стиховъ, но эти невѣрности перевода такъ незначительны въ сравненіи съ его красотами, что я даже не рѣшился бы указать на нихъ, когда бъ не желаніе — дать русской публикѣ возможно-вѣрный и полный переводъ сочиненій Шиллера. Съ этой цѣлью я свѣрилъ переводъ Жуковского съ подлинникомъ строка въ строку, и отмѣтилъ всѣ отступленія отъ оригинала. Само собою разумѣется, текстъ «Орлеанской Дѣвы», помѣщенный здѣсь, остался неприкосновеннымъ. Что же касается стиховъ, измѣненныхъ или опущенныхъ Жуковскимъ, то я счелъ необходимымъ представить ихъ въ вѣрномъ переводѣ. Читатель найдетъ ихъ въ выноскахъ подъ текстомъ. Переводъ этихъ стиховъ сдѣланъ Л. А. Меемъ слово въ слово.

Переводъ трагедіи «Коварство и Любовь»

М. Л. Михайлова — говоритъ самъ за себя. Считаю долгомъ сказать лишь одно, что задачею переводчика было сохранить не только внѣшній характеръ, но и внутренній строй подлинника, на сколько это возможно на чужомъ языкѣ.

Кромѣ названныхъ двухъ трагедій, въ этой книжкѣ помѣщены еще три отрывка, или, лучше, планы трехъ трагедій («Варбекъ», «Мальтійскіе Рыцари» и «Потерянные Дѣти»), задуманныхъ Шиллеромъ не задолго до своей смерти. Эти отрывки, не смотря на занимательность сюжетовъ, не имѣютъ литературнаго достоинства, представляя рядъ мыслей, набросанныхъ торопливо на бумагу, и едва связанныхъ между собою; но они знакомятъ насъ съ предварительными работами Шиллера, даютъ понятіе объ обширныхъ литературныхъ замыслахъ великаго поэта, занимавшихъ его въ послѣднія минуты жизни; наконецъ, изъ этихъ плановъ и отрывковъ, если бъ Шиллеръ не умеръ такъ рано, родились бы со временемъ новыя трагедіи, и эти трагедіи, быть можетъ, далеко бы превзошли всѣ тѣ, которыя онъ написалъ при жизни. Все это даетъ предлагаемымъ отрывкамъ право на переводъ.

Слѣдующая *восьмая* часть «Шиллера», куда войдутъ: неоконченная трагедія «Димитрій Самозванецъ», романъ «Духовидецъ», лирическое

представленіе «Торжество Искусствъ» и драматическій отрывокъ «Мизантропъ» въ *новыхъ* переводахъ Л. А. Мея, М. Л. Михайлова, А. Я. Мейснера и издателя, выйдетъ въ теченіе будущаго мѣсяца. Кромѣ того въ этой части будутъ напечатаны двѣ прозаическія статьи Шиллера: «Ожесточенный» и «Игра Судьбы», и нѣсколько стихотвореній въ дополненіе къ первымъ двумъ частямъ. Между послѣдними будетъ нѣсколько неизданныхъ опытовъ Лермонтова.

И. Гербель.

10-го ноября 1859 года.

С. Петербургъ.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Переводъ Василя Жуковскаго

Handwritten text, mostly illegible due to fading and bleed-through. Some words like "Herrn" and "Herrn" are visible.

Handwritten text, likely a signature or name, possibly "Herrn".

Handwritten text, likely a signature or name, possibly "Herrn".

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Карль Седьмой, король французскій.

Королева Изабелла, или Изабо, его мать.

Агнеса Сорель, его любовница.

Филиппъ Добрый, герцогъ бургундскій.

Графъ Дюнуа.

Ла Гиръ.

Дю Шатель.

Архіепископъ Реймскій.

Шатильонъ, бургундскій рыцарь.

Рауль, лотарингскій рыцарь.

Тальботъ, главный вождь Англичанъ.

Лионель,	}	англійскіе вожди.
Фастольфъ,		

Монгомери, Валліецъ.

Чиновники орлеанскіе.

Англійскій герольдъ.

Тибо д'Аркъ, земледѣлецъ.

Алина,	}	его дочери.
Луиза,		
Іоанна,		

Этьенъ,	}	ихъ женихи.
Арманъ,		
Раймондъ,		

БЕРТРАНДЪ, поселянинъ.

Черный рыцарь.

Угольщикъ и его жена.

Солдаты и народъ, придворные, епископы, монахи, маршалы, чиновники, пажи и другія лица безъ рѣчей, участвующія въ процессіи коронованія.

Дѣйствіе происходитъ въ 1430 году.

ПРОЛОГЪ.

СЕЛЬСКОЕ МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ.

Впередѣ на правой сторонѣ часовня и въ ней образъ Богоматери; на лѣвой
сторонѣ высокій, вѣтвистый дубъ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ТИБО д'Аркъ. Три его дочери. Три молодыхъ пастуха,
ихъ женихи.

ТИБО.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
Еще Французы, граждане; свободно
Святой землей отцовъ своихъ владѣемъ;
А завтра.... какъ узнать? чьи мы? что наше?
Во всѣхъ мѣстахъ пришелецъ торжествуетъ;
Вездѣ враговъ знамена; ихъ конями
Притоптаны отеческія нивы;
Парижъ врата ихъ вѣйскамъ отворилъ,
И древняя корона Дагоберта
Досталася въ добычу иноземцу;
Внукъ королей безъ трона, безъ пріюта
Скитается въ своей землѣ, какъ странникъ;
Знатнѣйшій перъ, ближайшій изъ родныхъ

Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
Родная мать ему готовить гибель;
Деревни, города пылають. Тихо
Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья.
И такъ, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ:
Для женщины противъ временъ опасныхъ
Необходимъ заботливый защитникъ;
А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.

(Первому пастуху.)

Этьенъ, тебѣ понравилась Алина;
У насъ поля сосѣдственно граничатъ,
Сердца же за одно: — такой союзъ
Угоденъ Богу.

(Второму.)

Ты, Арманъ, ни слова....
А ты глаза, Луиза, опустила....
Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами —
Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему богатство?
Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
До перваго врага или пожара;
Теперь одинъ спасительный пріютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

ЛУИЗА.

Арманъ!

АРМАНЪ

(подавая ей руку.)

Твой навсегда!

ЛУИЗА (обнимая Іоанну).

А ты, сестра?

ТИБО.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
И огородъ, и дворъ, и стадо. Богъ
Благословилъ меня, благословить
И васъ.

АЛИНА (обнимая Іоанну).

Утѣшь отца, сестра Іоанна!

Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

ТИБО.

Подите. Завтра мы сыграемъ свадьбу,
И пиръ на всю деревню. Приготовьте
Что надобно.

(Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ.)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ТИБО. РАЙМОНДЪ. ІОАННА.

ТИБО.

Твои, Жаннета, сестры
Выходятъ замужъ; ихъ судьба счастлива:
При старости онѣ мое веселье....
Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

РАЙМОНДЪ.

Сосѣдъ, на что Жаннету огорчать?

ТИБО (указывая на Раймонда).

Вотъ юноша прекрасный, честный. Съ нимъ
Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится.

Тебѣ онъ отдалъ душу. Три весны,
Какъ онъ, задумчивый, съ желаньемъ тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ постоянствомъ
Вздыхаетъ по тебѣ, — а ты молчишь,
Ты холодно сама въ себѣ таишься, —
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
Улыбкою твоею не утѣшенъ.
Смотрю: ты въ полнотѣ прекрасной жизни;
Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Цвѣтешь.... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла.
Прискорбно это мнѣ! Боюсь, но вижу,
Что надъ тобой ошиблася природа.
Я не люблю души холодной, черствой,
Безчувственной въ порѣ прекрасной чувства.

РАЙМОНДЪ.

Не принуждай ее, мой честный Аркъ.
Любовь моей Іѳанны есть прекрасный
Небесный плодъ: прекрасное свободно, —
Оно медлительно и тайно зрѣетъ.
Теперь ея веселье жить въ горахъ.
Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
Съ вершины ихъ она сходить боится.
Не рѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
Изъ дола въ слѣдъ за ней смотрю, когда
Она одна, въ величїи надъ стадомъ
Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размысленїи
На мелкія обители земныя.
Я вижу въ ней тогда знаменованье

Чего-то высшаго, и часто мнится,
Что изъ другихъ временъ пришла она.

ТИБО.

А это мнѣ противно! Для чего
Чуждаться ей своихъ сестеръ веселья?
Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,
Чтобы бродить по высотамъ пустыннымъ;
И въ страшный часъ, въ который человѣкъ
Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку,
Украдкою, какъ птица, другъ развалинъ,
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ ночную тьму бѣжить, чтобъ горный вѣтеръ
Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
Зачѣмъ она всегда на *этомъ* мѣстѣ?
Зачѣмъ *сюда* гонять ей стадо? Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
Подъ этимъ деревомъ Друидовъ, гдѣ
Бойтся быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима.... А здѣсь не пусто, —
Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ....
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;
И часто шумъ какихъ-то голосовъ
Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
Однажды мнѣ случилось запоздать....
Меня вела дорога мимо дуба....
И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
Туманное, а что? — не знаю! тихо
Иссохшею рукой приподняло

Широкую одежду, и меня
Какъ будто бы манило.... Сотворивъ
Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

РАЙМОНДЪ

(указывая на образъ въ часовнѣ).

Не вѣрю я! Не козни сатаны,
А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

ТИБО.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны и страшныя видѣнья
Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто въ Реймсѣ
Она сидитъ на королевскомъ тронѣ....
Семь яркихъ звѣздъ вѣнцомъ на головѣ....
Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ,
И изъ него три бѣлыя лилеи....
И я, ея отецъ, и обѣ сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И самъ король предъ нею на колѣняхъ....
Моей ли хижинѣ такая слава?
Нѣтъ, это не къ добру! то знакъ паденья!
Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
Ея души изобразилъ надменность.
Убожества она стыдится. Богъ
Ей даровалъ богатство красоты;
Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
Благословилъ чудесными дарами....
И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу.

А гордостью и Ангелы погибли, —
И ею врагъ въ свои насъ ловить сѣти.

РАЙМОНДЪ.

Но кто жъ скромнѣй, кто непорочнѣй въ нравахъ
Твоей смиренныя Іоанны? Старшимъ
Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ служить;
Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше — правда;
Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
Бывалъ ли ей и низкій трудъ противень?
Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
Твои стада и жатвы процвѣтають.
На все, къ чему она коснется, сходится
Непостижимое благословенье.

ТИБО.

Непостижимое?... Такъ! правда! Ужасъ
Объемлетъ при такомъ благословеньи!
Ни слова! я молчу! — молчать мнѣ должно....
Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долгъ.... Оставь сей дубъ!
Не будь одна! не рой кореньевъ въ полночь!
Не составляй изъ сока ихъ питья,
И не черти въ пескѣ волшебныхъ знаковъ!
Намъ въ области духовъ легко проникнуть;
Насъ ждутъ они и молча стерегутъ,
И, тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
Не будь одна: въ пустынѣ искушитель
Передъ самымъ Создателемъ явился.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

БЕРТРАНДЪ *входитъ съ шлемомъ въ рукахъ.* ТИБО. РАЙ-
МОНДЪ. ІОАННА.

РАЙМОНДЪ.

Молчи! Идетъ Берtrandъ; онъ возвратился
Изъ города. Но что несетъ онъ?

БЕРТРАНДЪ.

Вы

Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ вамъ
Являюсь?

ТИБО.

Подлинно! Откуда взялъ
Ты этотъ шлемъ? На что знакъ бѣды и смерти
Принесъ ты къ намъ въ жилище тишины?

*(Іоанна, которая до сихъ поръ не принимала никакого участія
въ томъ, что вокругъ нея происходило, становится вниматель-
нѣе и подходитъ ближе.)*

БЕРТРАНДЪ.

И самъ едва могу я объяснить,
Какъ-мнѣ достался онъ. Я покупалъ
Желѣзные издѣлья въ Вокулёрѣ.
На площади толпилась тѣма народа
Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣжавшихъ
Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью....
Весь городъ былъ въ волненіи. Сквозь толпу
Съ усиленіемъ я продирался... вдругъ
Цыганка смуглая со мной столкнулась.

Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ. Она,
Пронзительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
Сказала: «ты, я знаю, ищешь шлема...
Вотъ шлемъ!.. Не дорогъ онъ, возьми!» — На что?
Я отвѣчалъ ей: — къ латникамъ пойдѣ;
Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ шлемѣ. —
Но я никакъ не могъ отговориться.
«Возьми, возьми!» она одно твердила:
«Теперь для головы стальная кровля
«Пріютнѣе всѣхъ каменныхъ палатъ.»
И такъ, изъ улицы одной въ другую,
Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ и свѣтелъ;
Былъ рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть,
Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣньи,
Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала:
Ее толпой народа унесло....
И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

ІОАННА

(ухватясь за него, поспѣшно.)

Отдай мнѣ шлемъ.

БЕРТРАНДЪ.

На что? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

ІОАННА *(вырывая шлемъ).*

Отдай!..., Онъ мой — и мнѣ принадлежитъ!

ТИБО.

Іоанна, что съ тобой?

РАЙМОНДЪ.

Оставь ее!

Въ ней мужествомъ наполнена душа, —
И ей уборъ воинственный приличенъ.
Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стадъ и пастуховъ.
Одна, одна, душою львица, двѣ
Чудовище сразила, и ягненка
Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ.
Чью бѣ голову сей шлемъ ни украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

ТИБО.

Бертрандъ, какая
Бѣда еще случилась? Что сказали
Бѣжавшіе изъ Орлеана?

БЕРТРАНДЪ.

Боже,

Помилуй короля и нашъ народъ!
Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все взято
До самыхъ береговъ Луары; войски
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
И страшная осада началась.

ТИБО.

Какъ? Сѣверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало: къ югу мчатся
Съ войной....

БЕРТРАНДЪ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинуть къ Орлеану.
Какъ лѣтомъ пчель волнующійся рой,
Слетаяся, жужжить кругомъ улья,
Какъ саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кишить необозримо,
Такъ Орлеанъ безчисленно народы
Осыпали, въ одно столпившись войско.
Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ, невнятнымъ шумомъ;
И всѣхъ своихъ землевластитель герцогъ
Бургундскій въ строй съ пришельцами поставилъ:
Изъ Литтиха, изъ Генего, изъ Гента,
Богатаго и бархатомъ и шелкомъ,
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намура,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ,
Блистающихъ опрятностью веселой,
Отъ пажитей голладскихъ, отъ Утрэхта,
Отъ сѣверныхъ Фрисландіи предѣловъ —
Подъ знамена могучаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

ТИБО.

О, горестный, погибельный раздоръ!
На Францію оружіе Французовъ!...

БЕРТРАНДЪ.

И бронею покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварскихъ племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжигаетъ

Ихъ хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

тибо.

Срази ее проклятіемъ, Господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Какъ нѣкогда Іезавель погибла.

БЕРТРАНДЪ.

Заботливо осадой управляетъ
Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбүри;
Съ нимъ Ліонель, боець съ душой звѣриной,
И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій
Свершающій убійственнымъ мечемъ.
Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на посрамленье,
Сразить мечемъ, кто встрѣтится съ мечемъ.
Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты, убійства жаднымъ окомъ,
Невидимый, считаетъ Салисбүри
На улицахъ поспѣшныхъ пѣшеходовъ.
Ужъ много бомбъ упало въ городъ; церкви
Въ развалинахъ; и самъ великолѣпный
Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
Безчисленны подкопы подъ стѣнами:
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной,
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзится и вспыхнетъ.

(Іоанна слушаетъ съ великимъ, безпрестанно усиливающимся
вниманіемъ, и наконецъ надѣваетъ на голову шлемъ.)

ТИБО.

Но гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось съ Ла Гиромъ?
Гдѣ Дюнуа, отечества надежда?
Съ побѣдою впередъ стремится врагъ,
А мы объ нихъ не знаемъ и не слышимъ.
И что король? Уже ль онъ равнодушенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

БЕРТРАНДЪ.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ.
Людей взять негдѣ; всѣ полки разбиты.
Что смѣлый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
Насъ Богъ казнить! Низпосланный Имъ ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ душу.
Все скрылося; всѣ вызовы напрасны.
Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
Послышавши ужасный волчій вой,
Такъ, древней чести измѣнивъ, Французы
Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ замкахъ.
Едва одинъ нашелся храбрый рыцарь:
Онъ слабый полкъ собралъ и къ королю
Съ шестнадцатью знаменами идетъ.

ІОАННА.

(поспѣшно).

Кто этотъ рыцарь?

БЕРТРАНДЪ.

Бодрикуръ. Но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

ІОАННА.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что слышно?

БЕРТРАНДЪ.

На переходъ одинъ отъ Вокулёра
Стоитъ онъ лагеремъ.

ТИБО.

Молчи, Іоанна!

Ты говоришь о томъ, чего не смыслишь.

БЕРТРАНДЪ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая,
Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти,
Рѣшились граждѣне Вокулёра
Могучему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ чтобъ онъ ихъ принялъ договоръ:
Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,
Какъ скоро миръ опять межъ ними будетъ.

ІОАННА (вдохновенно).

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ! — грядетъ, грядетъ онъ въ силѣ!...
Могучій врагъ падетъ подъ Орлеаномъ:
Исполнилось!... Для жатвы онъ созрѣлъ!...
Своимъ серпомъ вооружилась дѣва:
Пожнетъ она кичливья надежды,
Сорветъ съ небесъ продерзостную славу,
Взнесенную безумцами къ звѣздамъ!...
Не трепетать! впередъ! Не пожелтѣетъ
Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны

На небесахъ еще не совершится —
А ни одинъ уже британскій конь
Не будетъ пить изъ чистыхъ водъ Луары.

БЕРТРАНДЪ.

Ахъ, въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ!

ІОАННА.

Есть чудеса!.... Взовьется голубица,
И налетитъ съ отважностью орла
На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
И низразитъ она сего Бургунда,
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукаго громителя небесъ,
Съ ругателемъ святыни Салисбурѣ!
И побѣгутъ толпы островитянъ,
Затрепетавъ, какъ агнцы, передъ нею....
Господь въ ней будетъ! Богъ всеильный брани
Пошлетъ свое дрожащее созданье:
Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
Явитъ землѣ — *зана Онъ всемогущій!*

ТИБО.

Какой въ ней духъ пророчить?

РАЙМОНДЪ.

Этотъ шлемъ

Воинственно воспламенилъ въ ней душу.
Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
И все лице ея преобразилось.

ІОАННА.

Какъ!... Древнему престолу пасть? Странѣ,
Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ

Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
Его очей, рабою быть пришельца?...
Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила!... здѣсь
Былъ первый крестъ, спасенья знакъ, воздвигнуть!
Здѣсь прахъ лежитъ Святаго Людовика!
Іерусалимъ отселѣ завоеванъ....

БЕРТРАНДЪ *(удивленный)*.

Вы слышите? Откуда вдругъ открылся
Такой ей свѣтъ? О, дочерью чудесной,
Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ!

ІОАННА.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,
Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
Для насъ король нашъ долженъ умереть,
Неумирающій, защитникъ плуга,
Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
Невольникамъ дарующій свободу,
Скликающій предъ тронъ свой наши грады,
Покровъ безсилія, гроза злодѣйства,
Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
И человѣкъ и Ангелъ утѣшенья
На вражеской землѣ?... Престолъ законныхъ
Властителей и въ пышности своей
Для слабаго пріютъ; при немъ на стражѣ
И Власть и Милость; стать предъ нимъ боится
Виновный; предъ него съ надеждой правый
Идетъ въ лице судьи смотрѣть безъ страха.
Но царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,

Предъ кѣмъ отцевъ священный прахъ не скрытъ
У насъ въ землѣ — земли не взлюбить нашей.
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ,
Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

ТИБО.

Да защититъ Всевышній короля
И Францію! Намъ мирнымъ поселянамъ
Мечъ не знакомъ; намъ браннаго коня
Не укротить! Мы будемъ ждать смиренно,
Кого намъ дастъ владыкою побѣда!
Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
Король нашъ тотъ, кто былъ миропомазанъ
Въ священномъ Реймсѣ, кто пріять державу
Надъ древними гробами Сен-Дени....
Друзья, пора къ работѣ. Помни каждый
Ближайшій долгъ свой. Пусть князья земные
Земную власть по жéребью берутъ!
А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
Покорной намъ земли оно не тронетъ;
Пускай пожжетъ селенья наши пламень,
Пускай коні притопчутъ наши нивы:
Съ молодой весной взойдетъ младая жатва,
А низкія легко возстанутъ кровли.

(Всѣ, кромѣ Ібанны, уходятъ.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Іоанна (*долго стоитъ въ задумчивости*).

Простите вы, холмы, поля родные!
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости!
Съ Іоанной вамъ ужь болѣ не видаться;
На вѣкъ она вамъ говорить: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный —
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой....
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремить не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ Пророку низходилъ,
Кто на царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ —
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя,
Кто пастырямъ всегда благоволилъ, —

Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:

« Иди о Мнѣ свидѣтельствовать дѣва!

« Надѣть должна ты латы боевыя,

« Въ желѣзо грудь младую заковать;

« Страшись надеждъ, не знай любви земныя:

« Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;

« Не быть тебѣ душой семьи родныя;

« Цвѣтущаго младенца не ласкать!...

« Но въ битвахъ Я главу твою прославлю:

« Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

« Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,

« И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ —

« Возмешь Мою ты орифламму въ длани,

« И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;

« Поставишь ихъ надменной власти грани,

« Преобратишь во плачь побѣдный гласъ,

« Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,

« И Карла въ Реймсѣ введешь принять корону. »

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье:

Исполнилось.... и шлемъ сей посланъ *Имѣ*.

Какъ бранный огонь его прикосновенье,

Съ нимъ мужество, какъ Божій Херувимъ....

Въ кипящій бой несетъ души стремленье;

Какъ буря, пыль ея неукротимъ....

Се битвы кличъ! полки съ полками стали!

Взвились кони и трубы зазвучали!...

(Уходитъ.)

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Лагерь короля Карла въ Шинонѣ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Дюнуа. Дю Шатель.

ДЮНУА.

Нѣтъ, долѣ не стерплю! Пора покинуть
Намъ короля, который самъ безславно
Себя покинулъ. Кровь бунтуетъ въ жилахъ,
И душу всю я выплакать готовъ,
Смотря на бѣдную отчизну. Боже!
Разбойники мечами города,
Старинные жилища чести, дѣлятъ,
И выдаютъ ихъ ржавые ключи .
Съ покорностью врагу.... а мы, мы здѣсь,
Въ бездѣйствіи покоя, расточаемъ
Священные спасенія часы.
Лишь вѣсть пришла, что Орлеанъ въ осадѣ —
Спѣшу свою Нормандію покинуть ,
Лечу сюда въ надеждѣ, что король,
Готовый въ бой, полки ужъ вывелъ въ поле....

Но что жъ? Онъ окружень толпой шутовъ!
Въ кругу своихъ безпечныхъ трубадуровъ
Заботится разгадывать загадки,
И лишь пиры даетъ своей Агнесъ,
Какъ будто все спокойно! Конетабль,
Терпѣнье потерявъ, уже рѣшился
Разстаться съ нимъ.... и я, и я разстанусь:
Пора судьбѣ на власть его предать.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Но вотъ и онъ.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ же и Король Карлъ.

КОРОЛЬ.

Друзья, скажу вамъ новость:
Нашъ конетабль прислалъ мнѣ мечъ свой: онъ....
Онъ просится въ отставку.... Въ добрый часъ!
Брюзгливецъ мнѣ ужъ сдѣлался несносенъ.
Все не по немъ; лишь онъ одинъ все знаетъ.

ДЮНУА.

Ахъ, твердый мужъ безцѣненъ въ наше время
Разстаться съ нимъ мнѣ было бъ тяжело.

КОРОЛЬ.

Другъ Дюнуа привыкъ противорѣчить....
Но самъ же ты всегда съ нимъ былъ въ раздорѣ.

ДЮНУА.

Я признаюсь: онъ гордъ, досаденъ, скученъ;
Вѣкъ ничего онъ кончить не умѣлъ....

Но въ пору онъ узналъ сіе искусство:
Онъ прочь идетъ, когда остаться — стыдъ!

КОРОЛЬ.

Я вижу, ты въ своемъ веселомъ нравѣ:
Смущать его не стану.... Дю Шатель,
Король Ренѣ прислалъ ко мнѣ пословъ.
Они пѣвцы; ихъ имя знаменито,
Ихъ угостить хочу великолѣпно,
И каждому по цѣпи золотой....

(Къ Дюнуа).

Къ чему твой смѣхъ?

ДЮНУА.

Ты цѣпи золотыя

Куешь словами.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Государь, твоя

Казна ужъ вся давно истощена,
И денегъ нѣтъ....

КОРОЛЬ.

Найди! пѣвецъ высокій

Безъ почести отсель не поидетъ.

Для насъ при немъ нашъ мертвый жезлъ цвѣтетъ;
Онъ жизни вѣтвь безмертно-молодую
Вплетаетъ въ нашъ безжизненный вѣнецъ
Властителю совластвуетъ пѣвецъ.
Переселясь въ обитель неземную,
Изъ легкихъ сновъ себѣ онъ зиждетъ тронъ.
Пусть обруку идетъ съ монархомъ онъ;
Они живутъ на высотахъ созданья.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

О, государь, доселѣ я щадила
Твой слухъ: для насъ была еще надежда!
Но все сказать велить необходимость:
Не о дарахъ намъ думать! нѣтъ! о томъ,
Гдѣ завтра хлѣбъ найти себѣ насущный.
Растрчено все золото твое,
И наши всѣ сокровищницы пусты;
Съ роптаньемъ ждешь условной платы войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не въ силахъ я твой королевскій домъ
И скудною рукою содержать.

КОРОЛЬ.

Но развѣ намъ ужь средства не осталось?
Отдай въ залогъ, что можно заложить.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы всѣ впередъ заложены.

ДЮНУА.

А срокъ придетъ — ни денегъ, ни залоговъ!

КОРОЛЬ.

Еще у насъ земель богатыхъ много.

ДЮНУА.

Пока щадить ихъ Богъ и мечъ Тальбота.
Но Орлеанъ въ осадѣ. Сдайся онъ —
Тогда паси овецъ съ своимъ Ренé.

КОРОЛЬ.

На счетъ Ренé ты любишь умъ острить;
Но этотъ твой безобластный король

Мнѣ въ даръ прислалъ сокровище безцѣнно.

ДЮНУА.

Избави Богъ! не право ль на Неаполь?

Несчастный даръ! оно въ цѣнѣ упало

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пасетъ своихъ овецъ.

КОРОЛЬ.

То ясная забава, шутка, праздникъ,

Который онъ душѣ своей готовить:

Средь ужасовъ существенности мрачной,

Онъ сотворилъ невинный, чистый міръ;

Онъ царское, великое замыслилъ:

Призвать назадъ то время старины,

Тѣ дни любви, когда любовь вздымала

Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,

Когда въ судѣ присутствовали жены,

Суровое смягчая нѣжнымъ чувствомъ.

Въ сихъ временахъ живетъ незлобный старецъ.

И въ той красѣ, какой онѣ плѣняють

Насъ въ дѣдовскихъ преданьяхъ, въ древнихъ пѣсняхъ,

Какъ Божій градъ на свѣтлыхъ облакахъ,

Онъ мыслить ихъ переселить на землю.

Онъ учредилъ верховный *Судъ любви*,

Гдѣ рыцарей дѣла судимы будутъ,

Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,

Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ —

И онъ меня избралъ *Царемъ любви!*

ДЮНУА.

Не столько я еще забыть природой

Чтобъ отвергать владычество любви;

Я сынъ ея, она дала мнѣ имя,
И въ областяхъ любви мое наслѣдство.
Моимъ отцемъ былъ орлеанскій принцъ: —
Онъ не встрѣчалъ красавицъ непреклонныхъ;
За то не зналъ и крѣпкихъ вражьихъ замковъ.
Ты хочешь быть царемъ любви по праву?
Храбрѣйшимъ будь изъ храбрыхъ. Въ старыхъ книгахъ
Случилось мнѣ читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были.
Не пастухи, слыхалъ я, но герои,
За круглый столъ садились въ древни годы.
Лишь тотъ, чья грудь защитой красотъ,
Беретъ ея награду.... Мѣсто боя
Передъ тобой, — сразись за тронъ наслѣдный;
Опасность ждетъ — стань съ рыцарскимъ мечемъ
За честь вѣнца, за славу женъ прекрасныхъ.
Когда жъ, сломивъ враговъ, изъ ихъ когтей
Кровавую корону смѣло вырвешь —
Тогда твой часъ; тогда царю прилично
Вѣнцомъ любви чело свое украсить.

КОРОЛЬ (*вошедшему пажу*).

Что скажешь?

ПАЖЪ.

Ждутъ гонцы изъ Орлеана!

КОРОЛЬ.

Впусти!

(*Пажъ уходитъ.*)

Они пришли просить защиты....

Что отвѣчать? И самъ я беззащитенъ.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ТѢ ЖЕ и ОРЛЕАНСКІЕ ЧИНОВНИКИ.

КОРОЛЬ.

Какую вѣсть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный городъ?
Все такъ же ли съ отважнымъ постоянствомъ
Упорную осаду отражаетъ?

ЧИНОВНИКЪ.

Ахъ, государь, мы въ крайности. Погибель
Часъ отъ часу неизбѣжимѣй. Сбиты
Всѣ внѣшнія твердыни; каждый приступъ
Лишаетъ насъ и войска и земли;
Ужъ на стѣнахъ защитники рѣдѣютъ;
Всечастно въ бой выходитъ рать; но съ боя
Не многія приходятъ въ городъ; скоро
Постигнетъ насъ бѣда ужаснѣй — голодъ.
Въ такой бѣдѣ высокій Рошепьеръ,
Намѣстникъ твой, обычаемъ стариннымъ,
Съ врагомъ вступилъ въ послѣдній договоръ;
Чтобъ городъ здать черезъ двѣнадцать дней,
Когда къ нему не подосѣетъ войска
Могущаго осаду отразить

(Дюнуа показываетъ досаду.)

КОРОЛЬ.

Двѣнадцать дней! какъ мало!

ЧИНОВНИКЪ.

Непріятель

Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостливъ, не медли, государь,
Иль Орлеанъ для Франціи погибнетъ.

ДЮНУА.

Возможно ль? — Какъ Сантраль могъ согласиться
На гнусный этотъ договоръ?

ЧИНОВНИКЪ.

О, нѣтъ!

Никто не смѣлъ о сдачѣ и помыслить
Пока былъ живъ Сантраль великодушный.

ДЮНУА.

Его ужъ нѣтъ?

ЧИНОВНИКЪ.

Сражаясь на стѣнѣ,
За короля онъ съ честію погибъ.

КОРОЛЬ.

Сантраль погибъ? Ахъ, въ немъ одномъ погибло
Мнѣ войско храбрыхъ!

*(Входитъ рыцарь и говоритъ тихо съ Дюнуа, ко-
торый показываетъ изумленіе и негодованіе.)*

Что еще случилось?

ДЮНУА.

Къ тебѣ прислалъ Дугласъ: его Шотландцы
Волнуются, грозятся отступить,
Когда не дашь задержанной имъ платы.

КОРОЛЬ

(къ Дю Шателю).

Ты слышишь?

ДЮ ШАТЕЛЬ
(пожимая плечами).

Что могу я?

КОРОЛЬ.

Объщай!

Продать, что есть: въ залогъ пол-королевства!

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Напрасно все: они словамъ не вѣрятъ.

КОРОЛЬ.

Они мое надежнѣйшее войско!

Уже ль теперь, теперь меня покинуть?

ЧИНОВНИКЪ (на коленяхъ).

О, государь, спаси твой Орлеанъ.

КОРОЛЬ (въ отчаяніи).

Могу ль родить вамъ войско изъ земли?

Въ моей рукѣ созрѣетъ ли вамъ жатва?

Вотъ грудь моя: мое пусть вырвутъ сердце;

Пусть выбьютъ изъ него монету. Жизнью

Готовъ купить вамъ золото и войско.

(Онъ видитъ входящую Сорель и спѣшитъ ей на
встрѣчу съ распростертыми объятіями.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ же и Агнеса Сорель, съ ларчикомъ въ рукахъ.

КОРОЛЬ.

Агнеса, ты ль? Приди, мой утѣшитель!

Дай руку мнѣ въ ужасный часъ бѣды.

Отчаянье въ мою тѣснится душу;

Но ты моя.... не все еще погибло.

АГНЕСА.

О, государь!

(Смотря на предстоящихъ съ смятеніи.)

Что слышу? — Дю Шатель

Уже ли?...

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Правда.

АГНЕСА.

Какъ! такая крайность?

Солдатамъ платы нѣтъ? бунтуетъ войско?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Все правда.

АГНЕСА *(отдавая ему ларчикъ)*.

Вотъ вамъ деньги: здѣсь мои

Алмазы. Серебро мое расплавьте

Въ монету; зámки всѣ мои въ залогъ, —

Въ залогъ мои прованскія помѣстья;

Все въ золото, чтобъ войско успокоить!

Скорѣй! бѣги, не медли Дю Шатель!

КОРОЛЬ,

Что́, Дюнуа? Что́, Дю Шатель? Еще ли

Я бѣденъ? Нѣтъ! — Взгляните на нее! —

Она со мной порою равна.

Кровь Валуа не благороднѣй крови

Ея отцевъ. Престола украшеньемъ

Была бъ она, — но ей престолъ не лестенъ.

Моею быть — одно ея желанье.

Дарами ль я ее осыпалъ? — Нѣтъ!

Весенній первый цвѣтъ, иль рѣдкій плодъ —

Вотъ всѣ мои дары. Все въ жертву мнѣ,
И ничего на жертву отъ меня.
И что жъ теперь? — Последнее вѣряетъ
Она моей обманчивой судьбѣ.

ДЮНУА.

Она тебѣ въ безумствѣ не уступитъ;
Она свое въ горящій домъ бросаетъ,
И бочку Данаидъ наполнить мыслить.
Тебя ей не стасти — себя лишь вмѣстѣ
Съ тобою погубить.

АГНЕСА.

Не вѣрь ему!

Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью —
Ему ль дрожать за золото мое?
И не давно ль тебѣ съ веселымъ сердцемъ
Я отдала все то, что драгоцѣннѣй
И золота и перловъ? Мнѣ ли нынѣ
Лишь для себя спасти земное счастье?
Пойдемъ! — всѣ лишнія убранства жизни
Отбросимъ прочь... О, другъ! дай мнѣ примѣромъ
Высокаго пожертвованья быть!
Преобрати свой дворъ въ военный станъ,
И золото въ желѣзо; брось отважно
Все, все за твой обиженный вѣнецъ.
Пойдемъ! — бѣды и бѣдность пополамъ!
Пора намъ сѣсть на браннаго коня?
Пусть солнце льетъ свой жаръ на нашу грудь;
Пусть кровлею намъ будутъ облака;
Пусть будетъ намъ подушкой острый камень.

Безропотно снесетъ суровый ратникъ
Свою бѣду, когда король примѣромъ
И твердости и самоотверженья

КОРОЛЬ (*усмѣхаясь*).

И такъ должно обѣщанное сбыться;
Давно, давно монахиня въ Клермонѣ
Въ пророческомъ жару мнѣ предсказала,
Что женщина сразитъ моихъ враговъ,
И мой престолъ наслѣдный завоюетъ.
Я мнилъ ее найти въ британскомъ станѣ,
Ее искалъ я въ материнскомъ сердцѣ....
Но здѣсь она спасительница славы;
Въ священный Реймсъ за нею мы пойдемъ;
Побѣду дастъ любовь моей Агнесы.

АГНЕСА

Ты побѣдишь мечемъ своихъ друзей.

КОРОЛЬ.

Раздоръ враговъ другая намъ надежда.
Уже молва мнѣ вѣрная сказала,
Что охладѣлъ къ союзу Англичанъ
Мой родственникъ бургундскій герцогъ. Скоро.
Узнаю все. Къ Филиппу я Ла Гира
Послалъ, чтобъ онъ озлобленнаго пера
Склонилъ на миръ — и дружбѣ возвратилъ.
Всечасно жду отвѣта.

ДЮ ШАТЕЛЬ (*смотря въ окно*).

Рыцарь здѣсь.

Сей часъ сошелъ съ коня онъ у крыльца,

КОРОЛЬ.

Желанный гость! Друзья, теперь рѣшится:
Къ побѣдѣ ль намъ идти, иль уступить?

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ же и Ла Гиръ.

КОРОЛЬ (*идетъ ему на встрѣчу*).

Скажи, Ла Гиръ, надежда или смерть?
Чего намъ ждать? Скорѣй! — двумя словами!

ЛА ГИРЪ.

Твой мечъ — вотъ вся теперь для насъ надежда.

КОРОЛЬ.

И такъ непримиримъ надменный герцогъ?
Но что же онъ тебѣ сказалъ въ отвѣтъ?

ЛА ГИРЪ.

Еще не давъ произнести мнѣ слова,
Потребовалъ онъ съ гордостью, чтобъ выданъ
Былъ Дю Шатель: онъ мыслить и понынѣ,
Что Дю Шатель убилъ его отца.

КОРОЛЬ.

Когда жъ такой постыдный договоръ
Отвергнемъ мы?...

ЛА ГИРЪ.

Тогда и миръ отвергнуть.

КОРОЛЬ.

И ты мое исполнилъ повелѣнье?

Сказалъ, что я готовъ съ нимъ на мосту

У Монтеро, гдѣ палъ его отецъ,
Сразиться?...

ЛА ГИРЬ.

Я твою перчатку бросилъ;
Я объявилъ, что ты, забывъ свой санъ,
Идешь съ нимъ въ бой на жизнь и смерть, какъ рыцарь.
Но гордо онъ отвѣтствовалъ: «Нѣтъ нужды
Сражаться мнѣ за то, что ужъ мое.
Когда же Карлъ столь жадничаетъ боя,
То пусть найдетъ меня подъ Орлеаномъ:
У стѣнъ его я завтра съ войскомъ буду.»
Такъ отвѣчалъ съ презрительнымъ онъ смѣхомъ.

КОРОЛЬ.

Но что жъ? Уже ль въ парламентѣ моемъ
Совсѣмъ умолкъ священный голосъ правды?

ЛА ГИРЬ.

Нѣмѣетъ онъ предъ дерзкимъ буйствомъ партій:
Парламентомъ и ты и весь твой родъ
Отрѣшены на вѣки отъ престола.

ДЮНУА.

Безумное властительство толпы!

КОРОЛЬ.

Но видѣлся ль ты съ матерью моею?

ЛА ГИРЬ.

Съ твоею матерью?...

КОРОЛЬ.

Что королева?

ЛА ГИРЬ (*подумавъ не много*).

Скажу ли все?... Былъ день коронаванья,

Когда вошелъ я въ Сенъ-Дени. Граждане,
Какъ на тріумфъ, разубраны всѣ были.
Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ —
И въ нихъ вступалъ съ надменностью Британецъ;
Усыпанъ былъ цвѣтами путь; и, словно
Спасеніе отчизны торжествуя,
Рукоплескалъ народъ за колесницей.

АГНЕСА.

Рукоплескалъ!... предавши короля,
И растерзавъ отеческое сердце?

ЛА ГИРЪ.

Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ,
Дитя, сидѣлъ на королевскомъ тронѣ
Святаго Лудвига, какъ близъ него
Стояли гордые Бедфордъ и Глостеръ,
Какъ нашъ Филиппъ, бургундскій герцогъ, братъ твой,
Произносилъ предъ нимъ обѣтъ подданства.

КОРОЛЬ.

Невѣрный братъ! предатель нашей чести!

ЛА ГИРЪ.

Ребенокъ оробѣлъ и спотыкнулся,
Всходя на тронъ по ступенямъ высокимъ.
«Недобрый знакъ!» слышалось въ народѣ,
И поднялся отсюду громкій хохотъ.
Но что же?... Вдругъ твоя родная мать....
О, вѣчный стыдъ!... приблизилась.... скажу ли?

КОРОЛЬ.

Скажи!

ЛА ГИРЬ.

И, на руки схвативъ младенца,
Его сама на тронъ твой посадила.

КОРОЛЬ.

О, сердце матери!

ЛА ГИРЬ.

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшіе къ убійству,
При видѣ семъ зардѣлись отъ стыда.
Но что жъ она? — Взглянувши на толпу,
Сказала вслухъ: «Французы, я для васъ
Больную вѣтвь здоровою смѣнила!
Для васъ навѣкъ отвергнула я сына,
Изчадіе безумнаго отца.»

(Король закрываетъ лицо руками; Агнеса бросается въ его объятія; присутствующіе стараются не обнаружить своего негодованія).

ДЮНУА.

Чудовище!

КОРОЛЬ

(послѣ краткаго молчанія къ чиновникамъ).

Вы слышали, друзья?

Чего жъ вамъ ждать? спѣшите возвратиться
Въ свой Орлеанъ, и гражданамъ скажите,
Что самъ король ихъ клятвы разрѣшаетъ.
Не у меня спасенья имъ искать.
Пускай идутъ съ покорностью къ Бургундцу;
Онъ милостивъ; его прозванье: *Добрый*.

ДЮНУА.

Возможно ли?... Покинуть Орлеанъ?

ЧИНОВНИКЪ

(преклоняетъ колѣно).

О, государь, не отнимай отъ насъ
Твоей руки : не отдавай на жертву
Грабительству Британцевъ Орлеана.
Въ твоёмъ вѣнцѣ онъ самый лучший перлъ ;
Онъ вѣрностью къ законнымъ королямъ
Всегда былъ знаменитъ.

ДЮНА.

Но развѣ мы
Разбиты? Мы ль покинемъ поле чести,
За Орлеанъ меча не обнаживъ?
Какъ? Не проливъ ни капли крови, ты
Осмѣлишься ничтожнымъ словомъ вырвать
Изъ сердца Франціи твой лучший городъ?

КОРОЛЬ.

Довольно кровь лилась! напрасно все!
Рука небесъ на мнѣ отяготѣла;
Вездѣ мои разбиты вѣйска; я
Парламентомъ отвергнутъ ; мой Парижъ
И весь народъ врагу рукоплескаютъ;
И кровные преслѣдуютъ меня;
И все мой врагъ — сама родная мать....
Мы перейдемъ не медля за Луару,
Не устоять противъ руки небесъ;
Она теперь на насъ за иноземца.

АГНЕСА.

Что слышу? Мы ль, въ самихъ себѣ отчаясь,
Отечества постыдно отречемся?

Достойно ли тебя такое слово?
Нѣтъ, матери чудовищное дѣло
Минутно твой геройскій духъ смутило.
Войди въ себя; будь снова твердый мужъ:
Съ величіемъ бѣдѣ противостань, —
И побѣдишь.....

КОРОЛЬ

(въ горестной задумчивости).

Усилія напрасны.

Ужасная свершается судьба
Надъ родомъ Валуа. Его самъ Богъ
Отринулъ: мать злодѣйствами погибель
Накликала на мой несчастный домъ;
Отецъ мой былъ безумцемъ двадцать лѣтъ;
Безвременно моихъ трехъ старшихъ братьевъ
Сразила смерть..... То Божій приговоръ:
Погибнетъ все шестаго Карла племя.

АГНЕСА.

Въ тебѣ оно воскреснетъ обновленнымъ.
О, вѣрь въ себя! Судьбою не напрасно
Ты, младшій братъ, твоихъ погибшихъ братьевъ
Былъ пережить назначенъ; не напрасно
Ты на престолъ нежданный возведенъ:
Твоя, твоя прекрасная душа
Есть избранный цѣлитель тяжкихъ ранъ,
Отечеству раздоромъ нанесенныхъ.
Пожаръ войны гражданской ты потушишь.
Мнѣ сердце говоритъ: ты дашь намъ миръ,
И Франціи создатель новый будешь.

КОРОЛЬ.

Не я... Крутымъ и бурнымъ временамъ
Въ правители сильнѣйшій кормщикъ нуженъ.
Счастливить могъ бы я народъ спокойный —
Но съ дикостью бунтующей не слажу.
Не мнѣ мечемъ кровавымъ разверзать
Себѣ сердца, запершіяся въ злобѣ.

АГНЕСА.

Народъ твой слѣпъ! онъ призракомъ обмануть!
Сей тяжкій сонъ не можетъ продолжиться;
День не далекъ: пробудится любовь
Къ законнымъ королямъ (въ груди Французовъ
Она всегда жива и неизмѣнна);
Пробудятся и ненависть и ревность,
Врожденные двумъ націямъ противнымъ,
И гордый врагъ своимъ погибнетъ счастьемъ....
Не отходи жь отъ поприща побѣдъ;
Воюй, борись за каждый шагъ земли;
Обороняй, какъ собственную грудь,
Твой Орлеанъ. Скорѣй всѣ переправы
Разрушь, скорѣе всѣ сожги мосты,
Ведущія за грань твоей державы,
Туда, гдѣ нѣтъ ужь чести, за Луару!

КОРОЛЬ.

Что могъ, то все я сдѣлалъ! Самъ, какъ рыцарь,
Я былъ готовъ на смертный поединокъ
За мной вѣнецъ; но вызовъ мой отринуть.
Я тщетно жизнь моихъ народовъ трачу;

Всѣ города мои валятся въ прахъ.
Иль, матери свирѣпой уподобясь,
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!

ДЮНУА.

О, Боже! то ль языкъ монарха? Такъ ли
Вѣнецъ свой должно уступать?... Послѣдній
Твой подданный отважно отдаетъ
И кровь и жизнь за мнѣнье, за любовь
И ненависть свою: все жертва партій
Во времена войны междоусобной!
Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ;
Старикъ, дитя кидаются къ мечу;
И гражданинъ свой городъ, пахарь ниву
Своей рукою жгутъ; и каждый рвется
Тебѣ служить иль впредъ тебя нанести,
Чтобъ отстоять души своей желанье.
Никто не дастъ пощады и не приметъ,
Какъ скоро честь зоветъ, и биться должно
За идола иль Бога своего.
И такъ отбрось изнѣженную жалость —
Она душѣ монарха неприлична.
Пускай война сама свой огонь потушить;
Не ты ее безумно воспалилъ.
Народъ за тронъ себя щадить не долженъ:
Такой законъ и вѣчный жребій свѣта;
Инаго мы, Французы, не признаемъ!
И стыдъ той націи, которой жаль
Все положить за честь свою святую!

КОРОЛЬ

(къ чиновникамъ).

Подите! вамъ защитой небеса!

А я для васъ ничто.

ДЮНУА.

Да отвратится жъ

Навѣки Бодъ побѣды отъ тебя,

Какъ ты отъ Франціи! Когда ты самъ

Себя оставилъ — мы должны разстаться.

Не Англія съ бунтующимъ Бургундцемъ —

Твой робкій духъ тебя сгоняетъ съ трона.

Природный даръ французскихъ королей

Геройство — ты жъ не можемъ быть рожденъ

(Къ чиновникамъ.)

Монарха нѣтъ у васъ; но я за вами!

Я затворюсь въ родимый Орлеанъ,

И съ нимъ въ его развалинахъ погибну.

(Хочетъ идти. Агнеса Сорель удерживаетъ его.)

АГНЕСА *(королю).*

О, государь, останови его.

Онъ на словахъ жестокъ, но сердцемъ вѣренъ,

Какъ золото: онъ твой; тебя онъ любитъ;

Онъ за тебя лилъ кровь.... прольетъ и нынѣ....

Признайся, Дюнуа, ты далекó

Былъ заведенъ досадой благородной?

А ты прости его суровой дружбѣ.

Ахъ, дайте мнѣ, пока не разгорѣлся

Въ сердцахъ огонь вражды непримиримой,

Завременно быть вашимъ миротворцемъ!

(Дюнуа смотритъ на короля и ждетъ отвѣта.)

КОРОЛЬ (*къ Дю Шателю*).

Мы перейдемъ Луару. На суда
Вели скорѣй все нагружать....

ДЮНУА

(*поспѣшно Агнесъ*).

Прости!

(*Уходитъ съ чиновниками.*)

АГНЕСА

(*въ отчаяніи простирая руки*).

Стой, Дюнуа! — Теперь мы беззащитны!....

Бѣги за нимъ, Ла Гиръ! смягчи его!

(*Ла Гиръ уходитъ.*)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Король. Агнеса. Дю Шатель.

КОРОЛЬ.

Уже ли тронъ единственное благо?

Уже ль разстаться съ нимъ такъ тяжело?

О, нѣтъ! я зло неслоснѣйшее знаю:

Игрушкой быть сихъ дерзкихъ, гордыхъ душъ;

Покорствовать; жить милостью вассаловъ;

Отъ грубой ихъ надменности зависѣть —

Вотъ бѣдствіе, вотъ жребій нестерпимый,

Не легче ли судьбѣ своей поддаться?

(*Къ Дю Шателю.*)

Исполни мой приказъ.

ДЮ ШАТЕЛЬ

(*на коленяхъ*).

О, государь!

КОРОЛЬ.

Ни слова! рѣшено! поди!

ДЮ ШАТЕЛЬ.

НѢТЬ! нѢТЬ!

Склонись на миръ съ Филиппомъ, государь;
Другаго нѢТЬ спасенья для тебя.

КОРОЛЬ.

Какой совѣтъ!... Но развѣ ты забылъ,
Что жизнь твоя цѣною примиренья?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Вотъ голова моя; я за тебя
Не разъ ее носилъ въ сраженъе... нынѣ
Я за тебя жъ несу ее на плаху.
Инаго средства нѢТЬ! Предай меня
На произволъ неумолимой злобы;
Пускай вражда въ моей крови потухнетъ.

КОРОЛЬ

(тронутый, молча смотритъ на него).

Какъ! до того ль дошло?... Мои друзья,
Которымъ вся душа моя открыта,
Мнѣ путь стыда къ спасенью выбираютъ!
Теперь свою всю бѣдность узнаю:
На честь мою довѣренность погибла.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

О, нѢТЬ!...

КОРОЛЬ.

Молчи! Не раздражай меня!

Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять —
Я не спасусь погибелію друга.

Исполни то, что я велѣлъ. Иди!

Чтобъ на суда немедленно грузились.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Иду.

(Встаетъ и уходитъ. Агнеса Сорель горько плачетъ.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Король и Агнеса.

КОРОЛЬ

(беретъ ее за руку).

Не унывай, моя Агнеса!

Есть Франція для насъ и за Луарой (*).

АГНЕСА.

Какой должна я страшный встрѣтить день!

Король идти въ изгнанье осужденъ;

Семейный домъ покинуть долженъ сынъ,

И съ милою разстаться колыбелью....

О, родина, прекрасная земля,

Прости! тебя мы вѣчно не увидимъ!

(*) Здѣсь пропускъ въ переводѣ. Въ подлинникѣ
Король продолжаетъ такъ:

Въ благословенный край съ тобой мы ѣдемъ:

Такъ небо вѣкъ съ безоблачной улыбкой,

И вѣтерочекъ вѣетъ тамъ легко,

И нравы кротки, и звучить повсюду,

Во славу жизни и любви, пѣсня.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Ла Гиръ возвращается. Король и Агнеса

АГНЕСА.

Ла Гиръ, ты здѣсь? А Дюнуа?

(Смотритъ на него пристально.)

Но что?

Сверкаетъ взоръ твой! — говори, Ла Гиръ?
Иль новая бѣда?

ЛА ГИРЪ

Бѣды прошли!

Намъ небеса опять благопріятны.

АГНЕСА.

Возможно ль? Какъ?

ЛА ГИРЪ *(королю)*.

Скорѣ орлеанскихъ

Чиновниковъ вели позвать.

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ?

ЛА ГИРЪ.

Судьба войны на нашей сторонѣ:

Дано сраженіе, — мы побѣдили (*).

(*) Здѣсь пропускъ въ переводѣ:

АГНЕСА.

Побѣда!... О, какъ слово иногда

Звучитъ божественно и музыкально!...

КОРОЛЬ.

Ла Гиръ, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный!

ЛА ГИРЪ.

Повѣришь ты чудеснѣйшему скоро.
Но вотъ идетъ архіепископъ; съ нимъ
И Дюнуа.

АГНЕСА.

О, сладкій цвѣтъ побѣды!
Какъ скоро плодъ небесный онъ приносить:
Согласіе и миръ!

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ же. Архіепископъ. Дюнуа. Дю Шатель.
Рауль.

АРХІЕПИСКОПЪ

(подводитъ Дюнуа къ королю и соединяетъ ихъ руки).

Графъ, государь,
Забудьте гнѣвъ! другъ другу дайте руку!
Раздору мѣста нѣтъ: за насъ Всевышній!
(Король и Дюнуа обнимаются.)

КОРОЛЬ.

Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите!
Я вѣрю вамъ и вѣрить вамъ страшусь.
Когда и какъ столь быстро перемѣна
Чудесная свершилась?

АРХІЕПИСКОПЪ

(подводитъ къ королю Рауля).

Говори.

РАУЛЬ.

Шестнадцать было насъ знаменъ. Мы шли
Примкнуть къ тебѣ. Нашъ храбрый предводитель
Былъ рыцарь Бодрикуръ, изъ Вокулёра.
Но только мы достигли Фермантонскихъ
Высотъ, и въ долъ, Іонной орошенный,
Спустились — вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ — возвратный путь захваченъ.
Спасенья нѣтъ! — побѣда невозможна.
Храбрѣйшіе упали духомъ; ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть. Тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору — средства нѣтъ.... Но въ этотъ мигъ
Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица: яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы.... И вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилось,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, Французы? На врага!
«Будь онъ морскихъ песковъ неисчислимы —
«За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!»
И вмигъ она изъ рукъ знаменосца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ страшномъ
Величіи пошла передъ рядами.

Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслѣдъ —
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотритъ
Очами онъ на гибельное чудо....
И вдругъ — какъ будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лицо — онъ дрогнулъ и бѣжитъ,
Бросая щитъ и мечъ.... И по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось.
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей.
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ, глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчатся....
И то была не битва, но убійство:
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло,
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло.
А наши всѣ остались невредимы.

КОРОЛЬ.

Неслыхано! чудесно!

АГНЕСА (*).

Кто она?

РАУЛЬ.

Одинъ король сію узнаетъ тайну.

(*) Въ подлинникѣ Агнеса начинаетъ свою рѣчь слѣдующими словами:

Какъ? Дѣвица

Свершила это чудо?

Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ — и обѣщаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага, и снять осаду Орлеана.

Ей вѣруя, народъ сраженья жаждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится.

(Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою.)

Вы слышите! шумитъ народъ.... Она!

КОРОЛЬ *(къ Дю Шателю).*

Введи ее сюда.

(Архіепископу.)

Но что мнѣ думать?

Побѣда намъ отъ дѣвы.... и когда же?

Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ можетъ.

Естественно ль? И гдѣ законъ природы?

Скажи, отецъ, повѣрить ли мнѣ чуду?

ГОЛОСА *(за сценою).*

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!

КОРОЛЬ.

Идетъ.

(Къ Дюнуа.)

Займи мое на время мѣсто.

Пророчицу мы опыту подвергнемъ:

Когда съ небесъ ей послано всезнанье —

Она сама откроетъ короля.

(Дюнуа садится; король становится возлѣ него, съ права, рядомъ съ нимъ Агнеса Сорель; архіепископъ съ остальными — съ другой стороны, такъ что середина сцены остается пустою.)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ІОАННА, за нею чиновники орлеанскіе и множество рыцарей, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ.

ДЮНУА

(съ важностію).

Ты ль, дивная....

ІОАННА

(прерываетъ его величественно).

Ты Бога испытujesz!

Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа!

Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.

(Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ по среди сцены.)

КОРОЛЬ.

Мое лицо ты видишь въ первый разъ:

Кто далъ тебѣ такое откровенье?

ІОАННА.

Я видѣла тебя.... но только тамъ,

Гдѣ ты никѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.

(Приближается и говоритъ таинственно.)

Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?

Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло

Глубокимъ сномъ — не ты ль, покинувъ ложе,

Съ молитвою предъ Господомъ простерся?

Вели имъ выйти..... я твою молитву
Тебѣ скажу.

КОРОЛЬ.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну —
Тогда твое признаю назначенье.

ІОАННА.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы!
И первую молилъ ты, чтобъ Всевышній —
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война —
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

КОРОЛЬ

(отступая съ трепетомъ).

Но кто же ты, чудесная?... Откуда?...

(Всѣ въ изумленіи.)

ІОАННА.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои
Вѣнчанные владѣли въ сей землѣ —
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,

Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.

(Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна, помолчавъ, продолжаетъ.)

Скажу ль твою послѣднюю молитву?

КОРОЛЬ.

Довольно! — вѣрую! Сего не можетъ
Единый человѣкъ: съ тобой Всевышній!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Откройся жь намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

ІОАННА.

Святой отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула.
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ. И я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властвовалъ онъ....
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы —
Къ нему толпой приходятъ богомольцы —
И близъ него стоитъ священный дубъ,

Прославленный издревле чудесами....
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ — меня стремило сердце —
И всякой разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалось ягненку затеряться,
Пропадшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ — всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ деревомъ —
Пречистая предстала мнѣ. Въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя; но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой; и сказала:
« Узнай меня! возстань! иди отъ стада! —
« Господь тебя къ иному призываетъ.
« Возьми мое святое знамя, мечъ
« Мой опояшь и имъ неустрашимо
« Рази враговъ народа моего,
« И проводи помазанника въ Реймсъ,
« И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ. »
Но я сказала: — мнѣ ль смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ сей погибельный дерзать? —
« Дерзай! » она рекла мнѣ: « Чистой дѣвѣ
« Доступно все великое земли,
« Когда земной любви она не знаетъ. »
Тогда моихъ очей Она коснулась....
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ, крылатыхъ Серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;

И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ....

И такъ Пречистая три ночи съ ряду

Являлась мнѣ и говорила: «Встань!

«Господь тебя къ иному призываетъ.»

Но въ третью ночь, Она, явись во гнѣвъ,

Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:

«Удѣлъ жены — тяжелое терпѣнье!

«Возьми твой крестъ, — покорствуй небесамъ;

«Въ страданіи земное очищенье;

«Смиранный здѣсь — возвышенъ будетъ тамъ.»

И съ словомъ симъ Она съ себя одежду

Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ

Явилась мнѣ Царицею небесъ,

И на меня съ утѣхой поглядѣла,

И медленно на свѣтлыхъ облакахъ

Къ обители блаженства полетѣла.

(Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лицо руками.)

АРХІЕПИСКОПЪ

(по долгомъ молчаніи).

Должно молчать передъ глаголомъ неба

Сомнѣніе премудрости земной:

Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель.

Единый Богъ подобное творить (*).

КОРОЛЬ.

Достоинъ ли я милости такой?

(*) Здѣсь пропускъ въ переводѣ:

Д Ю Н У А.

Нѣтъ, не словамъ — ея глазамъ я вѣрю,

И чистотѣ дѣвической ея.

Всевидащій, необольстимый, Ты,
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь!

ІОАННА.

Покорности всегда Господь доступенъ;
Смирися ты — тебя Онъ возвеличилъ.

КОРОЛЬ.

И такъ съ врагомъ могу еще бороться?

ІОАННА.

Я Францію во власть твою предамъ.

КОРОЛЬ.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

ІОАННА.

Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

КОРОЛЬ.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

ІОАННА.

По трупамъ ихъ тебя въ него введу.

*(Всѣ предстоящіе рыцари, показывая мужество, гре-
мятъ копьями и щитами.)*

ДЮНА.

Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ: слѣпо

За дивною мы бросимся во слѣдъ.

Намъ вождь — ея пророческое око;

А вѣрный ей защитникъ — этотъ мечъ.

ЛА ГИРЬ.

Будь мѣръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ съ адомъ —
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди!

Мы рады въ бой! Чудесная, веди!

Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ!

КОРОЛЬ.

Такъ, я тебѣ свое ввѣряю войско;
Его вожди твою признають власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы,
Покинутый строптивымъ полководцемъ:
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты....

ІОАННА.

Постой, дофинъ!

Орудіе могущества земнаго
Не совершить побѣды. Мечъ другой,
Предъизбранный сразить врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ указанъ мнѣ сей мечъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ!

КОРОЛЬ.

Гдѣ?

ІОАННА.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружіемъ—
Военная добыча древнихъ лѣтъ —
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ, три лилеи золотыя
Изсѣчены на лезвѣ булатномъ.
Найди сей мечъ — въ немъ сила и побѣда.

КОРОЛЬ.

Немедленно исполнить, Дю Шатель!

ІОАННА.

И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ Святую Дѣву
Съ Спасителемъ-Младенцемъ на рукахъ,
И подъ Ея стопами шаръ земной:
Въ Ея рукахъ такое было знамя.

КОРОЛЬ.

Исполню все.

ІОАННА

(къ архіепископу).

Святой архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.

(Становится на колѣни.)

АРХІЕПИСКОПЪ.

Не намъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье.... Съ Богомъ
Гряди! А мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы.

(Она встаетъ.)

ПАЖЪ.

Герольдъ отъ графа Салисбури.

ІОАННА.

Введи! Господь приводитъ къ намъ его.

(Даетъ знакъ пажу: тотъ уходитъ.)

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ТѢ ЖЕ и Герольдъ.

КОРОЛЬ.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою вѣстью?

ГЕРОЛЬДЪ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

ДЮНУА.

Презрительный ругатель! какъ дерзаешь

Ты короля законнаго Французовъ

Здѣсь на его землѣ не признавать?

Твой санъ тебѣ защита; безъ того....

ГЕРОЛЬДЪ.

Одинъ король законный у Французовъ;

Но онъ теперь живетъ въ британскомъ станѣ.

КОРОЛЬ

(къ Дюнуа).

Спокойся другъ. Доканчивай, герольдъ!

ГЕРОЛЬДЪ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,

Которая пролита и прольется,

Свой грозный мечъ въ ножнахъ остановилъ,

И, гибнущій спасая Орлеанъ,

Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

КОРОЛЬ.

Въ какой?

ІОАННА

(выступает впередъ).

Позволь мнѣ именемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ герольду.

КОРОЛЬ.

Говори!

Тебѣ рѣшить судьбу войны иль мира.

ІОАННА.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоёмъ лицѣ?

ГЕРОЛЬДЪ.

Графъ Салисбури, вождь Британцевъ.

ІОАННА.

Лжешь,

Герольдъ! Одни живые говорятъ.

И такъ твой вождь здѣсь говорить не можетъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Но вождь мой живъ — и здоровъ и силен
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

ІОАННА.

Вчера былъ живъ, а нынче на зорѣ

Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,

Когда стоялъ на башнѣ Латурнель.

Смѣешься ты моей чудесной вѣсти;

Но вѣрь не мнѣ — своимъ глазамъ, герольдъ.

Ты, въ лагерь свой вступая, будешь встрѣченъ

Печальными его похоронами.

Теперь скажи: въ чемъ ваше предложенье?

ГЕРОЛЬДЪ.

Когда тебѣ все тайное открыто —

Его сама ты знаешь безъ меня.

ІОАННА.

Но знать его не нужно мнѣ теперь.

Внимай, герольдъ, внимай и повтори

Мои слова британскимъ полководцамъ:

Ты, англійскій король, ты, гордый Глостеръ,

И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,

Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ

За кровь пролитую; готовьтесь выдать

Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки

Святѣйшаго божественнаго права.

Отъ Господа предъизбранная дѣва

Несетъ вамъ миръ иль гибель — выбирайте!

Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:

Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщалъ

Святую Францію — но моему

Владыкѣ, Карлу. Онъ отъ Бога избранъ:

И вступить онъ въ столицу съ торжествомъ,

Любовію народа окруженный....

Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождямъ;

Но знай, когда съ сей вѣстію до стана

Достигнешь ты — ужь дѣва будетъ тамъ,

Съ кровавою свободой Орлеана.

(Уходитъ; всѣ за нею. Занавѣсъ опускается.)

ВТОРОЙ АКТЪ.

Мѣсто, окруженное утесами. Ночь.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Тальботъ и Ліонель, *англійскіе вожди*. Филиппъ.
Герцогъ Бургундскій. Фастольфъ и Шатиль-
онъ. *солдаты со знаменами.*

ТАЛЬБОТЪ.

Здѣсь можемъ мы, подъ этими скалами,
Разбить шатры: здѣсь мѣсто безопасно.
Сюда сберемъ скорѣе бѣглецовъ,
Разстроенныхъ внезапностью и страхомъ.
По высотамъ разставить стражу. Правда,
Преслѣдовать не будутъ ночью насъ;
Хотя бъ они имѣли крылья — намъ
Нельзя теперь бояться нападенья.
Но все нужна предостожность; врагъ
Успѣхомъ ободренъ, а мы разбиты.

(Фастольфъ уходитъ съ солдатами.)

ЛІОНЕЛЬ.

Разбиты! мы! невѣрная судьба!

Возможно ли постигнуть, чтобъ Французъ
Торжествовалъ и насъ бѣгущихъ видѣлъ!
О, Орлеанъ! — могила нашей славы!
Честь Англіи погибла предъ тобой!
Постыдное, презрительное бѣгство!
Повѣрять ли грядущія лѣта,
Чтобъ женщиной былъ прогнанъ побѣдитель
При Пуатье, Креси и Азинкуръ?

ГЕРЦОГЪ.

Утѣшимся! Не силой человѣка
Разбиты мы, но силой чародѣйства.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, силой нашего безумства.... Герцогъ,
Уже ль и ты испуганъ привидѣньемъ?
Но суевѣріе не оправданье
Для робкихъ. Первый ты бѣжалъ съ твоими.

ГЕРЦОГЪ.

Но кто же устоялъ? Все побѣжало.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, прежде всѣхъ твое крыло смѣшалось.
Не вы ли въ лагерь къ намъ вломились съ вошемъ:
«Пропали! адъ за Францію воуетъ!»
И не тогда ль смятенье стало общимъ?

ЛІОНЕЛЬ.

Вы первые бѣжали, это правда.

ГЕРЦОГЪ.

На первыхъ насъ ударилъ непріятель.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ угадалъ, что вы не устоите,

Что робкіе и храбрыхъ увлекутъ.

ГЕРЦОГЪ.

Какъ? Я ль одинъ виною пораженья?

ЛІОНЕЛЬ.

Свидѣтель Богъ, безъ васъ бы Орлеана

Не потерять намъ!

ГЕРЦОГЪ.

Такъ! но потому,

Что вы безъ насъ его бъ и не видали.

Кто вамъ открылъ во Францію дорогу?

Кто руку вамъ защитную простеръ

При выходѣ на брегъ враждебно-чуждый?

Кѣмъ Генрихъ вашъ въ Парижѣ коронованъ?

Кто покорилъ ему сердца Французовъ?

Не будь моя могучая рука

Вожатый вашъ — вы дыма бъ не видали,

Встающаго вдали съ французской кровли.

ЛІОНЕЛЬ.

Такъ будь въ словахъ напыщенныхъ побѣда —

Ты былъ бы здѣсь одинъ завоеватель.

ГЕРЦОГЪ.

Раздражены утратой Орлеана,

Хотите вы всю желчь напрасной злобы

На вѣрнаго союзника пролить.

Но кто жь у васъ похитилъ Орлеанъ?

Не вы ли? Онъ готовъ былъ покориться —

Кто помѣшалъ? Корысть и зависть ваша

ТАЛЬБОТЪ.

Не для тебя его мы осаждали

ГЕРЦОГЪ.

Уйди я съ войскомъ — что бѣ тогда вы были?

ЛІОНЕЛЬ.

Все то жь, что въ день побѣды азинкурской,
Когда съ тобой и съ Франціей одни
Мы сладили.

ГЕРЦОГЪ.

Но цѣну дорогую
За мой союзъ регентъ вашъ заплатилъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ стоитъ намъ теперь еще дороже:
Онъ чести насъ лишилъ предъ Орлеаномъ.

ГЕРЦОГЪ.

Молчи, Тальботъ, иль будешь сожалѣть!
Затѣмъ ли я отечества отрекся,
И на себя навлекъ позоръ измѣны,
Чтобы сносить ругательства пришельцевъ!
Зачѣмъ я здѣсь? За что сражаюсь съ Карломъ?
Когда служить неблагодарнымъ должно —
Вѣрнѣй служить родному королю.

ТАЛЬБОТЪ.

Мы знаемъ: ты въ переговоры съ Карломъ
Уже вступилъ; но вѣрь, что отъ измѣны
Себя мы защитимъ.

ГЕРЦОГЪ.

Великій Боже,
Что слышать мнѣ досталось? Шатильонъ,
Собрать полки! сейчасъ отступимъ!...

(Шатильонъ уходитъ.)

ЛІОНЕЛЬ.

Съ Богомъ!

Британія всегда торжествовала,
Когда ея надежный мечъ одинъ
Разилъ, не ждавъ союзниковъ невѣрныхъ.
Всякъ за себя сражайся: кровь Француза
Съ Британскою не породнится кровью.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ТѢ ЖЕ и Королева Изабелла, сопровождаемая па-
жемъ.

КОРОЛЕВА.

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный духъ васъ обуялъ?
Вы на себя раздоромъ безразсуднымъ
Постыдную накличете погибель.
Въ согласіи теперь спасенье наше.
Останови полки свои, Филиппъ!
А ты, Тальботъ достойно-славный, руку
Въ знакъ мира дай обиженному другу!
Тебя зову на помощь, Ліонель:
Скажи вождямъ мирительное слово.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ, я молчу! Мнѣ все равно. И лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вмѣстѣ.

КОРОЛЕВА.

Уже ль и здѣсь владычествуетъ адъ,

Столь гибельно смутившій насъ въ сраженьи?
Скажите, кто зачинщикъ былъ? Тальботъ,
Ты ль выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидѣлъ?
Но что начнешь, союзъ его отринувъ?
Не имъ ли вашъ король на тронъ нашемъ?
Кого вѣнчалъ, того и развѣнчать
Ему легко. Пускай нахлынетъ вся
Британія на наши берега —
Не побѣдить, когда согласны будемъ:
Лишь Франція для Франціи опасна.

ТАЛЬБОТЪ.

Союзника недежнаго я чту;
Но долгъ вождя предателей беречься.

ГЕРЦОГЪ.

Кто пренебрегъ коварно благодарность,
Тому знакомъ и лжи языкъ безстыдный.

КОРОЛЕВА.

Какъ, герцогъ? Ты ль забудешь честь, и руку
Подашь рукъ, еще облитой кровью
Предательски убитаго отца?
Безуміе повѣрить, чтобъ дофинъ,
Къ погибели тобою приведенный,
Тебѣ свой стыдъ простить отъ сердца могъ.
Надъ бездной онъ, и пасть въ нее готовъ....
Ты ль самъ свое творенье уничтожишь?
Здѣсь, здѣсь твои друзья. Въ союзъ тѣсномъ
Съ Британіей спасеніе твое.

ГЕРЦОГЪ.

О мирѣ я съ дофиномъ и не мыслилъ;
Но какъ молчать?... Могу ль снести презрѣнье
И дерзкую хвастливость пришлецовъ?

КОРОЛЕВА.

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбенъ вождь: побѣдой онъ обмануть.
Въ несчастіи мы все несправедливы.
Спѣши же съ нимъ обняться; примиритесь,
Пока раздоръ еще не разгорѣлся.

ТАЛЬБОТЪ.

Что скажешь, герцогъ? Кто душою правъ,
Тому легко покорствовать разсудку.
Я убѣжденъ совѣтомъ королевы.
Забудь мои поспѣшныя слова,
И руку мнѣ залогомъ дружбы дай.

ГЕРЦОГЪ.

Согласенъ! — вотъ рука. Необходимость
Велитъ мнѣ гнѣвъ правдивый укротить (*).

ЛІОНЕЛЬ

(смотря на нихъ, про себя).

Надеженъ миръ, подписанный Мегерой!

(*) Здѣсь пропускъ въ переводѣ. Въ подлинникѣ такъ:

КОРОЛЕВА.

И хорошо! Скорѣй запечатлѣйте
Союзъ вашъ крѣпкимъ, братскимъ поцѣлуемъ, —
И на-вѣтеръ все гнѣвные слова.

(Герцогъ и Тальботъ обнимаются.)

КОРОЛЕВА.

Въ сраженьи мы разбиты, полководцы!
И счастье не за насъ; но бодрость нашу
Сразить ли не успѣхъ? Пускай дофинъ,
Отчаяся въ защитѣ неба, адъ
Въ сообщники зоветъ! напрасно губить
Онъ душу: адъ его не защититъ.
Будь дѣва ихъ вождемъ побѣдоноснымъ —
За васъ его разгнѣванная мать.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ, королева, мой совѣтъ: въ Парижъ
Вамъ возвратиться. Намъ не нужно жѣнщинъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, признаюсь, съ тѣхъ поръ, какъ въ станѣ вы,
Намъ ни на что благословенья нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Подите! Вамъ при войскѣ быть не должно:
На васъ глядѣть неблагоклонно ратникъ.

КОРОЛЕВА

(смотря на каждого съ изумленіемъ).

И ты за нихъ! и ты къ неблагодарнымъ,
Филиппъ, присталъ, ругаться надо мной!

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ, королева! — рать теряетъ бодрость;
Противно ей за васъ идти въ сраженье.

КОРОЛЕВА.

Возможно ль? Васъ едва я примирила —

И вы меня согласны ужь отречься (*).
Но знать хочу, въ союзѣ мы иль нѣтъ?
Не за одно ль сражаемся мы дѣло?

ТАЛЬБОТЪ.

Не за одно. Мы рыцарски стоимъ
За честь отечества, за наше право.

ГЕРЦОГЪ.

Я за отца убійцамъ отомщаю:
Сыновній долгъ вложилъ мнѣ въ руку мечъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Но, признаюсь, поступки ваши съ сыномъ
И человѣчеству и Божеству
Противны.

КОРОЛЕВА.

Проклятъ будь онъ въ чадахъ чадъ! —
Надъ матерью своею онъ ругался.

ГЕРЦОГЪ.

Онъ мстилъ за честь супруга и отца.

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній!

Онъ мать свою на ссылку осудилъ!

Мнѣ, мнѣ его простить? Скорѣй погибну!

(*) Въ подлинникѣ, рѣчь Королевы, въ этомъ мѣ-
стѣ прерывается Тальботъ слѣдующими словами:

Намъ, королева, нечего бояться

И чорта, если васъ не будетъ близко.

Скорѣй, чѣмъ дать ему престолъ наслѣдный (*).

ТАЛЬБОТЪ.

Вы честь свою готовы посрамить.

КОРОЛЕВА

Не знаете вы, слабыя сердца,

Что чувствуетъ обиженная мать.

Безъ мѣры я люблю и ненавижу.

Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ — и будь онъ сынъ —

Тѣмъ ненависть моя непримиримѣй.

Когда онъ грудь, питавшую его,

Дерзнулъ пронзить въ богоотступной злобѣ:

Сама своей рукою истреблю

Я бытіе, дарованное мною.

Но вы за что ведете съ нимъ войну?

На тронъ его какое ваше право?

Обидой ли, нарушеннымъ ли долгомъ

(*) Это мѣсто въ переводѣ нѣсколько измѣнено. Въ подлинникѣ рѣчь Королевы два раза прерываютъ, сначала Ліонель, а потомъ Тальботъ, такимъ образомъ:

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣланій!

ЛІОНЕЛЬ.

Да! — сынъ какой для матери судья!

КОРОЛЕВА.

Онъ мать свою на ссылку осудилъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Согласно, впрочемъ, съ общимъ приговоромъ.

КОРОЛЕВА.

Мнѣ, мнѣ его простить? и т. д. какъ въ печатномъ.

Онъ на себя навлекъ гоненье ваше?
О, нѣтъ! Корусть и зависть вашъ законъ.
Но мнѣ онъ сынъ — властна я ненавиждѣть.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, мать свою по мщенью знаетъ онъ.

КОРОЛЕВА.

Ругатели презрѣнные, не вамъ
Правдивый свѣтъ коварствомъ обмануть!
На Францію разбойнически руку
Простерли вы, Британцы; но по праву
Здѣсь шагу нѣтъ земли, подвластной вамъ.
Вы хищники! А ты, бургундскій герцогъ,
Ты, обезславленный прозваньемъ: *Добрый*, —
Не ты ль врагамъ свою отчизну продалъ?
Не ты ль отцевъ наслѣдіе пришельцу,
Грабителю отдалъ на разграбленье?
А все твердить языкъ вашъ: справедливость.
О, лицемеры, васъ я презираю!
На мнѣ личины нѣтъ. Съ лицомъ открытымъ
Иду на судъ: пусть судить свѣтъ! (*) Простите!
(Уходитъ.)

(*) Здѣсь значительный пропускъ въ переводѣ. Въ подлинникѣ этотъ выходъ оканчивается такъ:

ГЕРЦОГЪ.

И правда! — похвалиться вы властны,
Что мнѣнѣя свѣта встрѣтили безстрашно.

КОРОЛЕВА.

Во мнѣ есть страсти, кровь во мнѣ кипить,
Какъ и въ другой. Я вашей королевы
Вънецъ надѣла для того, чтобъ жить,

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ТАЛЬБОТЪ. ГЕРЦОГЪ. ЛІОНЕЛЬ.

ТАЛЬБОТЪ.

Вотъ женщина!...

ЛІОНЕЛЬ.

Что дѣлать, полководцы?

Все ль отступать, иль, быстро обратившись,
Рѣшительнымъ ударомъ истребить
Безславіе послѣдняго сраженья?

ГЕРЦОГЪ.

Мы слабы; всѣ разстроены полки;
И ратникомъ владычествуется ужасъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Насъ побѣдилъ слѣпой, минутный страхъ —
Незапное могущество мгновенья.
Но робкаго воображенья призракъ
Исчезнетъ самъ, увидѣнный вблизи.
И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить

А не сіять безжизненной звѣздой:
Ужели мнѣ отъ радостей житейскихъ
Велите отказаться — потому,
Что волей рока годы молодые
Я принесла безумному на жертву?
Свобода мнѣ дороже самой жизни!...
А кто меня стѣсняетъ?... Впрочемъ — полно
Мнѣ съ вами спорить о моихъ правахъ?
У васъ съ пеленъ въ крови застой и порча:
Вамъ не понять всей силы наслажденья....

Черезъ рѣку все воинство, и стать
Въ лицо врагу.

ГЕРЦОГЪ.

Подумайте!

ЛІОНЕЛЬ.

Но, герцогъ,
Что думать здѣсь? Минута драгоцѣнна!
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшить навѣкъ: безчестье или честь.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, рѣшено, и завтра мы сразимся,
Чтобъ истребить мечту, передъ которой
Все наше войско въ страхъ цѣпенѣтъ.
Увидимъ мы: Тальботова меча
Осмѣлится ль отвѣдать чародѣйка?
Когда она со мною выйдетъ въ бой,
Тогда однимъ все кончено ударомъ;
Когда же нѣтъ (и, вѣрьте, не посмѣетъ!)
Тогда и страхъ волшебный истребленъ,

Вотъ бѣшенство — оно для васъ понятно!...

И этотъ бѣдный герцогъ всю-то жизнь

Промаялся между добромъ и худомъ:

Не можетъ онъ сердечно ненавидѣть,

Да и любить не можетъ... Я — въ Мелунъ!

(Указывая на Ліонеля.)

Подайте мнѣ вотъ этого, чтобъ было

Мнѣ съ кѣмъ спастися отъ мертвящей скуки;

А тамъ уже какъ знаете!... Пожалуй,

И слушать я не стану про Бургундцевъ

ЛІОНЕЛЬ.

Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выдти въ поединокъ.
Не обнаживъ меча, ее живую
Въ виду всего ихъ войска принесу
Въ британскій станъ.

ГЕРЦОГЪ.

Не слишкомъ на себя
Надѣйся, Ліонель.

ТАЛЬБОТЪ.

Сведи насъ Богъ —
Ее ласкать рука моя не станетъ.
Теперь пойдемъ; истраченные силы
Возобновимъ минутою покоя;
Но только день займется — на сраженъе.

(Уходятъ.)

И Англичанъ.

(Киваетъ головой своему пажу и хочетъ выйти.)

ЛІОНЕЛЬ.

Позвольте! — мы въ Мелунъ
Доставимъ цвѣтъ французской молодежи,
Весь цвѣтъ, что будетъ сорванъ въ ратномъ полѣ.

КОРОЛЕВА

(останавливаясь.)

Вы годны лишь владѣть мечемъ; одинъ
Французъ умѣетъ нѣжно говорить.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Темная ночь. Вдали показывается ІОАННА въ шлемъ, въ панцырь; остальная одежда женская; въ рукахъ ея знамя. За нею ДЮНУА, ЛА ГИРЪ, множество РЫЦАРЕЙ и СОЛДАТЪ. Они сперва являются на высотахъ, осторожно пробираются между утесами, потомъ сходятъ на сцену.

ІОАННА

(окружающимъ ее рыцарямъ.)

(Между тѣмъ безпрестанно подходитъ войско; оно занимаетъ наконецъ всю глубину театра.)

Мы стражу обошли — и вотъ ихъ лагерь!
Намъ мракъ не измѣнилъ. Теперь пора
Съ себя сложить покровъ безмолвной ночи.
Пусть въ ужасъ гибельную близость
Узнаетъ нашу врагъ. Ударьте разомъ,
Воскликнувъ: Богъ и дѣва!

СОЛДАТЫ

(гремя оружіемъ.)

Богъ и дѣва!

(Барабаны и трубы.)

СТРАЖИ

(за сценою.)

Къ оружію!

ІОАННА.

Огня! Зажечь шатры!

Пускай пожаръ удвоитъ ихъ тревогу!
Извлечъ мечи! рубить и истреблять!

(*Всѣ солдаты обнажаютъ мечи и бѣгутъ за сцену;
Іоанна хочетъ за ними слѣдовать.*)

ДЮНУА

(*удерживая ее.*)

Іоанна стой! свое ты совершила! —
Мы введены тобой въ средину стана,
И въ руки намъ врага ты предала.
Довольна будь; отъ боя удались,
И намъ оставь кровавую расправу.

ЛА ГИРЬ.

Такъ, пролагай для войска путь побѣды:
Неси предъ нимъ святую орифламу;
Но до меча сама не прикасайся,
Чтобъ о тебѣ не вѣдалъ богъ сраженій:
Обманчивъ онъ и слѣпъ и безпощаденъ.

ІОАННА.

Кто путь мнѣ заградить? Кто остановить
Мной властвующій духъ? Лети стрѣла,
Куда ее стрѣлокъ послалъ могучій.
Гдѣ гибель, тамъ должна Іоанна быть;
Не въ этотъ часъ, не здѣсь она падетъ:
Ей короля въ коронѣ видѣть должно.
Доколь она всего не совершила —
Ея главы не тронетъ вражья сила.

(*Уходитъ.*)

ЛА ГИРЬ.

Другъ Дюнуа, пойдемъ за ней! Пусть будетъ
Ей наша грудь защитой.

(*Уходятъ.*)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Англійскіе СОЛДАТЫ бѣгутъ чрезъ сцену. Потомъ ТАЛЬ-
БОТЪ.

ОДИНЪ СОЛДАТЪ.

Дѣва! Дѣва!

ДРУГОЙ.

Кто?

ПЕРВЫЙ.

Дѣва въ лагерь!

ДРУГОЙ.

Не можетъ быть!

Какъ въ лагерь ей зайти?

ТРЕТІЙ.

На облакахъ

Примчалась! Съ ней всѣ бѣсы заодно!

ЧЕТВЕРТЫЙ и ПЯТЫЙ.

Спасайтесь! бѣгите! Все пропало!

(Уходятъ.)

ТАЛЬБОТЪ

(за ними).

Куда вы! Стой! Не видятъ и не слышатъ!

Разрушена покорность, страхъ бунтуетъ;

Какъ будто адъ всѣ ужасы свои

Наслалъ на насъ и вдругъ одно безумство

Постигло всѣхъ; и робкій, и безстрашный

Бѣгутъ; врагу отпора нѣтъ; весь лагерь

Внезапная гибель обхватила.

Уже ль во мнѣ одномъ осталась память,
А все вокругъ меня въ чаду безумства?
И такъ — опять бѣжать отъ малодушныхъ,
Во всѣхъ бояхъ бѣжавшихъ передъ нами?
Но кто жь сія владычица судьбы,
Ужасная рѣшительница битвы,
Дающая и львиную отважность
И ратный духъ и силу малодушнымъ?
Обманщица ль подъ маскою геройства
Въ презрѣнный страхъ безстрашныхъ приведетъ?
И женщина ль (о, вѣчный стыдъ!) — исторгнетъ
Изъ рукъ моихъ награду славы?

СОЛДАТЪ

(бѣжитъ чрезъ сцену).

Дѣва!

Бѣги! бѣги! спасайся, полководецъ!

ТАЛЬБОТЪ

(гонится за нимъ съ мечемъ и убиваетъ его).

Безумецъ, вотъ тебѣ мое спасенье!

Никто не смѣй о бѣгствѣ поминать!

(Уходитъ.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

*Сцена открывается. На высотахъ виднѣнъ пылающій
англійскій лагерь. Бѣгство и преслѣдованіе; стукъ ору-
жія и громъ барабановъ. Чрезъ нѣсколько времени яв-
ляется МОНГОМЕРИ.*

МОНГОМЕРИ

(одинъ).

Куда бѣжать? Кругомъ враги, вездѣ погибель!

Тамъ вождь разгнѣванный, карающимъ мечемъ
Дорогу заслонивъ, навстрѣчу смерти гонить;
А здѣсь ужасная.... повсюду, какъ пожаръ
Губительный, она свирѣпствуетъ. И нѣтъ
Защитнаго куста, пещеры темной нѣтъ.
Зачѣмъ переплывалъ я море? Бѣдный! бѣдный!
Обманутый любимой мечтой, я здѣсь
Искалъ въ бою прекрасной славы, — что жъ нашель?
Моей судьбы неодолима рука
Меня въ сей бой на гибель привела. Почто
Не на берегу моей Саверны я теперь,
Въ дому родительскомъ, гдѣ мать я покинулъ
Въ печали, гдѣ моя цвѣтущая невѣста?

(Иванна является вдали на утесъ, освѣщенная пламенемъ пожара.)

О, страхъ! Что вижу я? Ужасная идетъ!
Изъ пламени, сіяя грозно, поднялась
Она, какъ мрачное страшилище изъ ада.
Куда спасусь? За мною огненные очи
Ужъ погнались: уже бросаетъ на меня
Издалека неизбежныхъ взоровъ сѣть.
Я чувствую, уже волшебный узелъ мнѣ
Опуталъ ноги; я прикованъ къ мѣсту; силы
Для бѣгства нѣтъ; я принужденъ — хоть вся душа
Противится — смотрѣть на смертоносный образъ.

(Иванна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять останавливается.)

Подходить!... Буду ль ждать, чтобъ грозная ко мнѣ
Приблизилась? Моля о жизни, обниму

Ея колѣна. Можетъ быть, ее смягчу:

Въ ней сердце женщины; слезамъ она доступна.

(Хочетъ идти къ ней на встрѣчу; Іоанна быстрыми шагами къ нему подступаетъ.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

МОНГОМЕРИ. ІОАННА.

ІОАННА.

Стой! ты погибъ! — Британка жизнь тебѣ дала!

МОНГОМЕРИ.

(падаетъ предъ нею на колѣни).

Помедли, грозная! Не опускай руки

На беззащитнаго! Я бросилъ мечъ и щитъ.

Я предъ тобой обезоруженный, въ слезахъ.

Оставь мнѣ свѣтъ прекрасной жизни! Мой отецъ

Богатъ помѣстьями въ цвѣтущей сторонѣ

Валлійской, гдѣ Саверна по густымъ лугамъ

Катитъ веселый свой потокъ; тамъ много нивъ

Обильныхъ у него. И золото и серебро

Онъ дастъ, чтобъ выкупить единственнаго сына,

Когда къ нему дойдетъ молва его неволи.

ІОАННА.

Обманутый! погибшій! Въ руку дѣвы ты —

Въ неумолимую достался: изъ нея

Ни избавленія, ни выкупа ужъ нѣтъ.

Когда бъ у крокодила ты во власти былъ,

Когда бы трепеталъ подъ тяжелой лапой тигра,

Или дѣтей младыхъ у львицы истребилъ —

Тебѣ осталась бы надежда на пощаду.

Но встрѣча съ дѣвою-смертельна. Я вступила
Съ могуществомъ нездѣшнимъ, строгимъ, недоступ-
нымъ,

Навѣкъ въ связующій ужасно договоръ:
Все умерщвлять мечемъ, что мнѣ сраженій богъ
Живущее пошлетъ на встрѣчу роковую.

МОНГОМЕРИ.

Ужасна рѣчь твоя, но взоръ твой ясно-тихъ;
И, зрима вблизи, уже ты не страшна;
Всю душу мнѣ плѣнилъ твой милый кроткій ликъ.
Ахъ женской прелестью и нѣжностью твоей
Молю тебя: смягчись надъ младостью моею!

ІОАННА.

Не уповай на нѣжный полъ мой! Не зови
Меня ты женщиной! Подобно безтѣлеснымъ
Духамъ, не знающимъ земнаго сочетанья,
Не приобщаюсь я породѣ чловѣка.
Престань молить: подъ этой броней сердца нѣтъ.

МОНГОМЕРИ.

Душевластительнымъ, святымъ любви закономъ,
Передъ которымъ все смиряется, молю:
Смягчись! На родинѣ меня невѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, въ прекрасномъ цвѣтѣ жизни;
И ждетъ она возврата моего въ печали.
О, если ты сама любовь знавала, если
Ждешь счастья отъ любви — не разрывай жестоко
Двухъ сочетавшихся любовію сердець!

ІОАННА.

Ты именуешь здѣсь боговъ земныхъ и чуждыхъ,

Нечтимыхъ мной и мной отверженныхъ. Вотще
Зовешь любовь: не знаю я объ ней, и вѣчно
Моя душа не будетъ знать ея закона.
Готовься жизнь оборонять — твой часъ насталъ.

МОНГОМЕРИ.

Увы, смягчись моихъ родителей судьбою!
Они ждутъ сына.... О своихъ ты вспомни! вѣрно
И день и ночь они тоскуютъ по тебѣ.

ІОАННА.

Несчастный! ты жь родителей напомнилъ мнѣ.
Но сколько здѣсь отъ васъ безчадныхъ матерей!
И сколько чадъ осиротѣлыхъ, и невѣсть,
Безбрачно овдовѣвшихъ!... Пусть теперь узнаютъ
И матери британскія, какъ тяжело тратить
Надежду жизни, милыхъ чадъ! Пусть ваши вдовы
Поймутъ, что значитъ скорбь по милыхъ невозврат-
ныхъ.

МОНГОМЕРИ.

Увы! погибну ли на чужѣ, не оплаканъ?

ІОАННА.

Но кто васъ звалъ въ чужую землю — истреблять
Цвѣтущее богатство нивъ, насъ изъ домовъ
Семейныхъ выгонять и пламенникъ войны
Вносить въ спокойное святилище градовъ?
Мечтали вы, въ надменности души своей,
Свободно дышущимъ Французамъ дать неволю,
И Францію великую, какъ челнъ покорный,
Пустить во слѣдъ за вашимъ гордымъ кораблемъ.
О, вы безумцы! Нашъ державный гербъ прибить

Къ престолу Бога. Легче вамъ сорвать звѣзду
Съ небесъ, чѣмъ хижину единую похитить
У Франціи нераздѣлимо-вѣчной. Часъ
Возмездія ударилъ: ни одинъ живой
Не проплыветъ въ обратный путь святаго моря,
Сей грани, Божествомъ уставленной межъ нами,
Которую безумно вы переступили.

МОНГОМЕРИ

(опускаетъ ея руку).

И такъ погибнуть, смерть ужасную увидѣть?...

ІОАННА.

Умри, другъ! И зачѣмъ такъ робко трепетать
Предъ смертію, предъ неизбежною! Смотри,
Кто я? Простая дѣва. Бѣдною пастушкой
Родилась я; и мечъ былъ чуждъ моей рукѣ,
Привыкнувшей носить невинно-легкій посохъ.
Но вдругъ, отъятая отъ пажитей домашнихъ,
Отъ груди милаго отца, отъ милыхъ сестръ,
Я здѣсь должна—должна (не выборъ сердца,—голосъ
Небесъ меня влечетъ!) —на гибель вамъ, себѣ
Не въ радость, призракомъ карающимъ бродить,
Носить повсюду смерть, потомъ — быть жертвой
смерти.

И не взойдетъ мнѣ день свиданія съ семьею.
Еще для многихъ васъ погибельна я буду;
И много сотворю вдовицъ; но наконецъ
Сама погибну.... и свершу свою судьбу.
Сверши жъ свою и ты. Берись за бодрый мечъ,
И бой начнемъ за милую добычу жизни.

МОНГОМЕРИ

(встаетъ).

И такъ, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, какъ и мы — сразимся: мнѣ, быть можетъ,
За Англію назначено тебѣ отмстить.

Я жребій свой кладу въ святую руку Бога;

А ты, призвавъ на помощь весь твой страшный адъ,
Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.

*(Схватываетъ мечъ и щитъ, и нападаетъ на нее. Вдали
раздается военная музыка. Черезъ нѣсколько минутъ
Монгомери падаетъ.)*

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ІОАННА

(одна).

Твой рокъ привелъ тебя ко мнѣ! Прости, несчастный!

(Отходитъ отъ него и останавливается въ размышленіи.)

О, Благодатная! что Ты творишь со мною?

Ты невоинственной рукѣ даруешь силу,

Неумолимостью вооружаешь сердце.

Тѣснится жалость въ душу мнѣ; рука, готовясь

Сразить живущее созданіе, трепещетъ,

Какъ будто храмъ божественный низпровергая;

Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ страшенъ;

Но только повелить мой долгъ — готова сила;

И неизбѣжный мечъ, какъ нѣкій духъ живой,

Владычествуетъ самъ трепещущей рукой!

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

РЫЦАРЬ *съ опущеннымъ забраломъ*. ІОАННА.

РЫЦАРЬ.

Ты здѣсь, отступница? Твой часъ ударилъ!
Тебя давно ищу на полѣ ратномъ!
Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни! въ адъ сокройся, призракъ адскій!

ІОАННА.

Кто ты? Тебя послалъ не добрый ангелъ
На встрѣчу мнѣ. По виду, не простой
Ты ратникъ. Мнится мнѣ, ты не Британецъ:
Бургундскій гербъ ты носишь на щитѣ,
И мечъ мой самъ склонился предъ тобою.

РЫЦАРЬ.

Проклятая! не княжеской рукѣ
Тебя бы поразить! Подъ топоромъ
Презрѣннымъ палача должна бы ты
На плахѣ умереть — не съ честью пасть
Подъ герцогскимъ Бургундіи мечемъ.

ІОАННА.

И такъ, ты самъ державный этотъ герцогъ?

РЫЦАРЬ

(поднимая забрало).

Я. Трепещи, конецъ твой наступилъ!
Теперь тебѣ не въ помощь чародѣйство.
Лишь робкихъ ты досель одолѣвала —
Мужъ твердый ждетъ тебя.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ТѢ ЖЕ. ДЮНУА и ЛА ГИРЬ.

ДЮНУА.

Постой, Филиппъ!

Не съ дѣвами, но съ рыцарями бейся!

ЛА ГИРЬ.

Мы защищать пророчицу клялися:

Намъ прежде грудь пронзить твой долженъ мечъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я не страшусь ни хитрой чародѣйки,

Ни васъ, рабовъ презрѣнныхъ чародѣйства.

Стыдися, Дюнуа! краснѣй, Ла Гирь!

Унизили вы рыцарскую храбрость.

Вы санъ вождей на санъ оруженосцевъ

Отступницы коварной промѣняли.

Я жду васъ, бьемся! Тотъ въ защитѣ Бога

Отчаялся, кто адъ зоветъ на помощь.

(Обнажаютъ мечи.)

ІОАННА

(становится между ними).

Стой!

ГЕРЦОГЪ.

Прочь!

(Наступаетъ на Дюнуа.)

ІОАННА.

Ла Гиръ, останови ихъ. Нѣтъ!

Не должно здѣсь французской литься крови;
И не мечемъ рѣшить сей споръ. Иное
На небесахъ назначено. Я говорю —
Остановитесь! Мнѣ внимлите — духу
Покорствуйте, гласящему во мнѣ.

ДЮНУА.

Зачѣмъ ты мой удерживаешь мечъ?
Онъ дать готовъ кровавое рѣшенье;
Готовъ упасть карательный ударъ,
Отмщающій отечества обиду.

ІОАННА.

Ни слова, Дюнуа! Ла Гиръ, умолкни!
Я съ герцогомъ бургундскимъ говорю.

(Всѣ молчатъ.)

Что дѣлаешь, Филиппъ? И на кого
Ты обнажилъ убійства жадный мечъ?
Сей Дюнуа — сынъ Франціи, какъ ты;
Сей храбрый — твой землякъ и сослуживецъ;
И я сама — твоей отчизны дочь.
Всѣ мы, которыхъ ты обрекъ на гибель,
Принадлежимъ тебѣ, тебя готовы
Принять въ объятія, склонить колѣна
Передъ тобой почтительно желаемъ,
И для тебя нашъ мечъ безъ острія.
Въ твоемъ лицѣ, подъ самымъ вражьемъ шлемомъ,
Мы зримъ черты любимаго монарха.

ГЕРЦОГЪ.

Волшебница, ты жертву обольстить

Приманкою сладкорѣчивой мыслишь!
Но не меня тебѣ поймать! Мой слухъ
Обороненъ отъ сѣти словъ коварныхъ;
Твоихъ очей пылающія стрѣлы
Отъ твердыхъ латъ души моей отпрянуть.
Что медлишь, Дюнуа? Сразимся! Биться
Оружіемъ должны мы, не словами.

ДЮНУА.
Сперва слова, потомъ удары. Стыдно
Бояться словъ! Не та же ль это робость,
Свидѣтельство неправды?

ІОАННА.
Насъ не крайность
Влечетъ къ твоимъ стопамъ, и не пощады
Съ покорностью мы просимъ. Оглянись!
Британскій станъ лежитъ въ кровавомъ неплѣ,
И поле все покрыли ваши трупы.
Ты всюду громъ трубы французской внемлешь....
Всевышній произнесъ: побѣда наша!
Но лаврами прекраснаго вѣнца
Съ тобою мы готовы подѣлиться.
О, возвратись! Врагъ милый, перейди
Туда, гдѣ честь, гдѣ правда и побѣда!
Небесъ посланница, сама я руку
Тебѣ даю. Спасительно хочу я
Тебя увлечь въ святое наше братство.
Господь за насъ! Всѣ ангелы Его —
Ты ихъ не зришь — за Францію воюють;
Лилеями увѣнчаны они....
И бѣлизнѣ сей чистой орифламмы

Подобится святое наше дѣло;
Его символъ: Божественная Дѣва.

ГЕРЦОГЪ.

Прельстительны слова коварной лжи. . . .
Ея жь языкъ — простой языкъ младенца;
И адской духъ, вселившійся въ нее,
Невинности небесной подражаетъ.
Нѣтъ! страшно ей внимать! Къ мечу! — мой слухъ,
Я чувствую, слабѣй моей руки.

ІОАННА.

Ты мнишь, что я волшебница; что адъ
Союзникъ мой. Но развѣ миротворство,
Прощеніе обидъ есть дѣло ада?
Согласіе ль изъ тьмы его исходитъ?
Что жь человѣчески-прекраснѣй, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама съ собой природа въ спорѣ: небо
Съ неправою стороны и адъ за правду?
Когда же то, что я сказала, *свято* —
Кто могъ внушить его мнѣ, кромѣ неба?
Кто могъ сойти ко мнѣ, въ мою долину,
Чтобы душѣ неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я предъ лицомъ монарховъ не бывала,
Языкъ мой чуждъ искусству словъ. . . . но что же?
Теперь тебя должна я убѣдить —
И умъ мой свѣтель, зрю дѣла земныя;
Судьба державъ, народовъ и царей
Ясна душѣ младенческой моей;
Мои слова, какъ стрѣлы громовыя.

ГЕРЦОГЪ

(смотритъ на нее съ изумленіемъ).

Что я? и что со мной? Какая сила
Мой смутный духъ внезапно усмирила?
Обманчивъ ли сей трогательный видъ?
Нѣтъ! чувствую, не адскій обольститель
Меня влечетъ; мнѣ сердце говорить:
Съ ней Богъ, она небесъ благовѣститель.

ІОАННА.

Онъ тронуть, — такъ, онъ тронуть! Не напрасно
Молила я! Лицо его безгнѣвно;
Его глаза миролюбиво-ясны.
Скорѣй — покинуть мечъ — и сердце къ сердцу!
Онъ плачетъ, онъ смиряется — онъ нашъ!

*(И мечъ и знамя выпадаютъ изъ рукъ ея; она бѣжитъ
къ герцогу, и обнимаетъ его въ сильномъ движеніи;
Ла Гиръ и Дюнуа бросаютъ мечи и стремятся въ объ-
тія герцогу.)*

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Дворецъ короля Карла въ Шалонѣ на Марнѣ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ДЮНУА и ЛА ГИРЬ.

ДЮНУА.

Мы вѣрные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружились дѣло,
Бѣды и смерть дѣлили дружно мы.
Уже ль теперь любовь насъ разлучитъ,
Превратною судьбой неразлученныхъ?

ЛА ГИРЬ.

Принцъ, выслушай!

ДЮНУА.

Ла Гирь, ты любишь дѣву;
И тайный твой мнѣ замыселъ извѣстенъ.
Я знаю, ты пришелъ сюда просить
У короля Іѳанниной руки.
Не можетъ быть, чтобъ храбрости твоей

Онъ отказалъ въ наградѣ заслуженной;
Но знай, Ла Гиръ, чтобъ ею обладать,
Сперва со мной....

ЛА ГИРЪ.

Спокойся, Дюнуа!

ДЮНУА.

Не блескомъ я минутной красоты,
Какъ юноша кипящій, очарованъ.
Любви моя упорная душа,
До встрѣчи съ сей чудесною, не знала;
Но здѣсь она, предъизбранная Богомъ
Избавить Францію, моя невѣста;
И ей моя душа при первой встрѣчѣ
Любовію и клятвой отдалася.
Могучій мужъ могучую подругу
Сопутникомъ житейскимъ избираетъ;
Я сильную, пылающую грудь
Хочу прижать ко груди равносильной.

ЛА ГИРЪ.

Не мнѣ съ тобой достоинствомъ равняться,
Не мнѣ съ твоей великой славой спорить.
Съ кѣмъ Дюнуа идетъ въ единоборство,
Покорно тотъ безъ боя отступи.
Но вспомни, кто она! — дочь земледѣльца.
Приличенъ ли тебѣ такой союзъ?
Кто твой отецъ? и съ кровью королей
Смѣшается ль простая кровь пастушки?

ДЮНУА.

Она небесное дитя святой
Природы, какъ и я; равны мы саномъ.

И принцу ли безславно руку дать
Ей, ангеловъ невѣстѣ непорочной?
Блистательнѣй земныхъ коронъ сіяютъ
Лучи небесъ кругомъ ея главы;
Невидимы, ничтожны и презрѣнны
Предъ нею всѣ величія земли.
Поставьте тронъ на тронъ, до самыхъ звѣздъ
Воздвигнитесь — но все вамъ не достигнуть
Той высоты, на коей предстоить
Намъ въ ангельскомъ величіи она.

ЛА ГИРЬ.

Пускай рѣшитъ король.

ДЮНУА.

Нѣтъ! ей одной

Рѣшить. Она свободу намъ спасла —
Пускай сама останется свободна.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Король. Агнеса Сорель. Дю Шатель. Шатиль-
онъ. Прежніе.

ЛА ГИРЬ.

Вотъ и король!

КОРОЛЬ

(къ Шатильону).

Онъ будетъ? Онъ готовъ
Меня признать и дать обѣтъ подданства?

ШАТИЛЬОНЪ.

Такъ, государь! въ Шалонѣ всенародно
Желаешь пасть Филиппъ, бургундскій герцогъ,
Къ твоимъ стопамъ. И мнѣ онъ повелѣлъ
Привѣтствовать тебя, какъ короля,
Законнаго владыку своего.
За мною въ слѣдъ онъ скоро самъ здѣсь будетъ.

АГНЕСА.

Онъ близко! День стократъ благословенный,
Желанный день согласія и мира!

ШАТИЛЬОНЪ.

Съ нимъ двѣсти рыцарей; передъ тобой
Готовъ склонить свои колѣна герцогъ;
Но мыслить онъ, что ты того не стерпишь,
И родственно прострешь ко брату руки.

КОРОЛЬ.

Моя душа летитъ къ нему на встрѣчу.

ШАТИЛЬОНЪ.

Желаешь онъ, чтобъ о враждѣ минувшей
Не поминать при первой вашей встрѣчѣ.

КОРОЛЬ.

Минувшее на вѣки позабыто.
Лишь ясные дни въ будущемъ я вижу.

ШАТИЛЬОНЪ.

За всѣхъ своихъ ходатайствуетъ герцогъ:
Прощеніе безъ исключенья всѣмъ.

КОРОЛЬ.

Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!

ШАТИЛЬОНЪ.

Не исключать и королевы, если

На миръ съ тобой она согласна будетъ.

КОРОЛЬ.

Не я воюю съ *ней*, она со мною.

Конецъ враждѣ, когда ей миръ угоденъ.

ШАТИЛЬОНЪ.

Двѣнадцать рыцарей залогомъ мира.

КОРОЛЬ.

Мнѣ слово свято.

ШАТИЛЬОНЪ.

Пусть архіепископъ

Предъ алтаремъ присягой обоюдной

Спасительный союзъ сей утвердить (*).

(Посмотрѣвъ на Дю Шателя.)

Здѣсь есть одинъ.... присутствіемъ своимъ

Онъ возмутитъ свиданья сладость.

(Дю Шатель удаляется молча.)

КОРОЛЬ.

Другъ,

Поди! Пускай смирить Филиппа время;

Дотоль его присутствія чуждайся.

*(Смотритъ за нимъ во слѣдъ, потомъ бѣжитъ къ нему
и обнимаетъ его.)*

(*) Здѣсь пропускъ въ переводѣ. Въ подлинникѣ, въ этомъ мѣстѣ, рѣчь Шатильона прерываетъ Король слѣдующими словами :

Не будь мнѣ части въ царствіи небесномъ,

Коль ложно я ударилъ по рукамъ!

Чего же герцогъ требуетъ еще?

О, вѣрный другъ, ты болѣе хотѣлъ
За мой покой на жертву принести!

(Дю Шатель уходитъ.)

ШАТИЛЬОНЪ

(подавая свитокъ).

Здѣсь прочія означены статьи.

КОРОЛЬ.

Все напередъ безспорно утверждаю:

Что дорого за друга? Дюнуа,

Возьми съ собой сто рыцарей избранныхъ,

И къ герцогу съ привѣтствіемъ спѣши.

Должны надѣть зеленые вѣнки

Солдаты всѣ для встрѣчи братьевъ. Городъ

Торжественно убрать, и звонъ

Колоколовъ пускай провозгласитъ,

Что Франція съ Бургундіей мирится.

Но что?... Трубятъ!

(Звукъ трубы.)

ПАЖЪ

(вбѣгая поспѣшно).

Бургундскій герцогъ въ городъ

Вступаетъ.

(Уходитъ.)

ДЮНУА.

Рыцари, къ нему на встрѣчу!

(Уходитъ съ Ла Гиромъ и Шатильономъ.)

КОРОЛЬ

(Агнесъ).

Агнеса, плачешь? Ахъ! и у меня

Нѣтъ силъ для этой радостной минуты!

Сколь много жертвъ досталось смерти прежде,

Чѣмъ мирно мы увидѣться могли.
Но стихнула свирѣпость бури; день
Смѣнилъ ночную тьму. Настанетъ время —
И намъ плоды прекрасные созрѣютъ.

АРХІЕПИСКОПЪ

(смотря въ окно).

Народъ со всѣхъ сторонъ.... и нѣтъ ему
Дороги. На рукахъ его несутъ,
Сорвавъ съ коня; цѣлуютъ платье, шпоры....

КОРОЛЬ.

О, добрый мой народъ! Огонь во мщеньи —
Огонь въ любви! Какъ скоро, примиренный,
Онъ позабылъ, что сей же самый герцогъ
Его отцовъ и чадъ убійцей былъ!
Всю жизнь одна минута поглощаетъ.
Агнеса, укрѣпись! Восторгъ твой сильный
Его душѣ быть можетъ укоризной:
Чтобъ здѣсь ничто его не оскорбляло!

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Герцогъ Бургундскій. Дюнуа. Ла Гиръ. Шатильонъ. Два рыцаря изъ свиты герцога. Герцогъ останавливается въ дверяхъ; король дѣлаетъ движеніе, чтобы къ нему подойти, но герцогъ его предупреждаетъ; онъ хочетъ преклонить колѣна; но король принимаетъ его въ объятія.

КОРОЛЬ.

Ты насъ предупредилъ. Тебѣ на встрѣчу
Хотѣли мы.... твои кони крылаты.

ГЕРЦОГЪ.

Они къ стопамъ монарха моего
Несли меня.

(Увидя Агнесу.)

Прекрасная Агнеса,
Вы здѣсь? Позвольте мнѣ обычай нашъ
Аррасскій сохранить: въ моемъ краю
Прекрасный полъ ему не прекословить.

(Цѣлуетъ ее въ лобъ.)

КОРОЛЬ.

Молва идетъ, что твой блестящій дворъ
Учтивостью обычаевъ отличенъ;
Что онъ любви и красоты столица.

ГЕРЦОГЪ.

Васъ, государь, молва не обманула:
Моя земля — отечество красавицъ (*).

КОРОЛЬ.

Но про тебя молва гласить иное:
Что будто ты въ любви непостояненъ,

(*) Это мѣсто сокращено въ переводѣ. Въ подлин-
никѣ оно читается такъ:

ГЕРЦОГЪ.

Мы, государь, издрѣвле торговцы!
Все, что цвѣтеть, красуется подъ солнцемъ, —
Все на показъ на нашемъ рынкѣ въ Брюгге;
А красота — товаръ у насъ отборный.

АГНЕСА.

Цѣннѣе есть: хоть женская бы вѣрность;
Да жаль, нельзя ея купить на рынкѣ!

И вѣрности не вѣришь.

ГЕРЦОГЪ.

Государь,

Невѣріемъ невѣрный и наказанъ!

Заранѣ вы постигли сердцемъ то,

Что поздно мнѣ открыто бурной жизнью.

(Увидя архіепископа, подаетъ ему руку.)

Вы здѣсь, отецъ! Вы вѣчно тамъ, гдѣ честь.

Благословите. Кто васъ хочетъ встрѣтить,

Тотъ правыя стези не покидай.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Благодарю Всевышняго! Я радость

Вкусилъ вполнѣ, и свѣтъ готовъ покинуть:

Мои глаза прекрасный день сей зрѣли.

ГЕРЦОГЪ

(Агнесь).

До насъ дошло, что всѣ свои алмазы

Вы отдали, дабы сковать изъ нихъ

Оружіе противъ меня. Уже ли

Вамъ такъ была нужна моя погибель?

Но споръ нашъ конченъ; все должно найтись,

Что въ немъ утрачено. Алмазы ваши

Нашлись. Войнѣ вы жертвовали ими —

Ихъ отъ меня примите знакомъ мира.

(Беретъ у одного изъ пришедшихъ съ нимъ ларчикъ, и подаетъ его Агнесь; она смотритъ въ недоумльнн на короля.)

КОРОЛЬ.

Возьми! то мнѣ залогъ, вдвойнѣ священный,

Прекрасныя любви и примиренья (*).

(Агнеса плачетъ. Король тронутъ. Всѣ смотрятъ на нихъ съ чувствомъ.)

ГЕРЦОГЪ

(посмотря на всѣхъ, бросается въ объятія къ королю).

О, Государь!

(Въ эту минуту три бургундскіе рыцаря бѣгутъ къ Дюнуа, Ла Гиру и архіепископу и обнимаютъ ихъ. Герцогъ нѣсколько минутъ держитъ короля въ объятіяхъ.)

И васъ я могъ отречься?

И вамъ я недругъ былъ?

КОРОЛЬ.

Молчи! ни слова!

ГЕРЦОГЪ.

Я могъ врага вѣнчать короной вашей?

Пришельцу дать обѣтъ поддѣнства? гибель

Законному монарху приготовить?

КОРОЛЬ.

Спокойся! Все забыто. Этотъ мигъ

(*) Здѣсь пропускъ въ переводѣ. Въ подлинникѣ такъ:

ГЕРЦОГЪ

(вплетая ей въ волосы алмазную розу).

Жаль, что теперь въ рукахъ моихъ цвѣточекъ,

А не вѣнецъ французской королевы:

Какъ возложилъ бы я его любовно

На эту несравненную головку...

(Значительно пожимаетъ руку Агнесъ.)

И ежели понадобится другъ,

Вы на меня рассчитывайте смѣло.

Всему, всему замѣна. То была
Судьба или враждебная звѣзда.

ГЕРЦОГЪ

(беретъ его за руку).

Заглажу все! повѣрьте, все заглажу !

И вамъ за всѣ страданія воздамъ.

Вся Франція во власти вашей будетъ;

Ни одного села имъ не похитить!

КОРОЛЬ.

Въ союзѣ мы — какой же врагъ опасенъ?

ГЕРЦОГЪ.

О, вѣрьте, я спокоенъ сердцемъ нѣ былъ,

Воюя противъ васъ. Когда бъ вы знали....

(Указывая на Агнесу.)

Но для чего жъ ее вамъ не прислать?

Ея слезамъ кто-бъ могъ не покориться?

Теперь всему конецъ. Самъ адъ не властенъ

Насъ разлучить, прижавшихъ сердце къ сердцу.

Узналъ свое теперь я мѣсто : здѣсь,

При васъ свое я странничество кончилъ.

АРХІЕПИСКОПЪ

(становится между ними).

Въ союзѣ вы — и Франція, какъ фениксъ,

Подыметъ изъ пепла своего;

Загладится войны кровавый слѣдъ;

Сожженные селенья, города

Блистательнѣй возстанутъ изъ развалинъ,

И жатвою поля зазеленѣютъ.

Но падшіе раздора жертвой — ихъ

Уже не воскресить. И слезы, въ вашей

Враждѣ пролитыя, пролиты были

И *будутъ*. Разцвѣтетъ *другое* племя;
Но *прежнее* все жертвой бѣдъ увяло.
Пробудятся ль отцы для счастья внуковъ?
Таковъ раздора плодъ! Для васъ, монархи,
Урокъ сей. Божество меча ужасно.
Его могущества не испытайте. Разъ
Исторгнувшись съ войной, оно ужè,
Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
Слетающій къ стрѣлку, не покорится
Напрасному призыванью челоуѣка.
И не всегда къ намъ во время, какъ нынѣ,
Спасеніе небесное низходитъ.

ГЕРЦОГЪ.

О, государь! при васъ небесный ангелъ.
Но гдѣ жь она? Что медлитъ?...

КОРОЛЬ.

Гдѣ Іоанна?

Почто въ торжественно-счастливый мигъ
Не видимъ мы создательницы счастья?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Ея душѣ противенъ, государь,
Веселый блескъ роскошнаго двора.
Когда ее гласъ Божій не стремить
Въ среду людей, застѣнчиво она
Скрывается отъ взоровъ любопытныхъ.
Какъ скоро нѣтъ заботы ей о благѣ
Отечества — она въ бесѣдѣ съ Богомъ;
И всюду съ ней Его благословенье.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ и ІОАННА, въ панцырь, но безъ шлема; на
головѣ ея вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

КОРОЛЬ.

Іоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союзъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасна ты была въ сраженьи;
Но сколь мила въ спокойной красотѣ!
Іоанна, я исполнилъ свой обѣтъ.
Довольна ль мною ты?

ІОАННА.

Себя, Филиппъ,
Возвысилъ ты смиреніемъ своимъ.
Доселѣ намъ въ пожарномъ блескѣ брани
Являлся ты кометою бѣдоносной:
И благостью теперь ты намъ сіяешь.

(Осматриваясь.)

Всѣ рыцари въ торжественномъ собраньи,
И свѣтлая горитъ въ очахъ ихъ радость;
Лишь одного несчастнаго я зрѣла:
Тоскуетъ онъ при общемъ торжествѣ.

ГЕРЦОГЪ.

Кто онъ? Какимъ тяжелымъ преступленьемъ
Обремененъ, чтобъ милости не вѣрить?

ІОАННА.

Дерзнетъ ли онъ приблизиться? Скажи —
И онъ у ногъ твоихъ. О, доверши
Прекрасный подвигъ твой! Нѣтъ примиренья,
Когда душа не вся еще свободна.
Отравой намъ цѣлебное питье,
Когда въ святомъ мирительномъ сосудѣ
Хотя одна есть ненависти капля.
Не можетъ быть обиды столь кровавой,
Чтобъ ты ее въ сей день не позабылъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я понимаю.

ІОАННА.

Такъ! и ты простишь, —
Не правда ль, другъ? Войди же, Дю Шатель!
*(Она отворяетъ дверь и вводитъ Дю Шателя, который
останавливается въ отдаленіи.)*

Своихъ враговъ всѣхъ милуетъ Филиппъ —
И ты прощенъ.

*(Дю Шатель дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и подымаетъ
глаза на герцога.)*

ГЕРЦОГЪ.

Что дѣлаешь со мною,
Іоанна? Знаешь ли, чего ты просишь?

ІОАННА.

Привѣтливо, безъ исключенья, всѣхъ
Зоветъ въ свой домъ гостепріимецъ добрый;
Какъ небеса вселенную свободно,
Такъ друга и врага объемлетъ милость;
Безъ выбора, повсюду блескомъ равнымъ
Въ неизмѣримости сіяетъ солнце;

Всѣмъ жаждущимъ растеніямъ равно
Даетъ свою живую росу небо;
На всѣхъ, для всѣхъ добро низходитъ свыше.

ГЕРЦОГЪ.

Не властенъ я упорствовать предъ нею:
Моя душа въ рукахъ ея, какъ воскъ.
Приблизься, Дю Шатель!... Не оскорбись,
О, тѣнь отца, что руку я свою
Въ сразившую тебя влагаю руку!
Не оскорбитесь, вы, боги смерти,
Что измѣнилъ я страшной клятвѣ мщенья!
У васъ, во тьмѣ подземнаго покоя,
Не бьется сердце; тамъ все вѣчно, все
Неизмѣняемо.... Но все иное
Здѣсь на землѣ, подъ яснымъ блескомъ солнца.
Здѣсь человѣкъ, живымъ влекомый чувствомъ,
Игралище всесильнаго мгновенья.

КОРОЛЬ

(Іоаннъ).

О! какъ тебя благодарить, Іоанна?
Прекрасно ты свершила свой обѣтъ.
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прахъ,
У хищника мои отняты земли, —
И все тобой. Что дамъ тебѣ въ награду?

ІОАННА.

Будь въ счастья человѣкъ, какъ былъ въ несчастьи;
На высотѣ величія земнаго
Не позабудь, что значить другъ въ бѣдѣ:

То испыталъ ты въ горькомъ униженъи;
Къ бѣднѣйшему въ народѣ правосуднымъ
И милостивымъ будь: изъ бѣдной кущи
Тебѣ извелъ спасительницу Богъ.
Вся Франція твою признаетъ власть;
Ты праотцемъ владыкъ великихъ будешь;
Потомки отъ тебя своею славой
Затмятъ твоихъ предшественниковъ славу —
И родъ твой будетъ цвѣсть, доколь любовь
Онъ сохранить къ себѣ въ душѣ народа.
Лишь гордостью погибнуть можетъ онъ....
И въ низкой хижинѣ, откуда нынѣ
Спаситель вышелъ твой, таится грозно
Для правнуковъ виновныхъ истребленье.

ГЕРЦОГЪ.

Пророчица, наставленная небомъ,
Когда тебѣ въ грядущемъ тайны нѣтъ,
Скажи и мнѣ о племени моемъ:
Продлится ли величіе его?

ІОАННА.

Филиппъ, я зрю тебя во блескѣ, въ силѣ:
Близъ трона ты — и выше гордый духъ
Стремится возлетѣть: подъ облака
Онъ смѣлое свое возносить зданье....
И сильная рука изъ высоты
Строеніе гордыни остановить....
Но не страшись! — не рушится твой домъ.
Онъ дѣвою для славы сохранится;
И скиптроносные монархи, сильныхъ
Народовъ пастыри, отъ ней родятся.

Могущіе, они съ двухъ славныхъ троновъ
Дадутъ законъ и знаемому свѣту,
И новому, сокрытому Всевышнимъ
Еще за мглой морей непереплтыхъ.

КОРОЛЬ.

О, если духъ открылъ тебѣ, повѣдай:
Сей дружескій, спасительный союзъ —
Продлится ль онъ, чтобы и внукамъ нашимъ,
Какъ намъ, благотворить?

ІОАННА

(помолчавъ).

Владыки міра,
Страшится раздора! Не будьте
Вражды въ ея ужасномъ логовищѣ:
Разсвирѣпѣвъ, не стихнетъ.... Отъ нея
Ужасное родится поколѣнье....
Она пожаръ пожаромъ зажигаетъ....
Но я молчу.... Спокойно въ настоящемъ
Ловите счастье, а мнѣ оставьте
Грядущее безмолвіемъ закрыть.

АГНЕСА.

Іоанна, ты въ душѣ моей читаешь, —
Ты вѣдаешь, хочу ль мірскихъ величій:
Скажи и мнѣ пророческое слово.

ІОАННА.

Небесный духъ являетъ мнѣ одну
Великую всемірнаго судьбину....
Твоя жь судьба въ твоей душѣ таится.

ДЮНУА.

Но что жь тебѣ самой назначилъ Богъ?

Откройся намъ, небесная. О, вѣрно
Тебя ждетъ лучшее земное счастье
Въ награду за твое смиренье!

ІОАННА

(задумчиво и смиренно показавъ на небо).

Счастье

На небесахъ у Вѣчнаго Отца.

КОРОЛЬ.

Повѣрь его монарху твоему!
И почтено твое да будетъ имя
Во Франціи; пускай тебѣ дивятся
Позднѣйшіе потомки! Да свершится
Теперь же долгъ мой! На колѣна!

*(Іоанна становится на колѣна; король вынимаетъ мечъ
и прикасается имъ къ ней.)*

Симъ

Прикосновеніемъ меча, Іоанна,
Король тебѣ даруетъ благородство.
Возстань! твоя возвышена порода,
И самый прахъ отцовъ твоихъ прославленъ;
Лилея Франціи твой гербъ; знатнѣйшимъ
Отнынѣ будь равна высокимъ саномъ;
Твоя рука будь первому изъ первыхъ
Великою наградой; мнѣ жъ оставь
Тебѣ найти достойнаго супруга.

ДЮНУА

(выступаетъ впередъ).

Моя она! Ее и въ низкой долѣ
Я выбралъ сердцемъ: честь не возвышаетъ
Моей любви, ни доблести ея.
Передъ лицомъ монарха моего,

Въ присутствіи святаго мужа церкви,
Готовъ ее наречь моею супругой,
Готовъ подать ей княжескую руку,
Когда мой даръ принять благоволитъ.

КОРОЛЬ.

Неизъяснимая! за чудомъ чудо
Творишь ты. Такъ, я вѣрю, для тебя
Возможно все. Ты въ этомъ гордомъ сердцѣ,
Любовію досель непобѣжденномъ,
Любовь произвела.

ЛА ГИРЬ

(выступаетъ впередъ).

Краса Іоанны

Есть кроткое души ея смиренье.
Она всего великаго достойна;
Но чужды ей и гордыя желанья,
И почестей блестящая ничтожность.
Простой удѣлъ, любовь простаго сердца
Съ моею рукой я предлагаю ей.

КОРОЛЬ.

И ты, Ла Гирь? Два равныхъ предъ тобою
Соперника по мужеству и сану,
Іоанна. Ты враговъ со мной сдружила,
Мой тронъ возвысила; уже ль теперь
Меня лишишь друзей моихъ вѣрнѣйшихъ?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба. Отвѣчай!

АГНЕСА

(подходитъ ближе).

Ея душа внезапною смутилась,

И дѣвственнымъ стыдомъ она краснѣетъ.
О, дайте ей спроситься съ сердцемъ, тайну
Съ подругой вѣрной раздѣлить, и душу
Передо мной открыть непринужденно!
Теперь мой часъ! Какъ нѣжная сестра,
Приблизиться могу я къ строгой дѣвѣ,
Чтобъ женское съ заботливостью женской
Размыслить вмѣстѣ съ ней. Оставьте насъ
Рѣшить наединѣ.

КОРОЛЬ.

Пойдемъ.

ІОАННА.

Постойте!

Нѣтъ, государь, мои пылаютъ щеки
Не пламенемъ смятеннаго стыда.
И то, что я могу сказать ей втайнѣ,
То я скажу и предъ лицомъ мужей.
О, рыцари! своимъ избраньемъ вы
Великую мнѣ дѣлаете честь;
Но развѣ я для суетныхъ величій
Покинула отеческую паству?
Для брачнаго ль вѣнца я грудь младую
Одѣла въ сталь и панцырь боевой?
Нѣтъ, призвана я къ подвигу иному!
Лишь чистою свершится дѣвой онъ.
Я на землѣ воительница Бога;
Я на землѣ супруга не найду.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Быть на землѣ сопутницей супруга
Есть жребій женщины. Храня законъ

Природы, Божеству она угодна....
И, совершивъ указанное небомъ,
Тебя пославшимъ въ бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь къ судьбѣ своей смиренной,
Покинутой для браннаго меча.
Не дѣвственной рукѣ имъ управлять!

ІОАННА.

Святой отецъ, еще не знаю я,
Куда меня пошлетъ могущій Духъ.
Придетъ пора, и онъ не промолчитъ, —
И покорюсь тогда его велѣнью.
Теперь же онъ велитъ начатый подвигъ
Свершить. Еще монархъ мой не увѣнчанъ;
Еще елей главы его избранной
Не освятилъ; еще онъ не король.

КОРОЛЬ.

Но мы идемъ стезей прямою къ Реймсу.

ІОАННА.

И медлить намъ не должно. Врагъ повсюду;
Дорогу намъ онъ мыслить заградить.
Но сквозь него промчу къ побѣдѣ васъ.

ДЮНУА.

Когда же все, Іоанна, совершится,
Когда войдемъ съ тобою въ стѣны Реймса,
Склонишь ли ты вниманіе тогда....

ІОАННА.

Когда Господь велитъ, чтобъ я съ побѣдой
Изъ грозныя борьбы со смертью вышла, —
Тогда всему конецъ; тогда пастушкѣ
Ужъ мѣста нѣтъ въ обители монарха.

КОРОЛЬ

(взявъ ее за руку).

Теперь тебѣ лишь голосъ духа внятенъ;
Любовь молчить въ груди, горящей Богомъ;
Но вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ.
Утихнетъ брань; побѣда приведетъ
Къ намъ ясный миръ; въ сердца вольется радость;
Нѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства:
Тогда объ нихъ провѣдаешь и ты;
Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольютъ твои глаза и будешь сердцемъ,
Исполненнымъ донынѣ только неба,
Съ любовію искать земнаго друга.
Всѣхъ нынѣ ты для счастья спасла —
И *одному* тогда ты будешь счастьемъ.

ІОАННА.

(посмотрѣвъ на него съ унылымъ негодованіемъ).

Иль, утомленъ божественнымъ явленіемъ,
Ужъ хочешь ты разбить его сосудъ,
И благовѣстницу верховной воли
Низвести во прахъ ничтожности земной?
О, маловѣрные! сердца слѣпыя!
Величіе небесъ кругомъ васъ блещетъ;
Ихъ чудеса предъ вами безъ покровъ;
А я для васъ лишь женщина. Безумцы!
Но женщинѣ ль подъ бронею желѣзной
Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
Погибель мнѣ, когда, Господне мщеніе
Нося въ рукѣ, я суетную душу
Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной.

О, нѣтъ! тогда мнѣ лучше бѣ не родиться!
Ни слова болѣе! не раздражайте
Моей душой владѣющаго духа!
Одинъ ужъ взоръ желающаго мужа
Есть для меня и страхъ и оскверненье.

КОРОЛЬ.

Умолкните! Ея не преклонить.

ІОАННА.

Вели, вели гремѣть трубъ военной!
Спокойствіе меня тѣснить и мучить!
Стремительно зоветь моя судьба
Меня отъ сей бездѣйственности хладной,
И строгій гласъ твердить мнѣ: довершай!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

РЫЦАРЬ *вбѣгаетъ поспѣшно.*

КОРОЛЬ.

Что сдѣлалось?

РЫЦАРЬ.

Близъ Марны непріятель:
Онъ строится въ сраженье.

ІОАННА

(вдохновенно).

Бой и брань!

Теперь душа отъ узъ своихъ свободна.
Друзья, къ мечамъ! а я устрою войско.

(Уходитъ поспѣшно.)

КОРОЛЬ

(Ла Гиру).

Поди за ней. Передъ стѣнами Реймса
Они хотятъ сорвать съ меня корону.

ДЮНУА.

Ихъ мчить не мужество, но безнадежной
Свирѣпости отчаянный порывъ.

КОРОЛЬ

(герцогу).

Филиппъ, тебя я не зову; но часъ
Насталъ минувшее загладить.

ГЕРЦОГЪ.

Будешь

Доволенъ мной.

КОРОЛЬ.

Я самъ дорогою чести
Хочу идти предъ воинствомъ моимъ,
Хочу въ виду вѣнчательнаго Реймса
Вѣнецъ мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говоритъ тебѣ: *прости!*

АГНЕСА

(подаетъ ему руку).

Не плачу я. Моя душа спокойна.
На небесахъ живетъ моя надежда.
На то ль даны столь явные залого

Спасенья ихъ, чтобъ послѣ намъ погибнуть.
Ты побѣдишь! — то сердца предвѣщанье;
И въ Реймсѣ намъ назначено свиданье.

(Всѣ уходятъ. Сцена перемѣняется: видно открытое поле; на немъ разсыпаны группы деревьевъ. За сценою слышны военные инструменты, выстрѣлы, стукъ оружія. Сражающіеся пробѣгаютъ чрезъ сцену. Наконецъ все тихо; сцена пуста.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ТАЛЬБОТЪ *выходитъ раненный, опираясь на ФАСТОЛЬ-*
ФА; за нимъ СОЛДАТЫ. Скоро потомъ ЛІОНЕЛЬ.

ТАЛЬБОТЪ.

Подъ этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами въ бой подите.
Чтобъ умереть, помощникъ мнѣ не нуженъ.

ФАСТОЛЬФЪ.

Несчастный день! Враждебная судьба!

(Входитъ Ліонель.)

За чѣмъ пришелъ ты, Ліонель? Смотри,
Нашъ храбрый вождь отъ раны умираетъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Да сохранить насъ небо! Встань, Тальботъ!

Не время намъ о ранахъ помышлять.

Вели ожить природѣ; одолѣй

Бунтующую смерть.

ТАЛЬБОТЪ.

Напрасно все!

Судьба произнесла: должна погибнуть
Во Франціи британская держава.
Послѣднее отчаянною битвой
Я истощилъ, чтобъ рокъ сей отвратить;
И здѣсь лежу, разбитъ стрѣлой громовой,
Чтобъ болѣ не возстать. Потерянъ Реймсъ —
Парижъ спасайте!

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ для насъ Парижа:

Онъ договоръ съ дофиномъ заключилъ.

ТАЛЬБОТЪ

(срывая съ себя повязку).

Бѣгите жъ вы, кровавые потоки!
Противно мнѣ смотрѣть на это солнце.

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ ждать нельзя. Фастольфъ, на этомъ мѣстѣ
Вождю опасно быть; намъ отстоять
Его не можно. Насъ тѣснить ужасно.
Ряды разстроены. За дѣвой вслѣдъ
Они бѣгутъ — и все, какъ буря, ломаютъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Безумство, ты превозмогло! А я
Погибнуть осужденъ. И сами боги
Противъ тебя не въ силахъ устоять.
О, гордый умъ! ты, свѣтлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Созданія, правитель міра, что ты?
Тебя несетъ, какъ бурный конь, безумство;

Вотще твоя узда; ты бездну видишь,
И самъ въ нее съ нимъ падаешь невольно.
Будь проклятъ тотъ, кто въ замыслахъ великихъ
Теряетъ жизнь! кто мудро выбираетъ
Себѣ стезю вѣрнѣйшую! Безумству
Принадлежитъ земля.

ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ, тебѣ
Не много здѣсь минутъ осталось. Вспомни
О Богѣ!

ТАЛЬБОТЪ.

Если бъ мы разбиты были,
Какъ храбрые отъ храбрыхъ — намъ отрадой
Была бы мысль, что мы въ рукѣ судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты....
Иль наша жизнь, вся отданная бурямъ,
Не стоила славнѣйшаго конца?

ЛІОНЕЛЬ

(подаетъ ему руку).

Тальботъ, прости! Дань слезъ моихъ тебѣ
Я принесу, какъ другъ твой, послѣ битвы,
Когда останусь цѣль. Теперь иду.
Еще судьба на полѣ боевомъ
Свой держитъ судъ и жребіи бросаетъ.
Простимся до другаго свѣта! Кратокъ
Разлуки мигъ за долгую любовь.

(Уходитъ.)

ТАЛЬБОТЪ.

Минута кончитъ все: отдамъ землѣ

И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
Въ страданіе и въ радость такъ напрасно;
И отъ могучаго Тальбота, славой
Наполнившаго свѣтъ, на свѣтъ будетъ
Одна лишь горсть летучей пыли. Такъ
Весь гибнетъ человѣкъ — и вся намъ прибыль
Отъ тягостной борьбы съ суровой жизнью
Есть убѣжденіе въ небытіи
И хладное презрѣнье ко всему,
Что мнилось намъ великимъ и желаннымъ.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Король, Герцогъ, Дюнуа, Дю Шатель и
солдаты (входятъ).

ГЕРЦОГЪ.

Сраженіе рѣшено.

ДЮНУА.

Побѣда наша.

КОРОЛЬ

(замѣтивъ Тальбота).

Но кто же тамъ, покинутый, лежитъ

Въ бореніи съ послѣднею минутой?

По бронѣ онъ не ратникъ рядовой.

Скорѣй! помочь, когда еще не поздно!

(Къ Тальботу приближаются солдаты.)

ФАСТОЛЬФЪ.

Не приближайтесь! прочь! Почтенье къ смерти
Того, кто былъ такъ страшенъ вамъ живой!

ГЕРЦОГЪ.

Что вижу я? Тальботъ лежитъ въ крови!

*(Приближается къ нему. Тальботъ, взглянувъ на него
быстро, умираетъ.)*

ФАСТОЛЬФЪ.

Не подходи, предатель ненавистный!

Твой видъ смутить послѣдній взоръ героя.

ДЮНУА.

Тальботъ, погибельный, неодолимый,

Столь малое пространство для тебя,

Котораго желаньямъ исполинскимъ

Всей Франціи обширной было мало!

(Преклоняетъ мечъ передъ королемъ.)

Теперь привѣтствую васъ королемъ.

Дрожалъ вѣнецъ на вашей головѣ,

Пока душа жила еще въ семъ тѣлѣ.

КОРОЛЬ

(посмотрѣвъ молча на мертваго).

Не мы его сразили — нѣкто высшій!

На землю Франціи онъ легъ, какъ бодрый

Боецъ на щитъ, котораго не выдалъ.

(Къ воинамъ.)

Возьмите!

(Трупъ Тальбота выносятъ.)

Миръ его великой тѣни!

Здѣсь памятникъ ему достойный будетъ:

Въ срединѣ Франціи, гдѣ онъ геройски

Свой кончилъ путь, покойся прахъ его!

Столь далеко враги не заходили,

И лучшее надгробіе ему

То мѣсто, гдѣ его найдутъ во гробѣ.

ФАСТОЛЬФЪ

(подавая мечъ королю).

Я плѣнникъ вашъ.

КОРОЛЬ

(возвращая ему мечъ).

Нѣтъ, рыцарь! И война

Священный долгъ умѣетъ чтить: свободно

Ты своего проводишь полководца.

Но, Дю Шатель, моя Агнеса въ страхѣ....

Спѣши ее обрадовать побѣдой.

Скажи, что я и живъ и невредимъ,

Что въ Реймсѣ жду ее къ коронованью.

(Дю Шатель уходитъ.)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ТѢ ЖЕ и ЛА ГИРЬ.

ДЮНУА.

Ты здѣсь, Ла Гирь? но гдѣ Іоанна?

ЛА ГИРЬ.

Какъ?

Она не съ вами? Я ее покинулъ

Въ сраженьи близъ тебя.

ДЮНУА.

Я побѣжалъ

На помощь къ королю.... Я былъ въ надеждѣ,

Что ты останешься при ней....

ГЕРЦОГЪ.

Недавно

Я видѣлъ самъ въ густой толпѣ враговъ

Ея распущенное знамя.

ДЮНУА.

Боже,
Страшусь я! Гдѣ она? Скорѣе къ ней
На помощь. Можетъ быть, ее далеко
Замчало мужество. Одна, быть можетъ,
Она, толпой стѣсняемая, бьется,
И тщетно ждетъ защиты отъ друзей.

КОРОЛЬ.

Спѣшите.

ДЮНУА.

Я бѣгу.

ЛАГИРЪ.

И я.

ГЕРЦОГЪ.

Мы всѣ.

(Всѣ уходятъ поспѣшно.)

*Другое мѣсто на полѣ сраженія. Утесы, деревья; вдали
башни Реймса, освѣщеннаго, заходящимъ солнцемъ.*

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

РЫЦАРЬ въ черномъ панцирѣ съ опущеннымъ забраломъ.

ІОАННА преслѣдуетъ его; онъ останавливается.

ІОАННА.

Коварный, я твою узнала хитрость!
Обманчиво притворнымъ бѣгствомъ ты
Меня сюда увлекъ изъ жаркой битвы
Чтобы своихъ спасти отъ грозной встрѣчи
Съ моимъ мечемъ. Но самъ теперь погибнешь.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Почто за мной ты гонишься? Почто
Такъ бѣшено къ моимъ стопамъ пристала?
Не суждено мнѣ пасть твоей рукой.

ІОАННА.

Противенъ ты душѣ моей, какъ ночь,
Которой цвѣтъ ты носишь. Истребить
Тебя съ лица земли неодолимо
Влечетъ меня могущее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало. Если бѣ
Передо мной Тальботъ не палъ въ сраженьи,
Тогда бы я сказала: ты Тальботъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Иль смолкнулъ гласъ пророческаго духа?

ІОАННА.

Нѣтъ, громко онъ вѣщаетъ мнѣ, что здѣсь
Моя бѣда стоитъ съ тобою рядомъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Іоанна д'Аркъ, съ побѣдою до Реймса
Дошла ты — стой! не далѣ! Будь довольна
Своимъ вѣнцомъ, и счастье отпусти,
Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ.
Не жди, чтобы оно забунтовало:
Ласкаетъ насъ, но вѣрность ненавидить,
И никому не служить до конца.

ІОАННА.

Почто ты мнѣ велишь съ моей дороги
Сойти, забывъ начатый мною подвигъ?
Свершу его, исполню свой обѣтъ!

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Могучая, ты все ниспровергаешь.

Иокорень бой тебѣ — но удержишь
Отъ боя. Мнѣ повѣрь, пока не поздно.

І О А Н Н А.

Не выпущу меча я изъ руки,
Доколь враги не втоптаны во прахъ.

Ч Е Р Н Ы Й Р Ы Ц А Р Ь.

Смотри же, тамъ сіяютъ башни Реймса;
Туда твой путь; ты видишь, блещетъ куполь
Соборная величественной церкви:
Въ нее вступить ты можешь съ торжествомъ,
Въ ней увѣнчать монарха, свой обѣтъ
Исполнить; но, Іоанна, не входи
Въ ту церковь; мнѣ повѣрь — и возвратись.

І О А Н Н А.

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснуть
Обманчивымъ пророчествомъ....

*Черный рыцарь хочетъ уйти. Она заступаетъ ему до-
рогу.)*

Постой!

Отвѣтствуй мнѣ, иль гибни!

(Хочетъ ударить въ него мечемъ.)

Ч Е Р Н Ы Й Р Ы Ц А Р Ь

(прикасается къ ней рукой и она остается неподвижна).

Умерщвляй

Одно лишь смертное.

(Громъ и молнія. Рыцарь исчезаетъ.)

І О А Н Н А

*(долго молчитъ въ изумленіи, потомъ опомнившись го-
воритъ).*

То былъ не здѣшній,
И не живой. То было привидѣнье,
Враждебный духъ, возникнувшій изъ ада,

Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру.
Но мнѣ съ мечемъ владыки моего
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду! зоветь побѣда!
Пусть на меня весь адъ вооружится:
Живъ Богъ — моя надежда не смутится.
(Хочетъ идти; ей на встрѣчу Ліонель.)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Ліонель. Іоанна.

Ліонель.

Отступница, готовься въ бой! Погибнуть
Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ.
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался.
Отмщу за храбраго, иль будь одна
Для насъ судьба. Но пасть ли мнѣ, иль нѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свелъ: я Ліонель, послѣдній
Британскій вождь, еще непобѣжденный.
(Нападаетъ на нее; черезъ минуту она вышибаетъ изъ
руки его мечъ.)

О, счастье!

(Борется съ нею; Іоанна во время борьбы срываетъ съ
него шлемъ, и онъ остается съ непокрытою головою;
поднявши мечъ, чтобы его поразить, она говоритъ:)

Іоанна.

Умри! Святая Дѣва

Моей рукой тебя приносить въ жертву.

(Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются съ глазами Ліо-
неля; пораженная видомъ его, она стоитъ неподвижна,
и рука ея опускается.)

ЛІОНЕЛЬ.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь. Я не хочу
Пощады: я въ твоихъ рукахъ.

(Она подаетъ ему знакъ рукою, чтобы онъ бѣжалъ.)

Бѣжать

Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнию? Скорѣй погибнуть!

ІОАННА

(отвертывъ глаза).

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Я ненавижу
Тебя и даръ твой. Не хочу пощады.
Не медли! Поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ!

ІОАННА.

Убей меня

И удались.

ЛІОНЕЛЬ.

Что слышу?

ІОАННА

(закрывъ лицо руками).

Горе мнѣ!

ЛІОНЕЛЬ

(приближась къ ней).

Молва идетъ, что ни одинъ Британецъ
Тобой не пощаженъ; за что же мнѣ
Пощада одному?

І Ѡ А Н Н А

(собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечъ, чтобы его поразить; но опять, взглянувъ на него, опускаетъ руку).

Святая Дѣва!

Л І О Н Е Л Ъ.

Почто зовешь Святую? О тебѣ
Не вѣдаетъ Она: ты небесами
Отвержена.

І Ѡ А Н Н А

(въ сильнѣйшемъ отчаяніи).

О, горе! горе! что
Я сдѣлала? Нарушенъ мой обѣтъ.
(Ломаетъ въ горести руки.)

Л І О Н Е Л Ъ

(смотритъ на нее съ участіемъ, и подходитъ ближе).

Несчастливая, жалѣю о тебѣ!
Ты трогаешь меня. Со мной однимъ
Великодушною была ты. Сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
Скажи, кто ты, откуда?

І Ѡ А Н Н А.

Прочь! бѣги!

Л І О Н Е Л Ъ.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты,
Жаль младости твоей. Твой милой образъ
Тѣснится въ душу мнѣ; и я хотѣлъ бы
Тебя спасти; но какъ и чѣмъ спасу?
Поди за мной. Оставь союзъ свой страшный;
Оставь погибельный сей мечъ.

І Ѡ А Н Н А.

Увы!

Носить его я недостойна.

Л І О Н Е Л Ь.

Брось

Его; иди со мной.

І Ѡ А Н Н А

(въ ужасъ).

Съ тобой? О, небо!

Л І О Н Е Л Ь

Пойдемъ. Еще тебя спасти возможно;

И я тебя спасу.... но поспѣши.

Моя душа печалью непонятной

Томится по тебѣ; невыразимымъ

Желаніемъ спасти тебя полна.

(Беретъ ее за руку, вдали показываются Дюнуа и Ла Гиръ.)

І Ѡ А Н Н А.

О, Боже! Дюнуа! — Они ужь близко.

Бѣги! — тебя найдутъ.

Л І О Н Е Л Ь.

Я твой защитникъ.

І Ѡ А Н Н А.

О, нѣтъ! Бѣги! Умру, когда погибнешь.

Л І О Н Е Л Ь.

Иль дорогъ я тебѣ?

І Ѡ А Н Н А.

О, Пресвятая!

ЛІОНЕЛЬ.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

ІОАННА.

Нѣтъ! никогда!

ЛІОНЕЛЬ.

Сей мечъ въ залогъ, что я
Тебя найду.

(Вырываетъ изъ рукъ ея мечъ.)

ІОАННА.

Ты смѣешь, безразсудный?

ЛІОНЕЛЬ.

Теперь я уступаю силѣ. Мы
Увидимся.

(Уходитъ поспѣшно.)

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ДЮНУА. ЛА ГИРЪ. ІОАННА.

ЛА ГИРЪ.

Она! она!

ДЮНУА.

Іоанна,

Спокойна' будь: друзья твои съ тобою!

ЛА ГИРЪ.

Не Ліонель ли тамъ бѣжитъ?

ДЮНУА.

Оставь

Его. Іоанна, битва рѣшена.

Реймсъ отворилъ ворота, весь народъ
Бѣжить толпой на встрѣчу королю.

ЛА ГИРЪ.

Но что она?... Шатается, блѣднѣетъ!

ДЮНУА.

Ты ранена?

(Иванна падаетъ къ нимъ на руки.)

Снять панцырь! рана
Въ плечѣ и легкая.

ЛА ГИРЪ.

Но льется кровь!

ІОАННА.

Пускай она съ моею льется жизнью.

(Лишается памяти.)

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

БОГАТО-УБРАННАЯ ЗАЛА.

Колонны обвиты гирландами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

І О А Н Н А.

(стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ):

Молчить гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ;
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы;
И гордый столбъ обвить живымъ вѣнцомъ;
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастье волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордится Франкъ своимъ происхожденьемъ;
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;

И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моею мечтой;
Британскій станъ любви моею обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моею отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

*(Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую,
нѣжную мелодію.)*

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ;
Милый слышится мнѣ голосъ;
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(Помолчавъ, съ большею живостію.)

Могла ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?... Какъ?... Скажи жь, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда молодой Валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье.
Увы! почто дерзнула я примѣттить
Его лица младую красоту?
Несчастливая, сей взоръ — твоя погибель;
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ;
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть —
И отъ тебя щитъ Божій отклонился;
И адская тебя схватила сѣть.

(Задумывается, вслушивается въ музыку; потомъ говоритъ:)

Ахъ, почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?

Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица.
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты —
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ...
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей.
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но — лишь гибель указала Ты...
Я ль сей жребій избрала?

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

АГНЕСА СОРЕЛЬ. ІОАННА.

АГНЕСА

(идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Іоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но одумавшись падаетъ передъ нею на колѣна).

НѢТЬ, НѢТЬ! во прахъ передъ тобою!..

ІОАННА

(стараясь ее поднять).

Встань,

Агнеса! ты свой санъ позабываешь.

АГНЕСА.

Оставь меня; томительная радость
Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ — сердце
Предъ божествомъ излить себя стремится;
Незримаго въ тебѣ боготворю.
Нашъ ангелъ ты; тобою мой властитель
Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣнчанья,
Стоитъ король въ торжественной одеждѣ;
Собираются кругомъ монарха перы,
Чтобы нести регалии во храмъ;
Народъ толпой бѣжитъ къ соборной церкви;
Повсюду кликъ, звучать колокола...
Кто дастъ мнѣ силъ снести такое счастье?

(Іоанна поднимаетъ ее. Агнеса смотритъ на нее пристально.)

Лишь ты одна сурово-равнодушна;
Ты благъ, тобой даруемыхъ, не дѣлишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;

Ты видѣла величіе небесъ —
И счастію земному неприступна.

*(Іюанна въ сильномъ движеніи схватываетъ ее за руку,
потомъ задумчиво опять ее опускаетъ.)*

О, если бъ ты узнала сладость чувства!
Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бранный панцырь,
И грудь открой чувствительности женской...
Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

І Ю А Н Н А.

Чего ты требуешь?

А Г Н Е С А.

Обезоружь

Себя, покинь сей мечъ; любовь страшится
Окованной желѣзомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина — и ты любовь узнаешь.

І Ю А Н Н А.

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой..
На встрѣчу смерти... Нѣтъ, тройной булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитой отъ вашихъ
Пировъ и отъ меня самой.

А Г Н Е С А.

Іюанна,

Графъ Дюнуа, великодушный, славный,
Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ чувствомъ;
О, вѣрь мнѣ, быть любовію героя —
Удѣлъ прекрасный!... но любить героя
Еще прекраснѣе!...

(Іюанна отвращается въ сильномъ волненіи.)

Ты ненавидишь

Его? — Нѣтъ, нѣтъ, его не любишь ты!

Но ненависть!... Лишь тотъ намъ ненавистенъ,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторгнулъ;
Но для тебя нѣтъ милаго; ты сердцемъ
Спокойна. Ахъ, когда бъ оно смягчилось!

ІОАННА

Жалѣй меня; оплачь мою судьбу.

АГНЕСА.

Чего жъ тебѣ недостаетъ для счастья?
Все рѣшено; отчизна спасена;
Съ побѣдою, торжественно въ свой Реймсъ
Вступилъ король, и слава твой удѣлъ;
Тебя народъ честить и обожаетъ;
Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты геній,
Ты божество сихъ праздниковъ веселыхъ,
И самъ король не столь въ своей коронѣ
Величественъ, какъ ты.

ІОАННА.

О, если бъ скрыться
Могла во тьмѣ подземной я отъ васъ!

АГНЕСА.

Что слышу? Какъ понять тебя, Іоанна?
И нынѣ кто жъ взглянуть дерзнетъ на свѣтъ,
Когда тебѣ глаза потупить должно?
Мнѣ, мнѣ краснѣть, мнѣ низкой предъ тобою,
Не смѣющей и мыслію постигнуть
Величія души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасеніе отчизны,
Не торжество побѣдъ, не обновленный
Престола блескъ, не шумный пиръ народа
Мнѣ радости причина; нѣтъ, одинъ

Живеть въ моей душѣ — иному чувству
Въ ней мѣста нѣтъ — онъ, сей боготворимый;
Его народъ привѣтствуетъ; его
Бѣгутъ встрѣчать; предъ нимъ цвѣты бросаютъ —
И онъ, для всѣхъ единственный — онъ мой!

І О А Н Н А.

Счастливица, завидую тебѣ!
Ты любишь тамъ, гдѣ любить все; ты смѣешь
Свободно, вслухъ изречь свое блаженство;
Передъ людьми его ты не таишь;
Сей общій пиръ есть пиръ твоей любви;
И этотъ весь безчисленный народъ,
Ликующій съ тобой въ однихъ стѣнахъ —
Прекрасное твое онъ чувство дѣлитъ;
Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
Ты съ радостью всеобщей заодно;
Твоей душѣ небесный день сіяетъ:
Любовью все твоей озарено.

А Г Н Е С А

(падая въ ея объятія).

О, радость! мой языкъ тебѣ понятенъ!
Іоанна, ты.... любви ты не чужда!
Что чувствую, ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Довѣрчиво тебѣ передается.

І О А Н Н А

(вырываясь изъ ея объятій).

Прочь, прочь! бѣги меня! Не заражайся
Губительнымъ сообществомъ моимъ;
Поди, будь счастлива; а мнѣ дай скрыть
Во мракъ мой стыдъ, мой страхъ, мое страданье.

А Г Н Е С А .

Я трепещу; ты мнѣ непостижима;
Но кто жь тебя постигнулъ? Кто проникъ
Во глубину твоей великой тайны?
Кто можетъ вѣдать, что святому сердцу,
Что чистотѣ души твоей понятно?

І О А Н Н А .

Нѣтъ, нѣтъ, *ты* чистая, святая *ты*!
Когда бъ въ мою ты внутренность проникла,
Ты бъ отъ меня, какъ отъ врага, бѣжала.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

І О А Н Н А , А Г Н Е С А , Д Ю Н У А , Д Ю Ш А Т Е Л Ь И
Л А Г И Р Ъ со знаменемъ Іоанны.

Д Ю Н У А .

Мы за тобой, Іоанна! Все готово;
Король тебя зоветъ: въ ряду вельможъ,
Ближайшая къ монарху, ты должна
Предъ нимъ нести святую орифламму.
Онъ признаетъ и хочетъ всенародно
Передъ лицомъ всей Франціи признать,
Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

Л А Г И Р Ъ .

Вотъ знамя! Поспѣшимъ! Король, вожди
И весь народъ зовутъ тебя, Іоанна.

І О А Н Н А .

О Боже! мнѣ предшествовать ему?
Мнѣ передъ нимъ нести святое знамя?

ДЮНУА.

Кому жь, Іѡанна? Чья рука посмѣетъ
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты въ сраженьи: имъ должна ты
И торжество побѣдное украсить.
(*Ла Гиръ хочетъ подать ей знамя, она отступаетъ съ ужасомъ.*)

ІѦАННА.

Прочь, прочь!

ЛА ГИРЪ.

Іѡанна, что съ тобой? Трепещешь
Предъ собственнымъ ты знаменемъ своимъ?
(*Развертываетъ знамя.*)

Узнай его, оно твое, ты имъ
Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ
Сіяетъ ликъ Владычицы Небесной.

ІѦАННА

(*съ ужасъ смотря на знамя*).

Она, Она!.. Въ такомъ являлась блескъ
Она передо мной.... Смотрите, гнѣвомъ
Омрачено Ея чело; и грозно
Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ склоненный!

АГНЕСА.

Ты вѣ себя! Опомнись! Ты видѣньемъ
Обманчивымъ ослѣплена: тотъ образъ....
Онъ слабыя, земной руки созданье;
Сама жь *Она* небесъ не покидала.

ІѦАННА.

О, грозная! карать ли Ты пришла?
Гдѣ молніи Твои? Пускай сразятъ

Онъ мою преступную главу.
Разрушенъ нашъ союзъ: я посрамила,
Унизила Твое святое имя!

ДЮНУА.

Что слышу я! Какой языкъ ужасный!

ЛА ГИРЪ

(къ Дю Шателю).

Какъ изъяснить ея волненье, рыцарь?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Я вижу то, чего давно страшился.

ДЮНУА.

Какъ? Что ты говоришь?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Того открыть,
Что думаю, не смѣю я; но дай Богъ,
Чтобъ было все ужъ кончено, и нашъ
Король ужъ коронованъ былъ.

ЛА ГИРЪ.

Іоанна,
Иль ужасъ тотъ, который разливала
Ты знаменемъ своимъ, оборотился
Противъ тебя? Узнай его, Іоанна;
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно символъ спасенья.

ІОАННА.

Такъ, такъ, оно спасительно для вѣрныхъ;
Лишь на враговъ оно наводитъ ужасъ.

(Слышенъ маршъ.)

ДЮНУА.

Возьми его, возьми! Ты слышишь, ходъ
Торжественный ужъ начался; пойдѣмъ.

(Принуждаютъ ее взять знамя; она беретъ его съ видимымъ отвращеніемъ и уходитъ; всѣ прочіе за нею.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Площадь передъ кафедральною церковью
Вдали множество народа. БЕРТРАНДЪ, АРМАНЪ
и ЭТЬЕНЪ выходятъ изъ толпы; за ними вскорѣ
Алина и Луиза. Вдали слышенъ маршъ.

БЕРТРАНДЪ.

Ужъ музыка играетъ; идутъ; скоро
Увидимъ ихъ; но гдѣ бы лучше намъ
Остановиться? Тамъ, на площади,
Иль здѣсь, на улицѣ, чтобъ посмотрѣть
На ходъ вблизи?

ЭТЬЕНЪ.

Нѣтъ, сквозь толпу народа
Намъ не пройти; отъ конныхъ и отъ пѣшихъ
Простора нѣтъ; всѣ улицы набиты;
У тѣхъ домовъ есть мѣсто; тамъ увидѣть
Намъ можно все.

АРМАНЪ.

Какая бездна! скажешь,
Что здѣсь вся Франція; и такъ велико
Народное стремленье, что и мы
Изъ Лотарингіи своей далекой
Сюда съ толпой пришли.

БЕРТРАНДЪ.

Да кто же будетъ
Одинъ дремать въ своемъ углу, когда
Великое свершается въ отчизнѣ?
Истратили довольно крови мы,
Чтобъ головѣ законной дать корону;
А нашъ король, нашъ истинный король,
Котораго мы въ Реймсѣ коронуемъ,
Уже ль онъ здѣсь быть долженъ встрѣченъ хуже
Парижскаго, который въ Сен-Дени
По милости пришельца коронованъ?
Тотъ не Французъ, кто въ этотъ славный день
Не будетъ здѣсь съ другими, и отъ сердца
Не закричитъ: да здравствуетъ король!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ЛУИЗА и АЛИНА

ЛУИЗА.

Сестрица, мы увидимъ здѣсь Іоанну!
Какъ бьется сердце!

АЛИНА.

Мы ее увидимъ
Въ величествѣ и въ почести, и скажемъ:
То наша милая сестра Іоанна.

ЛУИЗА.

Пока меня глаза не убѣдили,
По тѣхъ поръ все не буду вѣрить я,
Чтобъ та, которую всѣ называютъ

Здѣсь орлеанской дѣвою, была
Сестра Іоанна, бѣзъ вѣсти отъ насъ
Пропавшая.

(Звуки марша приближаются.)

А Л И Н А.

Увидишь и повѣришь.

Б Е Р Т Р А Н Д Ѣ.

Молчите! идутъ!

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

*Впереди идутъ МУЗЫКАНТЫ; за ними ДѢТИ въ бѣлыхъ
платьяхъ, съ вѣнками въ рукахъ; потомъ два ГЕРОЛЬДА;
отрядъ воиновъ съ алебардами; ЧИНОВНИКИ въ па-
радныхъ платьяхъ; два МАРШАЛА съ жезлами; БУР-
ГУНДСКІЙ ГЕРЦОГЪ съ мечемъ; ДЮНУА съ ски-
петромъ; другіе ВЕЛЬМОЖИ съ короною, державою,
королевскимъ жезломъ; за ними РЫЦАРИ въ орден-
скихъ одеждахъ; ПѢВЧІЕ съ кадилницами; два ЕПИ-
СКОПА съ святою ампулою; АРХІЕПИСКОПЪ съ
крестомъ; за нимъ ІОАННА съ знаменемъ. Она идетъ
медленными, неровными шагами, наклонивъ голову; ея
сестры, увидя ее, знаками показываютъ радость и удивле-
ніе; за Іоанною слѣдуетъ КОРОЛЬ подъ балдахиномъ,
который несутъ БАРОНЫ; за королемъ придворные
чиновники; потомъ опять отрядъ воиновъ. Когда всѣ
входятъ въ церковь, маршъ умолкаетъ.*

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ЛУИЗА. АЛИНА. АРМАНЪ. ЭТЬЕНЪ.

БЕРТРАНДЪ.

АЛИНА.

Видѣлъ ли сестру?

АРМАНЪ.

Что шла предъ королемъ, въ богатыхъ латахъ,
Со знаменемъ въ рукахъ?

АЛИНА.

Да, то Іоанна,

Сестра.

ЛУИЗА.

На насъ она не поглядѣла.

Она не думала, что сестры близко.

Была блѣдна, смотрѣла внизъ, дрожала

Подъ знаменемъ своимъ.... Мнѣ стало грустно;

Я не могла обрадоваться ей.

АЛИНА.

Теперь мы видѣли Іоанну въ славѣ

И въ почести; но кто бъ то могъ подумать

Въ то время, какъ она у насъ въ горахъ

Пасла овецъ?

ЛУИЗА.

Отцу не даромъ снилось,

Что въ Реймсѣ онъ и мы передъ Іоанной

Стоять съ почтеньемъ будемъ. Вотъ та церковь,

Которая привидѣлась ему.

И все сбылось. Но знаешь ли? отцу

Съ тѣхъ поръ и страшныя видѣнья были.
Ахъ! мнѣ она жалка; мнѣ тяжело видѣть
Ее въ такомъ величїи.

БЕРТРАНДЪ.

Пойдемъ.

Что здѣсь стоять? Не лучше ль протѣсниться
Намъ въ церковь? Тамъ увидимъ весь обрядъ.

АЛИНА.

Пойдемъ; быть можетъ, тамъ съ сестрой Іоанной
Мы встрѣтимся.

ЛУИЗА.

Мы видѣли ее;
Довольно съ насъ; воротимся въ село.

АЛИНА.

Какъ, не сказавъ ни одного ей слова?

ЛУИЗА.

Она теперь не намъ принадлежитъ;
Лишь общество князей и полководцевъ
Прилично ей. На что же намъ тѣсниться
Къ блестящему величеству ея;
И съ нами бывъ, она была не наша.

АЛИНА.

Иль думаешь, что ей насъ будетъ стыдно,
Что насъ она теперь пренебрежетъ?

БЕРТРАНДЪ.

И самъ король насъ не стыдится; онъ
Здѣсь ласково всѣмъ кланялся; хотя
Она теперь стоитъ и высоко,

Но нашъ король все выше.

(Трубы и литавры въ церкви.)

АРМАНЪ.

Въ церковь! въ церковь!

(Идутъ и пропадаютъ въ толпѣ народа.)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ТИБО въ черномъ платьѣ, за нимъ РАЙМОНДЪ, который старается его удержать.

РАЙМОНДЪ.

Воротимся, мой добрый Аркъ, уйдемъ

Отсюда; здѣсь все празднуетъ; твое

Уныніе обидно для веселыхъ...

Чего намъ ждать? Зачѣмъ здѣсь оставаться?

ТИБО.

Ты видѣлъ ли несчастное мое

Дитя? Всмотрѣлся ли въ ея лице?

РАЙМОНДЪ.

Ахъ! поскорѣй.... прошу тебя, уйдемъ.

ТИБО.

Примѣтилъ ли, какъ робко шла она,

Съ какимъ лицомъ разстроеннымъ и блѣднымъ?

Несчастная, она свой жребій знаетъ...

Но часъ насталъ ее спасти; я имъ

Воспользуюсь.

(Хочетъ идти.)

РАЙМОНДЪ.

Куда? Чего ты хочешь?

Т И Б О.

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее съ ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

Р А Й М О Н Д Ъ.

Ахъ!

Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты самъ свое дитя погубишь.

Т И Б О.

Такъ!

Жила бѣ душа — пускай погибнетъ тѣло.

(Иоанна выбѣгаетъ изъ церкви безъ знамени; народъ окружаетъ ее, тѣснится къ ней, цѣлуетъ ея платье и препятствуетъ ей приблизиться.)

Смотри, идетъ; на ней лица нѣтъ; ужасъ
Ее изъ церкви гонить; Божій судъ
Преслѣдуетъ ее....

Р А Й М О Н Д Ъ.

Прости, отецъ!

Съ надеждой я пришелъ и безъ надежды
Уйду. Я видѣлъ дочь твою и знаю,
Что для меня навѣкъ она пропала.

(Уходитъ. Тибо удаляется на противоположную сторону.)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Н А Р О Д Ъ. І О А Н Н А. Потомъ ея СЕСТРЫ.

І О А Н Н А

(приближаясь).

Я не могу тамъ оставаться — духи
Преслѣдуютъ меня; органа звукъ,

Какъ громъ, мой слухъ терзаетъ; своды храма
Дрожать и пасть готовы на меня.
Хочу вздохнуть подъ вольнымъ небомъ; тамъ
Въ святилищѣ оставила я знамя,
И никогда къ нему не прикоснусь...
Казалось мнѣ, что видѣла я милыхъ
Моихъ сестеръ Луизу и Алину.
Онѣ, какъ сонъ, мелькнули предо мной...
Ахъ! то была мечта; онѣ далеко,
Далеко; мнѣ ужъ ихъ не возвратить,
Какъ дѣтскаго потеряннаго счастья.

А Л И Н А

(выходя изъ толпы).

Жанета!

Л У И З А

(подбѣгая къ ней).

Милая сестра!

І О А Н Н А.

О Боже!

И такъ я видѣла не сонъ; вы здѣсь,
Со мной; опять знакомый слышу голосъ;
Опять могу въ степи сей многолюдной
Родную грудь прижать къ печальной груди.

А Л И Н А.

Она узнала насъ; она все та же
Добросердечная сестра Жанета.

І О А Н Н А.

О милыя! вы изъ такой далекой,
Далекой стороны пришли сюда,
Чтобъ свидѣться со мной; вы мнѣ простили,
Что изъ села я, не сказавшись вамъ,
Ушла, и васъ какъ будто отреклася.

ЛУИЗА.

То воля Божія была.

АЛИНА.

Молва

О чудесахъ твоихъ сошла и къ намъ;
Мы не могли противиться стремленью,
И, родину спокойную покинувъ,
Пришли сюда взглянуть на славный праздникъ,
Пришли твое величіе увидѣть;
Мы не одѣ....

ІОАННА

(скоро).

Какъ? и отецъ? онъ здѣсь!..
Онъ здѣсь!... Но гдѣ же онъ? Зачѣмъ онъ скрылся?

АЛИНА.

Отца здѣсь нѣтъ.

ІОАННА.

О Боже! нѣтъ!... уже ли
Свое дитя онъ видѣть не хотѣлъ?
Но съ вами онъ хотя благословенье
Свое прислалъ мнѣ....

ЛУИЗА.

Онъ не зналъ, что мы
Сюда пошли...

ІОАННА.

Не зналъ? Но для чего жь
Не зналъ онъ?... Вы молчите, вы глаза
Потупили?... Скажите, гдѣ отецъ?

АЛИНА.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла...

ЛУИЗА

(отлая ей знаки).

Алина!

АЛИНА.

Онъ!

Задумчивъ сталъ.

ІОАННА.

Задумчивъ?

ЛУИЗА.

Будь спокойна;

Ты лучше насъ отца, Жанета, знаешь;
Его всегда предчувствіе тревожить;
Но онъ утѣшится, когда мы скажемъ,
Что видѣли тебя, что ты жива
И счастлива.

АЛИНА.

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему жъ и быть иному
Въ такой чести, въ такой великой славѣ?

ІОАННА.

Ахъ, счастлива! я съ вами; я вашъ голосъ
Опять услышала; онъ мнѣ напомнилъ
Отечество, домашніе луга;
Тамъ я пасла стада свои безпечно;
Тамъ счастлива была я какъ въ раю...
И не видать ужъ мнѣ такого счастья.

(Скрываетъ лицо на груди Луизы. Арманъ, Этьенъ и
Бертрандъ показываются въ отдаленіи и не смѣютъ
подойти.)

АЛИНА.

Арманъ, Этьенъ, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала насъ; она все такъ-же

Смиренна и тиха, и къ намъ теперь
Гораздо ласковѣй, чѣмъ прежде.

(Они приближаются и хотятъ подать ей руку; Іоанна смотритъ на нихъ неподвижными глазами, и впадаетъ въ задумчивость; потомъ говоритъ въ изумленіи.)

І О А Н Н А.

Гдѣ я?

Мои друзья, не правда ль? Все то было
Одинъ лишь долгій сонъ? Я въ Домъ-Реми;
Подъ деревомъ Друидовъ я заснула;
Теперь проснулася, и вокругъ меня
Знакомыя, привѣтливыя лица
Моихъ родныхъ? Объ этихъ короляхъ,
Сраженьяхъ, подвигахъ мнѣ только снилось;
То были тѣни; вокругъ меня они
Носилися подъ тѣмъ волшебнымъ дубомъ;
Иначе какъ зайти вамъ въ Реймсъ? Какъ мнѣ
Самой быть въ Реймсѣ? Нѣтъ, не покидала
Я Домъ-Реми; признайтесь, друзья;
Обрадуйте мнѣ сердце.

Л У И З А.

Нѣтъ, мы въ Реймсѣ,

Іоанна, и тебѣ не снилось; ты
Великое свершила наяву;
Опомнись, погляди вокругъ себя,
Дотронься до своихъ блестящихъ латъ.

(Іоанна кладетъ руку на грудь, приходитъ въ себя и вздрагиваетъ.)

Б Е Р Т Р А Н ДЪ

Тебѣ твой шлемъ изъ рукъ моихъ достался.

А Р М А НЪ.

Не диво, что тебѣ все это мнится

Чудеснымъ сномъ; какой быть можетъ сонъ
Чудеснѣе того, что ты свершила?

І О А Н Н А

(скоро).

Ахъ, убѣжимъ! Я съ вами возвращусь
Къ отцу, въ село.

Л У И З А.

Такъ, милая, пойдемъ.

І О А Н Н А.

Они меня здѣсь славятъ безъ заслуги;
Но съ вами я, друзья, была младенцемъ;
Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить —
Вы любите меня.

А Л И Н А.

Ты хочешь бросить
Свое величіе?

І О А Н Н А.

Хочу, друзья,
Съ себя сорвать уборъ тотъ ненавистный,
Который насъ сердцами разлучилъ;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вамъ служить,
И горестнымъ загладить покаяньемъ
Безумное величіе мое.

(Трубы.)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король выходитъ изъ церкви въ коронъ и порфиръ,
Агнеса, Архіепископъ, Герцогъ Бургундскій, Дюнуа, Ла Гиръ, Дю Шатель,
рыцари, придворные и народъ.

НАРОДЪ

(кричитъ во время шествія короля).

Да здравствуетъ король!

(Гремятъ трубы; по мановенію короля герольды подаютъ знакъ и все умолкаетъ.)

КОРОЛЬ.

Народъ мой добрый,
Благодарю за вѣрность и любовь.
Мнѣ отдалъ Богъ отцовъ моихъ корону;
Народа мечъ ее завоевалъ;
Еще на ней кровь подданныхъ видна;
Но миръ ее оливою украсить.
Благодаримъ защитниковъ престола;
А нашимъ всѣмъ врагамъ даемъ прощенье;
Къ намъ милостивъ Господь Всевышній былъ —
И первое будь наше слово: милость.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ король!

КОРОЛЬ.

Досель незримо
Самъ Богъ вѣнчалъ французскихъ королей;
Но видимо изъ рукъ Его пріяли
Мы свой вѣнецъ.

(Указывая на Іоанну.)

Народъ, передъ тобою
Чудесная посланница небесъ;
Она престолъ законный защитила;
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признаетъ;
Да будетъ ей воздвигнуть здѣсь алтарь.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!

(Трубы.)

КОРОЛЬ

(къ Іоанну.)

Скажи, когда ты намъ равна породой,
Какое здѣсь тебѣ угодно счастье?
Но, если ты сошла на время съ неба,
Чтобъ насъ спасти подъ видомъ смертной дѣвы,
То просвѣти земныя наши очи;
Преобразись, дай видѣть намъ твой свѣтлый,
Безсмертный ликъ, въ какомъ тебя лишь небо
Видало, чтобъ тебя могли мы въ прахѣ
Боготворить.

(Всеобщее молчаніе; всѣ глядятъ на Іоанну.)

ІОАННА

(вдругъ восклицаетъ).

О, Боже! мой отецъ!

ОДИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Т И Б О выходитъ изъ толпы и становится прямо противъ *Иванны*.

МНОЖЕСТВО ГОЛОСОВЪ.

Ея отецъ!

Т И Б О.

Такъ, горестный, несчастный
Ея отецъ, пришедшій самъ предать
На судъ свое дитя.

ГЕРЦОГЪ.

Что это значить?

ДЮШАТЕЛЬ.

Ужасный свѣтъ увидимъ мы теперь.

Т И Б О

(къ королю).

Ты думаешь: могущество небесъ
Тебя спасло? Ты, государь, обмануть!
Народъ, ты ослѣпленъ! Вы спасены
Искусствомъ адовымъ.

(*Всѣ отступаютъ въ ужасъ.*)

ДЮНУА.

Безумство!

Т И Б О.

Нѣтъ!

Безумецъ ты и всѣ вы! Какъ повѣрить,
Чтобы Господь, Создатель, Вседержитель
Себя явилъ въ такой ничтожной твари?

Увидимъ мы: передъ лицомъ отца
Отважится ль она обманъ свой хитрый,
Которымъ васъ прельстила, подтвердить?
Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятаго:
Принадлежишь ли ты къ святымъ и чистымъ?
(Всеобщее молчаніе; всѣ глаза устремлены на Іоанну;
она стоитъ неподвижно.)

АГНЕСА.

Она молчитъ!

ТИБО.

Она должна молчать
Предъ именемъ, предъ коимъ адъ и небо
Безмолвствуютъ. Она святая, небомъ
Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страшномъ,
Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревлѣ
Нечистый духъ гнѣздится, было все
Придумано; тамъ вѣчность продала
Она врагу, чтобъ славою минутной
Здѣсь, на землѣ, ее онъ возвеличилъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасно!... Но отцу повѣрить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать?

ДЮНУА.

Безумецъ, кто жестокому безумцу,
Губящему дѣтей своихъ, повѣрить!

АГНЕСА

(къ Іоаннѣ).

Ахъ! отвѣчай! молю тебя, прерви
Ужасное твое молчанье! Мы
Не усомнимся; насъ единымъ словомъ
Изъ устъ твоихъ ты можешь убѣдить;

Но отвѣчай; отвергни клевету;
Скажи, что ты невинна — и повѣримъ.
(Іоанна молчитъ; Агнеса отступаетъ отъ нея съ ужа-
сомъ.)

ЛА ГИРЪ.

Она испугана. Внезапный ужасъ
Сковалъ языкъ ея. Самъ божій ангелъ
Отъ клеветы такой оцѣпенѣть.

(Онъ подходитъ къ ней ближе.)

Приди въ себя, почувствуйся; невинность
Имѣть взглядъ непобѣдимо-сильный;
Какъ молнія сразить онъ клевету;
Іоанна, подыми свой чистый взоръ,
Воздвигнися во гнѣвъ благородномъ,
Чтобъ пристыдить, чтобъ наказать сомнѣнье,
Срамящее святую добродѣтель.

(Іоанна молчитъ. Ла Гиръ, ужаснувшись, отступаетъ.
Движеніе въ народъ увеличивается.)

Д Ю Н У А.

Почто дрожить народъ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна.
Я княжескимъ моимъ ручаюсь словомъ;
И здѣсь бросаю я перчатку: кто
Отважится назвать ее виновной?

(Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ.)

Т И Б О.

Отъ имени гремящаго тамъ Бога
Я говорю: Іоанна, отвѣчай,
Скажи, что ты невинна, что врага
Нѣтъ въ сердцѣ у тебя, и въ клеветѣ
Изобличи отца.

(Другой сильнѣйшій ударъ; народъ разбѣгается во всѣ
стороны.)

ГЕРЦОГЪ.

О, защити,
Создатель, насъ! Какіе страшны знаки!

ДЮШАТЕЛЬ

(королю).

Уйдите, государь.

АРХІЕПИСКОПЪ

(къ Іоаннѣ).

Я вопрошаю

Во имя Бога: что велить тебѣ

Молчать — твоя невинность иль вина?

Ты слышала гремѣщій Божій голосъ?

Возьми сей крестъ — когда онъ за тебя.

*(Іоанна стоитъ неподвижно. Новые сильные удары грома.
Король, Агнеса, архіепископъ, герцогъ, Ла Гиръ и Дю
Шатель уходятъ.)*

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ДЮНУА. ІОАННА.

ДЮНУА.

Іоанна, я назвалъ тебя невѣстой;

Я съ перваго тебѣ повѣрилъ взгляда;

Такъ думаю я и теперь; я вѣрю

Іоаннѣ болѣе, чѣмъ этимъ знакамъ,

Чѣмъ говорящему на небѣ грому.

Понятно мнѣ молчаніе твое:

То благородный гнѣвъ; себя закрывъ

Святой невинностью, ты подозрѣнью

Презрѣнному не хочешь дать отвѣта;

Пренебреги его — но мнѣ откройся;
Я въ чистотѣ твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
Въ залогъ, что ты себя моей рукѣ
И дѣлу правому ввѣряешь смѣло.

(Онъ подаетъ ей руку; она отворачивается съ трепетомъ. Дюнуа смотритъ на нее въ изумленіи и ужасѣ.)

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Іоанна. Дю Шатель. Дюнуа. Потомъ Раймондъ.

ДЮ ШАТЕЛЬ

(возвращаясь).

Іоанна д'Аркъ, король тебѣ позволилъ
Покинуть Реймсъ. Тебѣ отворены
Ворота. Не страшись — никто тебя
Не оскорбитъ. Король твоя защита.
Графъ Дюнуа, вамъ быть здѣсь не прилично.
Какой конецъ!...

(Онъ уходитъ. Дюнуа нѣсколько времени молчитъ, потомъ бросаетъ взглядъ на Іоанну и медленно удаляется; Іоанна остается одна. Наконецъ является Раймондъ; онъ останавливается въ отдаленіи, смотритъ на нее въ горестномъ молчаніи, потомъ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку.)

РАЙМОНДЪ.

Воспользуйся минутой.

На улицѣ все пусто. Дай мнѣ руку;
Иди за мной: я буду твой защитникъ.

(При взглядѣ на него, она подаетъ первый знакъ чувства; смотритъ быстро ему въ лицо, потомъ на небо; потомъ съ живостью беретъ его за руку, и они уходятъ.)

ПЯТЫЙ АКТЪ.

Густой, дикій лѣсъ.

Вдали хижина угольщика. Темно. Ужасная гроза; слышны выстрѣлы.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Угольщикъ и его жена.

УГОЛЬЩИКЪ.

Какая сильная гроза! все небо
Въ огнѣ; среди бѣла дня ночь, и страшно
Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли, какъ гнутся
Деревья? какъ бунтуютъ ихъ вершины?
И эта на небѣ война — предъ нею
И дикій звѣрь смиряется и робко
Въ свой темный логъ уходитъ — лишь однихъ
Людей она не можетъ усмирить!
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и вихорь слышны
Мнѣ выстрѣлы; и оба войска такъ
Одно къ другому близко, что теперь
Лишь только этотъ лѣсъ ихъ раздѣляетъ;
Того и жди, что битва загорится.

Ж Е Н А.

Помилуй насъ, Господь! Враги разбиты
Ужь на голову были; отъ чего жь
Они опять такъ сдѣлались отважны?

У Г О Л Ъ Щ И К Ъ.

Ужь имъ теперь король нашъ не опасенъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва стала въ Реймсѣ вѣдьмой,
Нечистый духъ намъ болѣ не помощникъ;
И все пошло вверхъ дномъ.

Ж Е Н А.

Смотри, смотри,
Кто тамъ идетъ?

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Т ѣ ж е. І о а н н а и Р а й м о н д ѣ.

Р а й м о н д ѣ.

Здѣсь хижина, Іоанна.
Иди за мной; мы здѣсь найдемъ пріютъ.
Ты выбилась изъ силъ. Ужь третій день,
Какъ по лѣсу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаюсь.

(Гроза мало по малу утихаетъ; становится ясно.)
Здѣсь угольщикъ живетъ. Поди сюда,
Іоанна.

У Г О Л Ъ Щ И К Ъ.

Вы устали: отдохните
У насъ. Чѣмъ Богъ послалъ, мы тѣмъ охотно
Васъ угостимъ.

ЖЕНА.

На ней военный панцырь :
Къ чему это?... Но, правда, въ наше время
И женщинъ всего приличнѣй латы.
Я слышала, что королева-мать
Явилася опять у Англичанъ;
Надѣла шлемъ и панцырь, и живетъ
Въ ихъ лагерь, какъ ратникъ; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простаго,
За короля сражалась?...

УГОЛЬЩИКЪ.

Замолчи!

Поди, изъ хижины ей принеси
Напится.

(Она уходитъ въ хижину.)

РАЙМОНДЪ.

Видишь ли, Іоанна? Люди
Не всѣ безжалостны; и въ дикомъ лѣсѣ
Есть добрыя сердца. Развеселись!
Гроза прошла; на небѣ ясно; солнце
Въ безоблачномъ сіяніи заходитъ.

УГОЛЬЩИКЪ.

Конечно вы идете къ нашимъ войскамъ;
Остерегитесь: здѣсь недалеко
Поставили свой лагерь Англичане,
И по лѣсу ежеминутно бродятъ
Отряды ихъ.

РАЙМОНДЪ.

Бѣда намъ! Какъ отъ нихъ
Спаستись?

УГОЛЬЩИКЪ.

Останьтесь здѣсь. Мой мальчикъ скоро
Воротится изъ города; онъ васъ
Оврагами лѣсными проведетъ
Въ французскій лагерь: намъ тропинки всѣ
Знакомы здѣсь.

РАЙМОНДЪ

(Иванъ).

Сними свой шлемъ и панцырь;
Они тебя не защитятъ, лишь только
Врагамъ откроютъ.

(Иванна трясетъ головою.)

УГОЛЬЩИКЪ.

Отъ чего она
Такая грустная? Но тише, кто тамъ?

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ЖЕНА угольщика выходитъ изъ хижины съ стака-
номъ вина. СЫНЪ ихъ.

ЖЕНА.

Нашъ мальчикъ! — онъ изъ Реймса воротился.
Пей съ Богомъ.

(Подаетъ Иванъ стаканъ.)

УГОЛЬЩИКЪ

(сыну).

Что ты скажешь? Что тамъ слышно?

СЫНЪ

(увидя, что мать его подаетъ стаканъ Иванъ, и узнавъ
ее, бросается къ ней и вырываетъ изъ рукъ ея стаканъ).

Прочь! что ты дѣлаешь? Кому напиться
Ты принесла?... Вѣдь это чародѣйка.

УГОЛЬЩИКЪ и его ЖЕНА

(вмѣстѣ).

Помилуй насъ Небесный Царь.

(Крестятся и убѣгаютъ.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

РАЙМОНДЪ. ІОАННА.

ІОАННА

(съ кротостію).

Ты видишь?

Проклятіе за мною по слѣдамъ;
Все отъ меня бѣжить, — бѣги и ты!
Спасайся, другъ! покинь меня!

РАЙМОНДЪ.

Тебя

Покинуть! мнѣ! теперь!... Но кто же будетъ
Твоимъ проводникомъ?

ІОАННА.

Я не одна!

Есть проводникъ! ты слышалъ громъ небесный?
Моя судьба ведетъ меня; я къ цѣли
Моей, и не искавъ ее, дойду.

РАЙМОНДЪ.

Но этотъ лѣсъ опасенъ. Англичане
Толпятся здѣсь; они клялись тебѣ
Отмстить. А тамъ Французы; и они
Противъ тебя... Куда же ты пойдешь?

ІОАННА.

Чему не должно быть, того со мной
Не будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Кто жь тебѣ здѣсь пищи станетъ
Искать? Кто здѣсь тебя оборонитъ
Отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей?
Кто будетъ за тобой ходить въ болѣзни
И нищетѣ?

ІОАННА.

Я знаю всѣ коренья
И травы — отъ овецъ я научилась
Цѣлебныя отъ вредныхъ отличать;
Я знаю ходъ свѣтилъ и облаковъ;
Мнѣ внятенъ шумъ потоковъ сокровенныхъ...
Для человѣка здѣсь немного нужно;
Природа жизнию богата.

РАЙМОНДЪ.

Правда!

Но должно бы тебѣ войти въ себя,
Покаяться и примириться съ Богомъ,
И возвратиться въ нѣдра церкви...

ІОАННА.

Другъ,

И ты меня винишь?

РАЙМОНДЪ.

Я принужденъ...

Твое безмолвное признанье...

ІОАННА.

Какъ?

Ты, не покинувшій меня въ бѣдѣ,

Единое, мнѣ вѣрное, творенье,
Ты, мнѣ отдавшійся, когда весь свѣтъ
Отрекся отъ меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!...

(Раймондъ молчитъ.)

Ахъ, это тяжело!

РАЙМОНДЪ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты не волшебница, Іоанна?

ІОАННА.

Я

Волшебница?

РАЙМОНДЪ.

А эти чудеса?...

Ты съ помощью небесной ихъ свершила?

ІОАННА.

Съ какою же иной?

РАЙМОНДЪ.

Но для чего же

Молчала ты предъ страшнымъ обвиненьемъ?

Теперь ты говоришь; а при народѣ,

При королѣ, гдѣ ты должна была

Отвѣтствовать, была ты, какъ нѣмая.

ІОАННА.

Я той судьбѣ въ молчаньи покорилась,

Которую мой Богъ, мой повелитель,

Назначилъ мнѣ.

РАЙМОНДЪ.

Но развѣ дать отвѣта

Ты не могла отцу?

ІОАННА.

Отъ Бога было,

Что было отъ отца; и испытанье
Отеческое будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Голосъ неба
Твою вину свидѣтельствовадь имъ.

ІОАННА.

И потому, что небо говорило,
Молчала я.

РАЙМОНДЪ.

Какъ? Ты единымъ словомъ
Могла очиститься — и ты рѣшилась
Оставить свѣтъ въ погибельномъ обманѣ?

ІОАННА.

То не обманъ, — то было испытанье.

РАЙМОНДЪ.

И этотъ стыдъ стерпѣла ты безвинно,
Съ покорностью, безъ ропотнаго слова?
О, я тебѣ дивлюсь! Мой умъ мутится;
Въ моей груди поворотилось сердце.
Я самъ твоей вины не постигалъ,
И сладко мнѣ словамъ твоимъ повѣрить...
Но кто бъ вообразилъ, что сердце въ силахъ
Безмолвствовать предъ ужасомъ такимъ?

ІОАННА.

Была ли бъ я посланницею Бога,
Когда бъ Его не чтила слѣпо власти?
И я не такъ несчастна, какъ ты мыслишь.
Я въ нищетѣ — но въ низкой нашей долѣ
Несчастье ль нищета? Меня изгнали;
Нѣтъ мѣста, гдѣ мнѣ голову склонить, —
Но знать себя въ степи я научилась;
Лишь тамъ была борьба въ моей душѣ,

Гдѣ вокругъ меня сіяла честь; весь свѣтъ
Моей судьбѣ завидоваль, а я
Была несчастнѣй всѣхъ. Но все прошло, —
И я исцѣлена; и эта буря,
Грозившая природѣ разрушенъемъ,
Была мнѣ другъ: съ землею и меня
Она очистила. Во мнѣ спокойно.
Пусть будетъ то, чему быть должно — я
Ужъ слабости не вѣдаю въ себѣ.

РАЙМОНДЪ.

Пойдемъ, пойдемъ, изобличимъ неправду!
Пускай твою невинность свѣтъ узнаетъ.

ІОАННА.

Кто ослѣпилъ ихъ очи, тотъ одинъ
И просвѣтитъ ихъ. Не дозрѣвши, плодъ
Судьбы не упадетъ. Наступитъ день —
И буду я оправдана предъ ними;
И кто теперь меня клянетъ и гонитъ,
Тотъ свой обманъ признаетъ, и въ слезахъ
Моей судьбѣ отказано не будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Какъ, буду ль ждать въ молчаніи, чтобъ случай....

ІОАННА

(съ кротостью взявъ его за руку).

Другъ, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачаетъ
Твой взоръ, — но я безсмертное глазами
Здѣсь видѣла... Безъ Бога не падетъ
И волосъ съ нашей головы. Взгляни
На заходящее тамъ солнце — завтра
Оно опять взойдетъ среди сіянья:
Такъ вѣрно день наступитъ оправданья!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА съ СОЛДАТАМИ *показывается въ глубинѣ сцены.*

КОРОЛЕВА

(еще за сценою).

Здѣсь въ лагерь англійскій дорога.

РАЙМОНДЪ.

Боже!

Погибли! — непріятель!

(Солдаты выходятъ на сцену; увидя Іоанну, они отступаютъ въ ужасъ.)

КОРОЛЕВА.

Что случилось?

Что испугало васъ? Куда бѣжите?

(Увидя Іоанну, невольно содрогается.)

Что вижу я?

(Одумавшись, быстро къ ней подходитъ.)

Остановися! сдайся!

Ты плѣнница моя.

ІОАННА.

Сдаюсь.

(Раймондъ убѣгаетъ къ отчаянію.)

КОРОЛЕВА.

Въ оковы!

(Солдаты робко подходятъ къ Іоаннѣ; она протягиваетъ руки; на нее налагаютъ цѣпи.)

Вотъ та ужасная, передъ которой

Въ сраженіи вы, какъ овцы, разбѣгались!

Она себя не въ силахъ защитить.

Чудесная для тѣхъ, кто вѣрилъ чуду;

Лишь женщина при встрѣчѣ съ твердымъ мужемъ.

(Къ Іоанну.)

Зачѣмъ покинула ты войско? Гдѣ

Графъ Дюнуа, твой рыцарь и защитникъ?

ІОАННА.

Меня изгнали.

КОРОЛЕВА.

Какъ, тебя изгнали?

Мой сынъ тебя изгналъ?

ІОАННА.

Къ чему вопросы?

Я плѣнница твоя; рѣши мой жребій.

КОРОЛЕВА.

Изгналъ! за то, что былъ тобой спасенъ

Отъ гибели, и въ Реймсѣ коронованъ,

И королемъ французскимъ сдѣланъ? Въ этомъ

Я сына узнаю... Вы! отведите

Ее въ нашъ лагерь: пусть увидить войско

Страшилище, пугавшее его.

Она волшебница? Въ безумствѣ вашемъ

И въ вашей робости — ея волшебство.

Она сама безумная: она

За короля пожертвовала жизнью —

И королевскую теперь награду

Пускай узнаетъ. — Прямо къ Ліонелю

Ее ведите; я ему съ ней вмѣстѣ

Передаю окованное счастье

Французовъ. Я сама за вами скоро

Послѣдую. Идите.

ІОАННА.

Къ Ліонелю?

Нѣтъ, лучше умертви меня.

КОРОЛЕВА.

Идите.

(Уходитъ съ частию солдатъ.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Іоанна. Солдаты.

Іоанна

(къ солдатамъ).

Британцы, вы ль потерпите, чтобъ я
Изъ вашихъ рукъ живая вышла? Выньте
Мечи! вонзите ихъ мнѣ въ сердце! бросьте
Къ ногамъ вождя мой трупъ окровавленный!
О, вспомните, что я храбрѣйшихъ вашихъ
Товарищей сразила безпощадно!
Что я лила ручьями кровь Британцевъ!
Что отъ меня столь многіе изъ васъ
Съ отчизною свиданья лишены!
Отмстите мнѣ! убійцу умертвите!
Она у васъ въ рукахъ; вы не всегда
Столь слабою увидите ее.

НАЧАЛЬНИКЪ.

Исполните, что велѣно.

Іоанна.

О, Боже!

Уже ль мнѣ быть несчастною вполнѣ?...
Владычица, иль Ты непримирима?
Иль я совсѣмъ отвержена Тобою?
Не внемлетъ Богъ; не сходитъ Божій ангелъ;
Спятъ чудеса, — и небо затворилось.

(Слѣдуетъ за солдатами.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Французскій лагерь.

ДЮНУА. АРХІЕПИСКОПЪ. ДЮ ШАТЕЛЬ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Спокой твое негодованье, принцъ!
Король насъ ждетъ. Уже ль теперь покинешь
Ты дѣло общее, когда все гибнетъ?
Когда рука могучая въ защиту
Отечеству нужна?

ДЮНУА.

Но что причиной
Сихъ новыхъ бѣдъ? что подняло врага?
Все было рѣшено: побѣда наша;
Врагъ истребленъ; окончена война...
Спасительницу вы изгнали — сами
Теперь спасайтесь; а мнѣ противенъ
Тотъ лагерь, гдѣ ея ужь болѣ нѣтъ.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Не отпускай насъ, принцъ, съ такимъ отвѣтомъ!
Подумай...

ДЮНУА.

Дю Шатель, молчи! Тебя
Я ненавижу; ты мой первый врагъ:
Въ ея душѣ ты первый усомнился.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Но кто жь изъ насъ могъ вѣру сохранить
Въ тотъ страшный день, когда самъ Божій громъ
Противъ нея свидѣтельствовалъ съ неба?
Мы были всѣ поражены. Кто могъ
При ужасѣ такомъ не обезумѣть?

Но заблужденіе прошло; мы видимъ
Ее опять въ той прелести, въ какой
Она являлась намъ, и въ страхъ мыслимъ,
Что тяжкая неправда совершилась.
Король раскаялся; бургундскій герцогъ
Себя винить; въ отчаяньи Ла Гиръ,
И мрачная унылость въ каждомъ сердцѣ.

ДЮНУА.

Она обманщица? О, если бъ съ неба
Святая истина сойти хотѣла —
Ея черты она бы приняла;
И если гдѣ живутъ здѣсь на землѣ
Невинность, вѣрность, правда, чистота —
То на ея устахъ, то въ свѣтломъ взорѣ
Ея жить должно имъ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Лишь чуду свыше

Разсѣять мракъ ужасной этой тайны,
Для ока смертнаго непостижимой.
Но что ни совершися — все мы виновны
Въ одномъ: иль мы въ союзѣ были съ адомъ,
Иль Божію посланницу изгнали;
И вышній гнѣвъ за наше преступленье
Несчастное отечество казнить.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ПАЖЪ. *Потомъ* РАЙМОНДЪ.

ПАЖЪ.

Графъ, молодой пастухъ пришелъ къ вамъ. Онъ

Усильно просить, чтобъ ему вамъ лично
Сказать два слова дали: онъ о дѣвѣ
Извѣстіе принесъ.

ДЮНУА.

Скорѣй ввести
Его сюда!... Извѣстіе о ней!

(Бѣжитъ на встрѣчу къ Раймонду.)

Гдѣ, гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

Благодаренье Богу,
Что съ вами здѣсь святой нашъ архипастырь,
Несчастныхъ другъ, подпора притѣсненныхъ:
Онъ будетъ мой заступникъ.

ДЮНУА.

Гдѣ Іоанна?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Отвѣтствуй намъ, мой сынъ.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ, вѣрьте мнѣ,
Не хитрая волшебница она!
Свидѣтель Богъ и всѣ Его святыя:
Вы и народъ обмануты; невинность
Изгнали вы; посланницу Господню
Отвергнули.

ДЮНУА.

Но гдѣ она? Скажи.

РАЙМОНДЪ.

Я былъ ея проводникомъ. Въ Арденскомъ
Лѣсу скитались мы, и тамъ она
Все исповѣдала передо мною...
Я въ мукахъ умереть готовъ и царства
Небеснаго пускай мнѣ не видать,

Когда она, какъ ангелъ, не безгрѣшна.

ДЮНУА.

Самъ Божій день души ея не чище!

Но гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

О, если вамъ Господь

Къ ней душу обратилъ — то поспѣшите

Ее спасти! — она у Англичанъ

Въ плѣну.

ДЮНУА.

Въ плѣну!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Несчастная!

РАЙМОНДЪ.

Въ Арденахъ,

Гдѣ вмѣстѣ мы пристанища искали,

Попалась намъ на встрѣчу королева.

Она ее велѣла оковать,

И въ непріятельскій послала лагерь.

Погибнуть въ мукахъ ей! О, поспѣшите

Съ защитою къ защитницѣ своей!

ДЮНУА.

Къ оружію! бей сборъ! все войско въ строй!

Вся Франція бѣги за нами въ бой! —

Въ залогъ честь; поругана корона;

Разрушена престола оборона;

Въ рукахъ врага палладіумъ святой!

Все за нее... всей крови нашей мало!

(Обнажаетъ мечъ.)

Спасти ее, во что бы то ни стало!

(Уходитъ.)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ

Башня; на верху ея отверзтіе.

Іоанна. Ліонель. Фастольфъ. Потомъ Королева.

ФАСТОЛЬФЪ

(входя).

Не укротить бунтующій народъ!
Какъ бѣшенный, онъ требуетъ, чтобъ выдалъ
Ты плѣнницу ему на жертву. Силой
Его не одолѣть. Убей ее,
И выбрось къ нимъ ея кровавый трупъ;
Другимъ ничѣмъ не усмирится войско.

КОРОЛЕВА

(входитъ).

Ужъ лѣстницы приставлены къ стѣнѣ;
Хотятъ взять приступомъ нашъ замокъ... Слышишь
Ихъ крикъ? Дождешься ли, чтобъ силой
Они сюда вломились? Мы погибнемъ.
Ея не защитить, — отдай ее.

ЛІОНЕЛЬ.

Пускай бунтуютъ. Мнѣ не страшенъ приступъ;
Мой замокъ крѣпокъ. Я скорѣй въ его
Обломкахъ погребусь, чѣмъ дерзкой волѣ
Бунтовщиковъ поддамся. Отвѣчай,
Іоанна, мнѣ... рѣшился быть моею —
И за тебя я драться съ цѣлымъ свѣтомъ
Готовъ.

КОРОЛЕВА.

Стыдись, британскій вождь!

ЛІОНЕЛЬ.

Твои

Отвергнули тебя. Неблагодарной
Отчизнѣ ты ничѣмъ ужь не должна.
Предатели, спасенные тобою,
Тебя покинули — они не смѣли
За честь твою сразиться; я жь осмѣлюсь
Съ моимъ, съ твоимъ народомъ за тебя
Сразиться... Мнѣ казалось прежде,
Что жизнью моею ты дорожила;
Тогда врагомъ стоялъ я предъ тобою —
А нынѣ я единственный твой другъ.

І О А Н Н А.

Изъ всѣхъ враговъ народа моего
Ты ненавистнѣйшій мнѣ врагъ. Межъ нами
Быть общаго не можетъ; не могу
Тебя любить... Но если ты склоненъ
Ко мнѣ душой, то пусть во благо будетъ
Твоя любовь для нашихъ двухъ народовъ:
Вели твоимъ полкамъ мою отчизну
Немедленно покинуть; возврати
Мнѣ всѣ ключи французскихъ городовъ,
Похищенныхъ войной; отдай всѣхъ плѣнныхъ
Безъ выкупа; вознагради за все,
Что здѣсь раззорено, и дай залогъ
Священной вѣрности — тогда тебѣ
Отъ имени монарха моего
Я предлагаю миръ.

К О Р О Л Е В А.

Ты смѣешь намъ,
Безумная, въ цѣпяхъ давать законы?

І О А Н Н А.

Рѣшишь завременно. Ты долженъ будешь
Рѣшиться. Франціи не одолѣть.

Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть; скорѣй она
Для вашихъ войскъ обширнымъ гробомъ будетъ.
Храбрѣйшіе изъ васъ погибли. Вспомни
О родинѣ; подумай о возвратѣ.
Уже давно пропала ваша слава;
И вашего могущества ужь нѣтъ *).

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Одинъ изъ военачальниковъ *входитъ поспѣшно.*

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Скорѣе, вождь, устрой полки въ сраженъе! —
Французское поколебалось войско;
Они идутъ, знамена распустивъ;
Долина вся оружіемъ сверкаетъ.

ІОАННА.

Идутъ, идутъ! Теперь вооружись,
Британія, теперь отвѣдай силы!
Ударилъ часъ! — увидимъ, чья побѣда!

ФАСТОЛЬФЪ.

Безумная, твоя напрасна радость:
Изъ этихъ стѣнъ живая ты не выйдешь!

ІОАННА.

Пускай умру — народъ мой побѣдитъ.
Для храбрыхъ я ужь болѣе не нужна.

*) Здѣсь пропущена одна строка. Въ подлинникѣ девятый выходъ оканчивается слѣдующими словами Королевы:

Съ безумными рѣчей не стоитъ тратить.

ЛІОНЕЛЬ.

Я презираю ихъ! во всѣхъ сраженьяхъ
Мы съ ними ладили, доколѣ эта
Рука за нихъ не поднялась. Межь ними
Она была достойна уваженья, —
И ту они изгнали. Другъ, пойдѣмъ!
Теперь нашъ часъ: пришла пора напомнить
Имъ страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здѣсь останьтесь. Вамъ
Ввѣряю плѣнницу.

ФАСТОЛЬФЪ.

Какъ? Намъ ее

Покинуть за собой?

ІОАННА.

Стыдися, воинъ!

Ты женщины окованной робѣешь.

ЛІОНЕЛЬ

(Іоаннѣ).

Дай слово мнѣ, что ты искать свободы
Не станешь.

ІОАННА.

Нѣтъ, свободу возвратить
Живѣйшее желаніе мое.

КОРОЛЕВА.

Въ тройную цѣпь ее закуйте. Жизнью
Клянусь вамъ, что она не убѣжитъ.

(На Іоанну налагаютъ цѣпи, которыя окружаютъ и
руки ея и все тѣло.)

ЛІОНЕЛЬ.

Іоанна, ты сама того хотѣла.
Еще не поздно! Будь за насъ и знамя
Британское возьми — и ты свободна;

И тѣ враги, которые такъ крови
Твоей хотятъ, твою признають волю.

ФАСТОЛЬФЪ.

Пойдемъ, пойдемъ!

ІОАННА.

Не трать напрасно словъ.

Они идутъ. Спѣши обороняться.

(Трубы. Ліонель уходитъ.)

ФАСТОЛЬФЪ.

Вы знаете, что дѣлать, королева,
Когда не къ намъ наклонится фортуна,
Когда не мы побѣду...

КОРОЛЕВА

(вынимая кинжалъ).

Будь спокоенъ!

Я ей не дамъ торжествовать.

ФАСТОЛЬФЪ

(Іоаннъ).

Теперь

Ты знаешь жребій свой. Молися жъ небу,
Чтобъ твой народъ оно благословило.

(Уходитъ.)

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ІОАННА. КОРОЛЕВА. СОЛДАТЫ.

ІОАННА.

Я буду за него молиться. Кто
Языкъ мой окуетъ? Но что я слышу?
Военный маршъ народа моего.
Какъ мужественно онъ гремитъ мнѣ въ душу!
Побѣда Франціи! Британцамъ гибель!

Впередъ, мои безстрашные, впередъ!
Іюанна близко; знамя передъ вами
Она нести не можетъ, какъ бывало....
Она въ цѣпяхъ, но духъ ея свободно
Стремится въ бой за вашей бранной пѣснью.

КОРОЛЕВА

(одному изъ солдатъ).

Взойди на башню. Съ ней все поле видно.
Разсказывай, что тамъ случится...

(Солдатъ всходитъ на башню.)

ІЮАННА.

Дружно!

Мужайся, мой народъ! — то бой послѣдній.
Еще побѣда — и врага не стало!

КОРОЛЕВА.

Что видишь тамъ?

СОЛДАТЪ.

Сошлись. Вотъ кто-то скачетъ,
Какъ бѣшеный, на ворономъ конѣ,
Покрытый тигромъ... вслѣдъ за нимъ жандармы.

ІЮАННА.

Графъ Дюнуа! впередъ, мой бодрый витязь!
Побѣда тамъ, гдѣ ты.

СОЛДАТЪ.

Бургундскій герцогъ
Ударилъ на мостъ.

КОРОЛЕВА.

Смерть тебѣ, предатель!

СОЛДАТЪ.

Ему Фастольфъ дорогу заступилъ...
Сошли съ коней — дерутся, грудь на грудь...
Бургундцы съ нашими перемѣшались.

КОРОЛЕВА.

Узналъ ли ты дофина? Не видать ли
Тамъ королевскихъ знаковъ?

СОЛДАТЪ.

Все въ пыли
Смѣшалось; ничего не различишь.

ІОАННА.

Когда бъ мой взоръ имѣлъ онъ, иль на башнѣ
Стояла я — ничто бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей; и вдаль
Отъ ворона орла бъ я отличила.

СОЛДАТЪ.

Теперь во рву ужасная тревога...
Тутъ всѣ вожди...

КОРОЛЕВА.

А наше знамя?

СОЛДАТЪ.

Вѣтъ.

ІОАННА.

О, если бъ я хотя въ проломъ стѣны
Смотрѣть на нихъ могла! — тогда бъ и взоръ мой
Сраженіемъ повелѣвалъ! *)

*) Здѣсь пропущено нѣсколько строкъ. Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

СОЛДАТЪ.

О, горе!

Что вижу я! — нашъ вождь стѣсненъ отсюда?

КОРОЛЕВА

(замахивается кинжаломъ на Іоанну).

Умри, несчастная!

СОЛДАТЪ

(торопливо).

Освободили!...

СОЛДАТЪ.

Бѣгутъ!

Бѣгутъ! — побѣда!

КОРОЛЕВА.

Кто бѣжитъ?

СОЛДАТЪ.

Французы,

Бургундцы... Поле все покрылось ими.

ІОАННА.

О, Боже! до того ль меня покинешь?

СОЛДАТЪ.

Какой то раненый упалъ... На помощь

Бѣгутъ толпы... То вѣрно вождь...

КОРОЛЕВА.

Французъ,

Иль нашъ?

СОЛДАТЪ.

Снимаютъ шлемъ: графъ Дюнуа.

ІОАННА

(въ отчаяніи порывается изъ цѣпей).

А я въ цѣпяхъ!

СОЛДАТЪ.

Вотъ кто-то въ голубой
Богатой мантии съ шитьемъ и съ бѣлымъ
Перомъ на шлемѣ... онъ несется прямо
На нашихъ.

Фастольфъ на нихъ съ затылку налетѣлъ:

Онъ мнетъ враговъ, онъ врѣзался въ ихъ гущу?

КОРОЛЕВА

(прячетъ кинжалъ).

Есть ангелы-хранители!

ІОАННА

(съ живостію).

То король, мой государь!

СОЛДАТЪ.

Конь испугался — прынулъ — и упалъ...

Онъ бьется подъ конемъ... онъ въ стремяхъ

Запутался... къ нему помчались наши...

Ужъ близко — вотъ они... онъ окружень...

(Іоанна сопровождаетъ каждое слово его отчаяннымъ движеніемъ.)

ІОАННА.

Иль ангеловъ на небесахъ не стало?

КОРОЛЕВА

(съ ругательнымъ смѣхомъ).

Теперь пора!... Защитница, спасай!

ІОАННА

(бросившись на колѣна).

Господь, Господь! въ бѣдѣ моей жестокой,

На небеса твои, съ надеждой, съ вѣрой,

Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу посылаю!

Всесилень Ты! — тончайшей паутинѣ

Тебѣ легко дать крѣпость твердой стали;

Всесилень Ты! — тройнымъ желѣзнымъ узамъ

Тебѣ легко дать брѣнность паутины;

Ты повелишь и цѣпь сія падеть,

И сей тюрьмы разступится стѣна!

Ты дивный Богъ, съ Тобой слѣпецъ Самсонъ

И въ слабости могущество низринулъ;

Тебя призвавъ, онъ столбъ переломилъ —

И на врага упали своды храма..

СОЛДАТЪ.

Побѣда!

КОРОЛЕВА.

Что?

СОЛДАТЪ.

Король взятъ въ плѣнъ.

ІОАННА

(вскочивъ).

Нѣтъ! съ нами

Богъ!

(Она схватила обѣими руками свои цѣпи и разомъ перервала ихъ; потомъ бросилась на близь-стоявшаго воина, вырвала изъ рукъ его мечъ — и убѣжала. Всѣ остались неподвижны отъ изумленія и ужаса.)

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Презніе, кромѣ Іоанны.

КОРОЛЕВА

(послѣ долгаго молчанія).

Что это? Во снѣ ль я? гдѣ она?

И эту цѣпь она перервала!

Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю.

СОЛДАТЪ

(съ башни).

Она на крыльяхъ... вихремъ мчится.

КОРОЛЕВА.

Гдѣ

Она?

СОЛДАТЪ.

Ударила въ средину битвы.

Мой взоръ за ней не поспѣваетъ — вдругъ

И тамъ и тутъ и въ тысячѣ мѣстахъ

Является она: тамъ раздвоить

Толпу, тамъ сломить строй — все передъ ней
Бѣжить и падаетъ. Французы стали,
Опять построились... О, горе! наши
Разсыпались... оружіе бросаютъ...
Знамена пали...

КОРОЛЕВА.

Какъ? Уже ль она
Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

СОЛДАТЪ.

Она пробилась къ королю — и сильной
Рукою вырвала его изъ битвы.
Къ ней бросился Фастольфъ .. онъ опрокинуть...
Вождь окружень — его схватили.

КОРОЛЕВА.

Стой!

Ни слова болѣе, сойди!

СОЛДАТЪ.

Бѣгите!

Спасайтесь! Они хотятъ ударить
На замокъ нашъ.

(Сходитъ съ башни.)

КОРОЛЕВА

(вынимая мечъ).

Обороняйтесь! стойте!

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛА ГИРЬ вбѣгаетъ съ солдатами. Солдаты
КОРОЛЕВЫ бросаютъ оружіе.

ЛА ГИРЬ

(почтительно входя къ ней).

Поддайтесь побѣдѣ, королева!

Всѣ ваши рыцари въ плѣну, безъ нужды
Не должно крови лить. Мои услуги
Я предлагаю вамъ... Куда велите
Васъ проводить?

КОРОЛЕВА.

Туда, гдѣ нѣтъ дофина.

Мнѣ все равно, лишь бы его не встрѣтить.

(Отдаетъ мечъ и слѣдуетъ за Ла Гиромъ.)

ПОЛЕ СРАЖЕНІЯ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Назади сцены СОЛДАТЫ съ распущенными знаменами. Впереди КОРОЛЬ и ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ. На рукахъ у нихъ лежитъ ІОАННА, смертельно раненая и неподвижная. Они тихо двигаются впередъ АГНЕСА СОРЕЛЬ вбѣгаетъ.

АГНЕСА

(бросаясь къ королю).

Ты живъ, освобожденъ! ты снова мой!

КОРОЛЬ.

Освобожденъ... но вотъ цѣна свободы!

Смотри!

(Указываетъ на Іоанну.)

АГНЕСА.

Іоанна! Боже! умираетъ.

ГЕРЦОГЪ.

Скончалась! Улетѣлъ нашъ ангелъ. Тихо,

Безгорестно, какъ спящее дитя,

Она лежитъ — и райскій миръ играетъ

Кругомъ ея лица. Уже дыханье
Не подымаетъ груди ей: но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

К О Р О Л Ъ.

Ея ужъ нѣтъ! она ужъ не проснется!
Ея глаза померкли для земнаго;
И съ высоты преображенный ангелъ
Не зрять ни слезъ, ни угрызений нашихъ.

А Г Н Е С А.

Она жива! она глаза открыла!

Г Е Р Ц О Г Ъ.

(пораженный).

Иль хочешь къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?... Она встаетъ.

І О А Н Н А

(осматриваясь).

Гдѣ я?

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Съ твоимъ народомъ; посреди
Твоихъ, Іоанна.

К О Р О Л Ъ.

Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой король.

І О А Н Н А

(долго смотрѣвъ неподвижными глазами).

Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденьи!—

Я не волшебница.

К О Р О Л Ъ.

Ты ангелъ чистый!

Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затмѣньи.

І О А Н Н А

(осматриваясь съ веселой улыбкою).

И такъ опять съ народомъ я моимъ;

И не отвержена; и не въ презрѣнны;
И не клянуть меня; и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю:
Вотъ мой король... вотъ Франціи знамена...
Но моего не вижу... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу:
Его мой Богъ, Владыка мой мнѣ ввѣрилъ;
Его должна передъ Господній тронъ
Я положить. Теперь съ нимъ показаться
Я смѣю: я ему не измѣнила.

КОРОЛЬ

(отвративъ глаза).

Подайте знамя! — вотъ оно — возьми!

(Она беретъ его, подымается и стоитъ, никѣмъ не будучи поддерживаема. Небо сіяетъ яркимъ блескомъ.)

ІОАННА.

Смотрите, радуга на небесахъ;
Растворены врата ихъ золотыя;
Средь ангеловъ — на персяхъ вѣчный Сынъ —
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она,
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мною?... Мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой...
Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...
Туда... туда... земля ушла изъ глазъ;
Минута — скорбь, блаженство — бесконечно.

(Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она мертвая на него опускается. Всѣ стоятъ въ горестномъ молчаніи. Король подаетъ знакъ, и тихо склоняютъ на нее всѣ знамена, такъ, что она совершенно ими закрыта.)

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

МЪЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ

ПЕРЕВОДЪ М. Л. МИХАЙЛОВА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Президентъ фонъ Вальтеръ, при дворѣ германскаго владѣтельнаго герцога.

Фердинандъ, сынъ его, маіоръ.

Гофмаршалъ фонъ Кальеъ.

Леди Мильфордъ, фаворитка герцога.

Вурмъ, домашній секретарь президента.

Миллеръ, музыкантъ.

Его Жена.

Луиза, его дочь.

Софи, камеристка леди.

Камердинеръ герцога.

Разныя побочныя лица.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Комната у Музыканта.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Миллеръ встаетъ со стула и отставляетъ въ сторону свой виолончель. Г-жа Миллеръ сидитъ у стола, въ утреннемъ костюмѣ, и пьетъ кофе.

Миллеръ (*быстро ходя назадъ и впередъ*).
Говорю тебѣ разъ навсегда! Дѣло завязывается не на шутку. Про дочь мою съ барономъ пойдетъ дурная слава. Нашему дому позоръ. Президентъ пронюхаетъ, и... однимъ словомъ, я выдамъ этого молодца.

Жена. Ты не заманивалъ его къ себѣ въ домъ — не навязывалъ ему своей дочери.

Миллеръ. Не заманивалъ къ себѣ въ домъ! не навязывалъ ему дѣвки! Станутъ объ этомъ справляться!... Развѣ я не господинъ у себя въ домѣ? Мнѣ бы слѣдовало лучше беречь свою дочь. Мнѣ бы слѣдовало хорошенько отдѣлать маіора — или тотчасъ же донести обо всемъ его превосходительству,

*

господину папенькѣ. Молодому барону все какъ съ гуся вода; дѣло извѣстное! и всѣ бѣды обрушатся на голову скрипача.

ЖЕНА (*допиваетъ чашку*). Вздоръ! пустяки! что тебѣ сдѣлають? Кто тебя можетъ въ чемъ обвинить? ты дѣлаешь свое дѣло и подбираешь учениковъ, гдѣ можешь.

МИЛЛЕРЪ. Но ты мнѣ одно скажи — что изъ всего этого выйдетъ? — Не жениться же ему на дѣвкѣ... объ этомъ не можетъ и рѣчи быть... а чтобы онъ взялъ ее себѣ въ... Господи, прости мое согрѣшеніе!... Нѣтъ, здорово живешь — Охъ ужъ эти мусье *фоны*! Гдѣ-гдѣ, я думаю, не терся, какихъ, поди, шашень не заводилъ — и самъ чортъ не разберетъ! Разумѣется, у этакого сластены потекутъ слюнки на лакомый кусочекъ. Смотри ты у меня! берегись! Будь у тебя въ каждой стѣнной щели глазъ, стой ты часовымъ надъ каждой кровинкой, и тутъ онъ вскружить ей голову, у тебя подъ носомъ, а потомъ наставить и ей самой носъ да и поминай его какъ звали... А дѣвкѣ на всю жизнь позоръ: сиди, голубушка, а коль по нраву пришлось ремесло, продолжай! (*Ударяетъ себя кулакомъ по лбу.*) Боже милостивый!

ЖЕНА. Сохрани насъ Господи!

МИЛЛЕРЪ. Надо самимъ-то не плошать! На что больше рассчитывать этакому вѣтрогону? Дѣвушка красавица — стройная — ловкая. Что живетъ не въ хоромахъ — не бѣда. Съ вами, бабами, на это сквозь пальцы смотреть; даль бы только Богъ мѣстечко раг тегге... Только бы моему хвату эту статью обработать, а тамъ... Э! все пойдетъ какъ по маслу... вотъ

какъ у нашего Роднея, когда онъ носомъ Француза почуветь — тутъ ему и море по колѣни. Я его и не виню. Человѣкъ бо есть. Какъ этого не знать?

Женa. Прочитай бы ты только, какія чудесныя записочки пишетъ баронъ твоей дочери. Боже мой! да изъ нихъ какъ бѣлый день ясно, какъ ему ея душенька дорога!

Миллеръ. Такъ и есть! Кошку бьютъ, а не вѣсткѣ намѣтки даютъ. Эхъ ты! Кому охота до тѣла добратся, стоитъ только на переговоры доброе сердце послать. Какъ я-то самъ дѣйствовалъ?... Только бы того добиться, чтобы сердца-то поладили; а тамъ живо! по ихъ примѣру и тѣло съ тѣломъ поладить. Челядь беретъ примѣръ съ господъ; глядишь, серебряный-то мѣсяцъ окажется подъ конецъ просто сводникомъ.

Женa. Посмотри, какія книги отличныя присылаетъ баронъ! Луиза по нимъ все и молится.

Миллеръ (свиститъ). Какже! Молится! Держи карманъ! Алые здоровые соки природы еще слишкомъ тяжелы для нѣжнаго макароннаго желудка его милости; ему надо отдать ихъ сначала искусственно подварить въ адской, ядовитой кухнѣ беллетристовъ. Въ печку эту дрянъ! Дѣвка наберется изъ нихъ Богъ знаетъ какихъ заоблачныхъ фантазій; кровь заходитъ какъ отъ шпанскихъ мушекъ; прощай тогда и малая толика религiи, что кой-какъ съ великимъ трудомъ поддерживалъ въ ней отецъ. Въ печку, говорю! Дѣвка набьетъ себѣ всякой дьявольщины въ голову; нагулявшись въ этомъ небываломъ царствѣ, подъ конецъ и дороги домой не найдетъ, забудетъ, станетъ стыдиться, что

отецъ ея — скрипачъ Миллеръ, и кончить тѣмъ, что не будетъ у меня хорошаго честнаго зятя, который могъ бы мнѣ быть такимъ усерднымъ помощникомъ... Нѣтъ! Чортъ меня побери! (*Вскакиваетъ, съ сердцемъ.*) Сейчасъ же за дѣло! и маіору... да, я покажу маіору, гдѣ Богъ, а гдѣ порогъ. (*Хочетъ идти.*)

ЖЕНА. Будь же благоразуменъ, Миллеръ! Сколько получили мы одними подарками...

МИЛЛЕРЪ (*возвращается и останавливается передъ нею*). Цѣной крови дочерней?... Убирайся ты къ чорту, гнусная сводня!... Да скорѣе пойду я по міру со своею скрипкой — и стану давать свои концерты за чашку похлебки... скорѣе разобью свой віолончель, и стану навозъ возить, чѣмъ притронусь къ деньгамъ, за которыя единственное дитя мое продасть свою душу и вѣчное блаженство. — Брось свой проклятый кофей да перестань табакъ нюхать, такъ и не для чего будетъ тебѣ водить дочь на рынокъ — лицомъ продавать. Я и сытъ былъ, и всегда была у меня хорошая рубашка на тѣлѣ, прежде, чѣмъ затесался ко мнѣ въ домъ этотъ чудодѣйный франтъ.

ЖЕНА. Вдругъ-то пыли не подымай! Такъ вотъ весь и загорѣлся! Я одно говорю — не слѣдуетъ намъ пренебрегать маіоромъ: вѣдь онъ президентскій сынъ.

МИЛЛЕРЪ. Вотъ въ чемъ штука-то! Да по-этому, именно по-этому-то и надо сегодня же положить всему конецъ! Президентъ еще поблагодаритъ меня, если онъ честный отецъ. Почисть-ка мнѣ мой красный плисовой кафтанъ; отправлюсь къ его превосходительству. Я его превосходительству скажу:

«вашего превосходительства сынку приглянулась моя дочь; въ жены она ему не годится, а въ наложницы — слишкомъ дорога!» И баста!... Недаромъ меня зовутъ Миллеромъ.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. СЕКРЕТАРЬ ВУРМЪ.

ЖЕНА. А! съ добрымъ утромъ, господинъ Вурмъ! Наконецъ-то вы опять доставляете намъ удовольствіе...

ВУРМЪ. Полноте, полноте, кумушка! При милостяхъ высокаго дворянства, что ужъ за удовольствіе отъ насъ, мѣщанъ?

ЖЕНА. Ужъ чего вы не скажете! Господинъ маіоръ фонъ Вальтеръ точно утѣшаютъ насъ отъ времени до времени своей высокой милостью; но изъ-за этого мы никѣмъ не пренебрегаемъ.

МИЛЛЕРЪ (*съ досадой*). Дай кресло, жена! Кладите вашу шляпу, господинъ Вурмъ.

ВУРМЪ (*кладетъ шляпу и палку, и садится*). Ну-съ, а какъ здоровье моей будущей — или бывшей?... Я надѣюсь... вѣдь я увижу ее — мамзель Луизу?

ЖЕНА. Благодаримъ за память, господинъ Вурмъ! Дочь у меня вовсе не спѣсива.

МИЛЛЕРЪ (*сердито толкаетъ ее въ бокъ*). Жена!

ЖЕНА. Жаль, что она не можетъ имѣть честь видѣться съ вами. Она у обѣдни.

В у р м ь. Пріятно слышать! пріятно слышать!
У меня будетъ, значить, богомольная, богобоязнен-
ная жена!

Ж е н а (*улыбаясь съ глупой спльсью*). Да...
только...

М и л л е р ь (*замѣтно смутясь, дергаетъ ее
за ухо*). Жена!

Ж е н а. Если мы можемъ служить вамъ чѣмъ
другимъ, господинъ Вурмъ... съ полнымъ нашимъ
удовольствіемъ...

В у р м ь (*лукаво щурясь*). Чѣмъ другимъ?
Душевно васъ благодарю! душевно! — Гм! гм!

Ж е н а. Разумѣется — вы, господинъ Вурмъ,
и сами разсудите...

М и л л е р ь (*внѣ себя отъ досады, толкаетъ
жену сзади*). Жена!

Ж е н а. Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ
гдѣ лучше. Не отнимать же намъ счастья у един-
ственного своего дѣтища? (*Съ мужицкой гор-
достью*.) Вы сами вѣрно замѣчаете, господинъ
Вурмъ...

В у р м ь (*тревожно двигается на креслѣ,
почесываетъ за ухомъ и поправляетъ себѣ ман-
жеты и жабо*). Замѣчаю? То-есть.. Да... что
вы хотите сказать?

Ж е н а. Я... я хотѣла только... я говорю...
(*Откашливается*.) Такъ-какъ Господу-Богу угодно,
чтобы дочь моя была знатной бароншей...

В у р м ь (*вскакиваетъ*). Что вы такое гово-
рите? что такое?

М и л л е р ь. Сидите! Сидите, господинъ Вурмъ!

не слушайте глупой бабы! Выдумала какую-то знатную бароншу! Этакая болтовня ослиная!

Женa. Ругайся, сколько тебѣ угодно; а я знаю, что знаю... и что сказалъ господинъ маіоръ — то сказалъ...

Миллеръ (*внѣ себя отъ гнѣва, кидается къ віолончелю*). Да зажмешь ли ты ротъ? Или тебѣ хочется, чтобы я тебѣ голову расшибъ віолончелемъ?... Что такое ты знаешь?... что могъ онъ тебѣ сказать?... Не слушайте вы этой пустомели, господинъ Вурмъ! — Маршъ на кухню!... Надѣюсь, вы не считаете меня такимъ олухомъ царя небеснаго, чтобы у меня были этакіе виды на дѣвку? Надѣюсь, не подумаете этого обо мнѣ, господинъ Вурмъ?

Вурмъ. Да я, кажется, этого и не заслужилъ, господинъ музыкантъ. Вы видѣли, я постоянно держался своего слова, и мои планы на вашу дочь все равно что обязательство на бумагѣ. Съ моей должностью при порядкѣ можно жить; президентъ ко мнѣ благоволитъ; вздумай я мѣста повыше — въ протекціи не будетъ недостатка. Вы видите, у меня серіозныя намѣренія относительно мамзель Луизы; развѣ только какой-нибудь вертопрашный дворянчикъ...

Женa. Господинъ Вурмъ! нельзя ли поуважительнѣе...

Миллеръ. Сказано тебѣ, молчать!... Не слушайте, господинъ Вурмъ! Все остается по старому... Что я говорилъ вамъ прошлой осенью, то и теперь говорю. Я дочери своей не принуждаю. По сердцу вы ей — прекрасно; пусть постарается быть съ вами счастлива. Не согласна — тѣмъ лучше... ея дѣло, хотѣлъ я сказать... Вы откланяетесь и разопьете бутылочку

съ отцомъ. — Ей съ вами жить — не мнѣ. Не стану же я изъ одного упрямства навязывать ей мужа, который ей не по праву?... Да мнѣ, на старости лѣтъ, покоя не будетъ отъ нечистой силы... Да я стакана вина не выпью — ложки супу не проглочу, чтобы не подумать: «Загубилъ ты, злодѣй, свое дѣтище.»

Жена. А я коротко и ясно вамъ скажу—я своего согласія рѣшительно не дамъ; моя дочь на кое-что повыше рождена, и я всѣ суды обѣгаю, если мужъ мой дастъ себя уговорить.

Миллеръ. Хочешь ты, чтобы я тебѣ руки и ноги обломалъ, чортова перечница?

Вурмъ (*Миллеру*). Отцовскій совѣтъ для дочери много значить, а меня вы, надѣюсь, знаете, господинъ Миллеръ?

Миллеръ. Чортъ бы тебя побралъ! — Надо, чтобъ Луиза-то васъ знала. То, что я, старый воробей, вижу въ васъ — вовсе не приманка для молодой лакомой дѣвки. Я вамъ по пальцамъ разберу, годитесь ли вы въ оркестръ... ну, а женское сердце подчасъ и капельмейстера забракуетъ. Да ужъ надо вамъ и то сказать, господинъ Вурмъ—я вѣдь прямой и простой человѣкъ — пожалуй, что за мой совѣтъ вы не очень-то были бы мнѣ благодарны. Я дочери ни за кого не прочу; но выходить за васъ, господинъ Вурмъ, сталъ бы отсовѣтывать! Дайте мнѣ досказать. Влюбленному, который призываетъ отца на помощь, я—съ позволенія вашего — не вѣрю ни на мѣдный грошъ. Если онъ чего-нибудь стоитъ, навѣрное постыдится представлять свои таланты возлюбленной своей такимъ старомоднымъ путемъ...

Если же у него смѣлости не хватаетъ, онъ просто трусъ, а Луизы на свѣтѣ живутъ не для трусовъ... Да! за спиной отца слѣдуетъ ему справить свое сватовство. Надо, чтобы дѣвка скорѣе отца и мать къ чорту послала, чѣмъ съ нимъ разсталась—или чтобы сама пришла, бросилась отцу въ ноги и стала Христомъ - Богомъ, молить или схоронить ее въ мать сырую землю, или дать ей милаго дружка. — Вотъ это по моему молодецъ! вотъ это любовь! А кто съ женскимъ поломъ до этого не добьется, тотъ—садись на перышко верхомъ да отваливай!

Вурмъ (*схватываетъ шляпу и шпагу, и бѣжитъ изъ комнаты*). Покорно васъ благодарю, господинъ Миллеръ!

Миллеръ (*тихо идя вслѣдъ за нимъ*). Да за что же? за что? Мы васъ ничѣмъ и не попотчивали, господинъ Вурмъ! (*Возвращаясь.*) Ничего не слушаетъ и бѣжитъ... Рожа этой чернильной лисы для меня хуже всякаго рвотнаго. Этакая противная, непозволительная тварь; кажется, будто онъ и на Божій-то свѣтъ контрабандой попалъ. Узенькіе лукавые мышиные глазки — огненные волосы — подбородокъ выщелкнулся, словно природа со злости на неудачное свое издѣліе, схватила его за это мѣсто и швырнула куда-нибудь въ уголь... Нѣтъ! чѣмъ отдать мнѣ свою дочь за такого мерзавца, пусть лучше она... Господи! прости мое согрѣшеніе!

Жена (*плюнувъ, злобно*). У! собака!... Погоди! замажутъ тебѣ ротъ-то!

Миллеръ. И ты-то тутъ со своимъ треклятымъ барономъ! Тоже совсѣмъ меня давеча взбѣсила. — Никогда ты такой душой не бываешь, какъ

когда тебѣ во что бы то ни стало надо быть поумнѣе. Ну, съ чего принялась давеча трещать про знатную бароншу да про дочь? Нашла, кому говорить! Только стоитъ ему что на носу зарубить, такъ на другой день ужъ на рынкѣ станутъ трезвонить. Эти мусьяки только и знаютъ, что ходить со двора на дворъ да нюхать, да толковать, что у кого въ погребѣ, да какой поваръ, и сорвисъ только у кого съ языка глупое слово — трам-тара-рамъ! ужъ его знаютъ и герцогъ и фаворитка и президентъ, и того и гляди что разразитъ тебя громъ и молнія.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. *Входитъ Луиза Миллеръ, съ книгой въ рукѣ.*

Луиза (*кладетъ книгу, подходитъ къ Миллеру и жметъ ему руку*). Здравствуйте, батюшка!

Миллеръ (*ласково*). Молодецъ моя Луиза! Пріятно видѣть, что ты такъ усердно помнишь Господа твоего Бога. Будь всегда такова, и его десница сохранить тебя.

Луиза. Ахъ, я великая грѣшница, батюшка!— Былъ онъ, матушка?

Жена. Кто, дитяtko?

Луиза. Ахъ! я и забыла, что есть на свѣтѣ и кромѣ его люди... у меня въ головѣ такъ пусто... Не былъ онъ? Вальтеръ?

Миллеръ (*грустно и серьезно*). Я думалъ, что моя Луиза оставила въ церкви это имя.

Луиза (*пристально смотритъ на него нѣсколько времени*). Я понимаю васъ, батюшка — чувствую ножъ, что вы вонзаете въ мою совѣсть; но ужь поздно. — Нѣтъ во мнѣ прежняго благочестія, батюшка... Небо и Фердинандъ рвутъ другъ у друга мою истерзанную душу — и я боюсь — боюсь... (*Помолчавъ.*) Нѣтъ, нѣтъ, батюшка! — Развѣ не лучшая хвала художнику, если мы забываемъ его, глядя на его твореніе... Развѣ не должно быть пріятно Богу, что я меньше помню его, любясь и радуясь лучшему его созданію?

Миллеръ (*въ досадѣ опускается на стулъ*). Вотъ они! вотъ плоды этихъ безбожныхъ книгъ!

Луиза (*подходитъ съ безпокойствомъ къ окну*). Гдѣ-то онъ теперь? Знатныя дѣвицы видятъ его — слышатъ... а я жалкая, позабытая дѣвушка. (*Пугается своихъ словъ и кидается къ отцу*). Нѣтъ! нѣтъ! простите мнѣ. Я не плачусь на свою судьбу. Я хочу только немного думать о немъ... вѣдь это ничего не стоитъ. Эту малую долю жизни — о! еслибъ можно выдохнуть ее нѣжнымъ, ласковымъ вѣтеркомъ, который освѣжалъ бы его лицо!... О! если бъ этотъ цвѣтъ молодости былъ простой фіалкой, и онъ бы могъ наступить на него, и я могла бы смиренно умереть подъ его ногой! Мнѣ бы и этого было довольно, батюшка. — Развѣ солнце, гордое, величественное солнце наказываетъ жалкую мошку за то, что она грѣется въ его лучахъ?

Миллеръ (*растроганный, склоняется на*

ручку стула и закрываетъ лицо руками).
Слушай, Луиза... Все, что остается мнѣ еще прожить на бѣломъ свѣтѣ, отдалъ бы я, чтобы только тебѣ никогда не встрѣчаться съ маіоромъ.

Луиза (*въ испугъ*). Что вы говорите? что такое?... Нѣтъ, вы не то хотѣли сказать, добрый батюшка. Будто вы не знаете, что Фердинандъ—мой, созданъ для меня, данъ мнѣ на радость отцомъ любви. (*Стоитъ въ задумчивости*). Когда я увидала его въ первый разъ — (*съ бѣльшею живостью*) и кровь бросилась мнѣ въ лицо, и отраднѣе забилося сердце — каждое бѣеніе говорило мнѣ, каждое дыханіе шептало: «это онъ!»... и сердце мое узнало его, вѣчно желаннаго, и подтвердило: «да, это онъ!»... И весь міръ радовался со мною и звучалъ для меня этими словами! Тогда — о! тогда вошло для души моей первое утро. Тысячи новыхъ чувствъ распустились въ моемъ сердцѣ, какъ цвѣты въ полѣ, когда наступаетъ весна. Я не видѣла міра передъ собой, а все-таки, мнѣ кажется, никогда не былъ міръ такъ прекрасенъ. Я не думала о Богѣ, а между-тѣмъ никогда такъ не любила его.

Миллеръ (*быстро подходитъ къ ней и прижимаетъ ее къ своей груди*). Луиза! дорогое—милое дитя мое!... Возьми мою старую дряхлую голову — возьми все — все!... Маіора — Богъ мнѣ свидѣтель — я не могу тебѣ дать. (*Уходитъ.*)

Луиза. Да вѣдь я и не хочу его теперь, батюшка! Эта скудная росинка времени... одинъ сонъ о Фердинандѣ страстно поглотить ее. Я отказываюсь отъ него въ этой жизни. А тогда, ма-

тушка, тогда, когда рухнутъ грани различій — когда съ насъ слетитъ ненавистная шелуха состояній — когда люди будутъ только людьми... я не принесу съ собою ничего, кромѣ своей невинности; но вѣдь батюшка неразъ говорилъ, что когда прійдетъ Господь, уборы и пышныя титла подешевѣютъ, а сердца поднимутся въ цѣнѣ. Я буду тогда богата. Слезы зачтутся тамъ за тріумфы, а чистыя мысли — за предковъ! Тамъ буду я знатна, матушка!... Чѣмъ же будетъ онъ тогда лучше своей милой?

ЖЕНА (*вскакиваетъ*). Луиза! Маіоръ! Онъ перескочилъ черезъ плетень! Гдѣ мнѣ спрятаться?

ЛУИЗА (*начинаетъ дрожать*). Оставайтесь, матушка!

ЖЕНА. Боже мой! на что я похожа? просто срамъ! Какъ мнѣ показаться такъ его милости? (*Уходитъ.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛУИЗА. **ФЕРДИНАНДЪ** **ФОНЪ** **ВАЛЬТЕРЪ** быстро подходитъ къ ней. Она блѣднѣетъ и въ изнеможеніи опускается на стулъ. Онъ останавливается передъ нею. Нѣсколько времени смотрятъ они другъ на друга. Молчаніе.

ФЕРДИНАНДЪ. Ты блѣдна, Луиза?

ЛУИЗА (*встаетъ и обвиваетъ его руками*). Ничего — ничего. Вѣдь ты со мной. Все прошло!

ФЕРДИНАНДЪ (*беретъ ея руку и подноситъ къ губамъ*). И Луиза моя все меня любитъ? У меня то же сердце, что вчера; а у тебя?... Я

прибѣжалъ только взглянуть, весела ли ты, и потомъ идти и быть тоже веселымъ... Ты невесела!

Луиза. Весела, весела, мой милый!

Фердинандъ. Скажи мнѣ правду! Ты невесела! Для меня душа твоя такъ же ясна, какъ чистая вода этого брильянта. (*Показываетъ на свой перстень.*) Тутъ не можетъ появиться даже точки, чтобы я ее не замѣтилъ... ни одна мысль на этомъ лицѣ не ускользнетъ отъ меня! Что съ тобой? Скажи скорѣе! Только бы это зеркало не омрачалось — тогда нѣтъ для меня тучки въ небѣ! Отчего ты печальна?

Луиза (*смотритъ на него нѣсколько времени серьезно и задумчиво, потомъ съ грустью*). Фердинандъ! если бъ ты зналъ, какъ лестны мѣщанской дѣвушкѣ такія слова...

Фердинандъ. Что? (*Съ удивленіемъ.*) Послушай, Луиза! откуда у тебя такія мысли?... Ты—моя Луиза! Кто жъ говоритъ тебѣ, чтобы ты была еще чѣмъ-нибудь? Такъ вотъ какъ холодно встрѣчаешь ты меня, обманщица! Будь ты полна любви ко мнѣ, у тебя не было бы времени дѣлать такія сравненія. Когда я съ тобой, весь разсудокъ мой тонетъ въ твоемъ взглядѣ; когда я одинъ — въ мечтахъ о тебѣ; а у тебя любовь уживается съ разсужденіемъ... Стыдись! Каждую минуту, что ты предаешься этой тревогѣ, отнимаешь ты у своего милаго.

Луиза (*беретъ его за руку и качаетъ головой*). Ты хочешь усыпить меня, Фердинандъ... хочешь отвлечь мой взглядъ отъ этой пропасти, въ которую мнѣ придется неминуемо пасть. Я гляжу

въ будущее... Голосъ славы — твои планы — твой отецъ — мое ничтожество... (*Пугаясь своихъ словъ, выпускаетъ его руку.*) Фердинандъ! Мечъ виситъ насъ тобой и надо мной! Насъ разлучать!

Фердинандъ. Разлучать? (*Вскакиваетъ.*) Откуда у тебя такія предчувствія, Луиза? Разлучать?... Кто можетъ разорвать союзъ двухъ сердець? разъединить тоны одного аккорда? Я дворянинъ... Пусть мнѣ докажутъ, что мой дворянскій дипломъ старше проекта безконечной вселенной; или что мой гербъ важнѣе писменъ неба въ глазахъ моей Луизы: «Эта женщина создана для этого чело-вѣка!» — Я сынъ президента. Тѣмъ больше. Что, кромѣ любви, можетъ усладить проклятія, которыя навлечетъ на меня разореніе страны моимъ отцомъ?

Луиза. О! какъ я боюсь его — этого отца!

Фердинандъ. Я ничего не боюсь — ничего — кромѣ предѣловъ твоей любви. Пусть го-рами встанутъ между нами препятствія — они бу-дутъ мнѣ ступенями, по которымъ я побѣгу въ объ-ятія Луизы! Грозы враждебной судьбы раздуютъ мои чувства; *опасности* лишь придадутъ больше прелести моей Луизѣ. — Не говори же ничего о боязни, моя милая! Я самъ — самъ буду сто-рожить тебя, какъ волшебный драконъ сторожить подземный кладъ... Довѣрься мнѣ! тебѣ не нужно иного генія-хранителя... Я стану между тобой и рокомъ — приму за тебя каждую рану — сберегу для тебя каждую каплю изъ кубка радости — при-несу ихъ тебѣ въ чашѣ любви! (*Нужно обни-маетъ ее.*) Въ этихъ объятіяхъ играючи прой-

детъ Луиза путь жизни; прекраснѣе, нежели какою отпустило сюда, приметъ тебя небо, и должно будетъ съ изумленіемъ сознаться, что лишь любовь даетъ душѣ окончательную отдѣлку.

Луиза (*въ сильной тревогѣ, высвобождаясь изъ его объятій*). Довольно! Умоляю тебя, молчи! — О! еслибъ ты зналъ... Оставь меня!... Ты не знаешь, что надежды твои, какъ фуріи, терзаютъ мнѣ сердце! (*Хочетъ уйти.*)

Фердинандъ (*удерживаетъ ее*). Луиза! Какъ? что? Что за странности?

Луиза. Я забыла эти грезы и была счастлива... А теперь! теперь! Съ нынѣшняго дня — конецъ спокойствію моей жизни... Бурныя желанія — я это знаю — будутъ кипѣть въ моей груди... Уходи!... Богъ тебя прости!... Ты зажегъ пожаръ въ моемъ молодомъ, мирномъ сердцѣ, и этому пожару никогда, никогда не угаснуть. (*Быстро бѣжитъ изъ комнаты. Онъ безмолвно слѣдуетъ за нею.*)

Зала у Президента.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Входятъ ПРЕЗИДЕНТЪ, съ орденомъ на шеѣ и со звездою на груди, и СЕКРЕТАРЬ ВУРМЪ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Серіозная привязанность? мой сынъ? — Нѣтъ, Вурмъ, этому я никогда не повѣрю!

Вурмъ. Прикажете, ваше превосходительство, и я представлю доказательства.

Президентъ. Что онъ куры-то строить мѣщанкѣ — въ комплиментахъ передъ ней разсыпается — пожалуй, и о чувствахъ толкуетъ?... Это все и возможно, по моему — и простительно... Но... И притомъ, ты говоришь, она дочь музыканта?

Вурмъ. Учителя музыки Миллера.

Президентъ. Хорошенькая?... Впрочемъ, объ этомъ и спрашивать нечего.

Вурмъ (*съ живостью*). Прекраснѣйшій экземпляръ блондинки; смѣло можно сказать, она не ударила бы въ грязь лицомъ и рядомъ съ первыми придворными красавицами.

Президентъ (*смыется*). Вотъ какъ, Вурмъ?... Да дѣвочка и тебѣ приглянулась — какъ я замѣчаю... Только вотъ что, любезный Вурмъ... если мой сынъ чувствуетъ что-нибудь къ этой женщинѣ, мнѣ можно надѣться, значить, что дамы не будутъ его ненавидѣть. Онъ можетъ пойти впередъ при дворѣ. Ты говоришь, дѣвушка хороша собой; мнѣ пріятно, что у сына моего есть вкусъ. Если онъ напѣваетъ дурѣ серіозныя обѣщанія — тѣмъ лучше: значить, онъ *себѣ на умъ*. Онъ можетъ и въ *президенты* попасть. А удастся ему все это — отлично! Значить, онъ *счастливъ*! Окажется въ развязкѣ комедіи здоровый внучекъ — превосходно! въ честь добрыхъ предзнаменованій для моего родословнаго дерева я разопью лишнюю бутылку малаги, и заплачу въ полицію штрафъ за его дѣвку.

В у р м ь. Я бы болѣе всего желалъ, ваше превосходительство, чтобы вамъ не пришлось распить эту бутылку ради *разспянія*.

Президентъ (*серіозно*). Вурмъ, вспомни, что ужь если я чему вѣрю — вѣрю упорно, если сержусь — сержусь до бѣшенства... Я прощаю тебѣ, что ты хотѣлъ поджечь меня. Отъ души вѣрю, что тебѣ очень бы пріятно скачать съ шеи соперника. Самому тебѣ трудненько отвадить сына моего отъ этой дѣвушки, и ты вздумалъ употребить вмѣсто хлопущки отцовскую власть... Это я тоже понимаю... Я даже въ восторгѣ, что вижу въ тебѣ такія удивительныя плутовскія способности.. Одно только мнѣ не нравится, любезный Вурмъ, что ты затѣялъ меня обманывать... Понимаешь? Шути сколько угодно, только не затрогивай моихъ правилъ!

В у р м ь. Простите меня, ваше превосходительство! Если и дѣйствительно — какъ вы подозреваете — во мнѣ говорить ревность, такъ она говоритъ развѣ глазами, а не языкомъ.

Президентъ. А я думаю, ея и вовсе бы не нужно. Ну, не глупъ ли ты? Не все ли равно получить талеръ, что прямо съ монетнаго двора, что отъ банкира? Хоть бы ты съ здѣшняго дворянства примѣръ взялъ... Съ вѣдома или безъ вѣдома, но у насъ рѣдко случаются такіе браки, чтобы по крайней мѣрѣ полдюжины гостей — или офиціантовъ — не могли геометрически измѣрить жениховъ рай.

В у р м ь (*наклоняя голову*). Въ этомъ случаѣ мнѣ пріятнѣе оставаться въ мѣщанствѣ, ваше превосходительство!

Президентъ. Притомъ ты можешь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе отлично отплатить своему сопернику за его насмѣшку тою же монетою. У меня въ кабинетѣ лежитъ приказъ, по которому леди Мильфордъ, ради прибытія новой герцогини, должна получить для вида отставку и выйти, для полноты обмана, замужъ. Ты знаешь, Вурмъ, въ какой степени значеніе мое зависитъ отъ вліянія леди — какъ вообще важнѣйшія пружины моихъ дѣйствій опираются на страсти герцога. Герцогъ ищетъ партіи для Мильфордъ. На вызовъ можетъ явиться другой — заключить торгъ, овладѣть, вмѣстѣ съ любовницей герцога, его довѣріемъ, сдѣлаться ему необходимымъ... Герцогъ долженъ остаться въ сѣтяхъ моей фамиліи — и Фердинандъ женится на Мильфордъ... Ясно теперь тебѣ?

Вурмъ. Такъ ясно, что глазамъ больно... По-крайней-мѣрѣ *президентъ* доказалъ въ этомъ случаѣ, что передъ нимъ *отецъ* лишь *новичокъ*. Если маіоръ окажется на столько *покорнымъ сыномъ*, на сколько вы ему *нѣжный отецъ*, то ваше требованіе можетъ, пожалуй, встрѣтить протестъ.

Президентъ. Ксчастію я еще никогда не боялся неуспѣха въ такихъ предпріятіяхъ, гдѣ могъ сказать: *такъ должно быть!*... Но вотъ видишь, Вурмъ — мы опять возвратились къ пункту, съ котораго начали. Я сегодня же объявлю сыну о предстоящемъ ему бракѣ. Выраженіе лица, съ которымъ онъ будетъ слушать меня, или подтвердить твое подозрѣніе, или совершенно опровергнуть его.

Вурмъ. Извините, ваше превосходительство!

Мрачное выраженіе, которое вы вѣрно увидите, можетъ относиться и къ предлагаемой ему вами невѣстѣ такъ же, какъ къ отнимаемой. Позвольте просить васъ строже испытать его. Выберите для него безукоризнѣйшую партію во всемъ герцогствѣ, и если онъ согласится, сошлите хоть въ каторгу вашего секретаря Вурма.

Президентъ (*кусая губы*). Чортъ!

Вурмъ. Это такъ! Мать — олицетворенная глупость — все выболтала мнѣ въ простотѣ душевной.

Президентъ (*ходитъ взадъ и впередъ, подавляя въ себѣ гнѣвъ*). Хорошо! Сегодня же.

Вурмъ. Объ одномъ прошу ваше превосходительство — не забудьте, что маіоръ — сынъ моего господина!

Президентъ. Тебя не тронуть, Вурмъ!

Вурмъ. И что стараніе избавить васъ отъ не-
прошеной невѣстки...

Президентъ. Стоить того, чтобъ помочь и тебѣ добыть жену! Ладно, Вурмъ!

Вурмъ (*кланяясь съ довольнымъ лицомъ*). По гробъ вѣрный слуга вашего превосходительства. (*Хочетъ идти.*)

Президентъ. Смотри, Вурмъ — то, что я сказалъ тебѣ давеча по секрету... (*Грозитъ.*) Если ты проболтаешься...

Вурмъ (*смѣется*). Ваше превосходительство покажете мои фальшивыя бумаги! (*Уходитъ.*)

Президентъ. Въ тебѣ-то я увѣренъ! Ты у меня какъ жукъ на веревочкѣ — на собственныхъ своихъ плутняхъ!

КАМЕРДИНЕРЪ (входитъ). Гофмаршалъ фонъ Кальбъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Какъ-разъ кстати. — Проси!
(Камердинеръ уходитъ.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. ГОФМАРШАЛЬ ФОНЪ КАЛЬБЪ, въ пышномъ, но безвкусномъ придворномъ костюмъ, съ камергерскимъ ключомъ, съ двумя часами, со шпагой и съ *chapeau bas* подъ мышкой. Завитъ à la *hérisson*. Съ большимъ шумомъ подлетаетъ къ Президенту, и распространяетъ по всему партеру запахъ мускуса.

ГОФМАРШАЛЬ (обнимая Президента). Ахъ, здравствуйте, милѣйшій! Какъ спали? какъ почивали?... Простите, что такъ поздно имѣю удовольствіе... Куча дѣла... карта къ столу...визитные билеты... составленіе партій для сегодняшняго катанья на саняхъ... Уфъ!... А тутъ надо было еще присутствовать при *lever* и донести его высочеству о состояніи погоды.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Да, маршалъ, урваться было трудно.

ГОФМАРШАЛЬ. Да еще вдобавокъ меня заставилъ ждать мошенникъ портной.

ПРЕЗИДЕНТЪ. И несмотря на все это, вы всюду успѣли молодцомъ?

ГОФМАРШАЛЬ. Да это еще не все! Мнѣ сегодня бѣда за бѣдой! Вотъ послушайте!

ПРЕЗИДЕНТЪ (разсѣянно). Возможно ли?

ГОФМАРШАЛЬ. Вы только послушайте! Не успѣлъ я выйти изъ кареты, лошади вдругъ чего-то ис-

пугались, начинают рваться и бить копытами такъ, что окачиваютъ мнѣ грязью — съ позволенія сказать — всѣ панталоны. Какъ тутъ быть? Ради Бога, поставьте себя въ мое положеніе, баронъ! Я стою. Ужъ поздно. Дѣло днемъ... Не явится же въ этомъ видѣ его высочеству?... Боже правый!... Что же приходитъ мнѣ въ голову? Я притворяюсь, будто со мной обморокъ! Меня берутъ на руки и кладутъ въ карету... Я во весь опоръ домой — переодѣлся — скачу назадъ... Что вы на это скажете?... Оказывается, что я все-таки первый въ прихожей... Какъ вамъ это покажется?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Превосходный экспромтъ человеческой находчивости... Но оставимъ это, Кальбъ.. Значить, вы ужъ говорили съ герцогомъ?

ГОФМАРШАЛЬ (съ важностью). Двадцать съ половиной минутъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Вотъ какъ!... стало быть, можете навѣрное сообщить мнѣ какую-нибудь важную новость?

ГОФМАРШАЛЬ (серіозно, послѣ нѣкотораго молчанія). Его высочество сегодня въ кафтанѣ цвѣта *merde d'oise*.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Скажите! — Нѣтъ, маршалъ, у меня такъ есть новость поинтереснѣе... Вѣдь для васъ вѣрно будетъ новостью, что леди Мильфордъ выходитъ за маіора фонъ Вальтера?

ГОФМАРШАЛЬ. Можетъ ли быть? И ужъ это рѣшено?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Рѣшено и подписано, маршалъ — и вы меня очень обяжете, если сейчасъ же отправитесь къ леди, приготовите ее къ его ви-

зиту, и разгласите по всей столицѣ намѣреніе моего Фердинанда.

Гофмаршалъ (*въ восторгѣ*). О! съ величайшею радостью, милѣйшій!... Для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе... Лечу сейчасъ... (*Обнимаетъ Президента.*) Прощайте... черезъ три четверти часа весь городъ будетъ знать! (*Упакхиваетъ изъ комнаты.*)

Президентъ (*смыется, провожая его глазами*). Говори послѣ этого, что эти господа ни на что негодны! — Теперь мой Фердинандъ долженъ согласиться, или, значить, весь городъ лгалъ. (*Звонитъ. Входитъ Вурмъ.*) Позвать ко мнѣ сына! (*Вурмъ удаляется. Президентъ ходитъ въ задумчивости взадъ и впередъ по комнатѣ.*)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Президентъ. Фердинандъ. Вурмъ. *Послѣдній тотчасъ же уходитъ.*

Фердинандъ. Вы приказали, батюшка...

Президентъ. Къ несчастію мнѣ приходится приказывать, когда мнѣ хочется порадоваться на своего сына! — Оставь насъ, Вурмъ! — Фердинандъ, вотъ ужъ нѣсколько времени наблюдаю я за тобой, и не нахожу въ тебѣ прежней открытой юношеской живости, которая такъ восхищала меня. Какая-то странная грусть не сходитъ съ твоего лица. Ты убѣгаешь меня — убѣгаешь общества... Фи!

въ твои года можно простить десять кутежей, но непростительна и одна забота. Предоставь заботы мнѣ, Фердинандъ! Предоставь мнѣ думать о твоёмъ счастіи, и старайся только слѣдовать моимъ предназначеніямъ. — Подойди ко мнѣ и обними меня, Фердинандъ!

Фердинандъ. Вы сегодня очень милостивы, батюшка.

Президентъ. Сегодня, плутишка? .. И еще съ какой кислой гримасой говорить! (Серіозно.) Фердинандъ! Для кого прокладывалъ я опасный путь къ сердцу герцога? Для кого я навѣки нарушилъ миръ съ совѣстью и съ небомъ!... Слушай, Фердинандъ!... Я говорю съ сыномъ... Для кого упразднилъ я мѣсто, уничтоживъ своего предшественника?... Эта исторія тѣмъ ужаснѣе терзаетъ мнѣ сердце, чѣмъ тщательнѣе стараюсь я скрыть ножъ отъ свѣта! Слушай! скажи мнѣ, Фердинандъ! Для кого сдѣлалъ я все это?

Фердинандъ (отступаетъ въ ужасъ). Ужъ не для меня ли, батюшка? Не на меня ли должно пасть кровавое отраженіе этого злодѣянія? Клянусь всемогущимъ Богомъ! лучше совсѣмъ не родиться, чѣмъ служить оправданіемъ этому преступленію!

Президентъ. Это что? Это что такое?... Впрочемъ, твоей романической головѣ можно простить... Фердинандъ... я не хочу сердиться! — Такъ вотъ мнѣ твоя награда, упрямецъ, за бессонныя ночи, за мои безустанныя заботы, за вѣчныя угрызенія совѣсти? На меня падаетъ вся тяжесть отвѣтственности — на меня проклятіе, громъ выш-

няго Судіи... Тебѣ счастье достается изъ вторыхъ рукъ... Преступленіе не пятнаешь наслѣдства...

ФЕРДИНАНДЪ (*подымаетъ правую руку къ небу*). Торжественно отказываюсь отъ наслѣдства, которое будетъ только напоминать мнѣ злодѣя-отца!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Послушай, не раздражай меня! — Еслибъ все шло по твоему — ты весь вѣкъ пресмыкался бы во прахѣ.

ФЕРДИНАНДЪ. Все жъ это лучше, батюшка, чѣмъ ползать у трона.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*удерживая гнѣвъ*). Гм!... Тебя надо насильно заставлятъ понять свое счастье! Чего десятки другихъ не могутъ добиться при всѣхъ усиліяхъ, то дается тебѣ играючи, какъ во снѣ! На двѣнадцатомъ году ты прапорщикъ, на двадцатомъ — маіоръ! Я обдѣлалъ это у герцога. Ты снимешь военный мундиръ и вступишь въ министерство. Герцогъ говорилъ о чинѣ тайнаго совѣтника — о мѣстѣ посланника — о необыкновенныхъ милостяхъ! Передъ тобой — чудная перспектива! гладкій путь въ сосѣдство трона — къ самому трону, если только власть стоитъ того, чтобы ее промѣнять на признаки власти... И это не плѣняетъ тебя?

ФЕРДИНАНДЪ. Нѣтъ, потому-что понятія мои о величіи и счастіи не совсѣмъ похожи на ваши... Ваше счастье основывается рѣдко на чемъ-нибудь иномъ, кромѣ гибели ближняго. Зависть, страхъ, хула — вотъ печальныя зеркала, въ которыхъ отражается улыбка высокаго властелина... Слезы, проклятія, отчаяніе — вотъ страшная трапеза, за которою роскошествуютъ эти хваленые счастливыцы,

изъ-за которой выходятъ охмѣлѣвшіе и такъ идутъ какъ въ туманѣ въ царство вѣчности, передъ престолъ Бога... Мой идеалъ счастья умѣреннѣе: онъ заключается во мнѣ самомъ!... Всѣ мои желанія схоронены у меня въ *сердцѣ*!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Превосходно! удивительно! неподражаемо! Черезъ тридцать лѣтъ придется мнѣ опять выслушивать первую лекцію!... Жаль только, что пятидесятилѣтняя голова моя стала ужь тупа для ученья!... Впрочемъ — чтобы не оставлять въ бездѣйствіи такого рѣдкаго таланта, я отрекомендую тебѣ кой-кого, и ты можешь тогда упражняться сколько хочешь въ своемъ арлекинскомъ ораторствѣ... Ты долженъ рѣшиться — сегодня же рѣшиться — вступить въ бракъ...

ФЕРДИНАНДЪ (*отступаетъ въ изумленіи*).
Батюшка!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Безъ комплиментовъ... Я послалъ отъ твоего имени карточку къ леди Мильфордъ. Ты сейчасъ же отправишься къ ней и скажешь ей, что ты ея женихъ.

ФЕРДИНАНДЪ. Мильфордъ, батюшка?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Надѣюсь, ты знаешь ее!

ФЕРДИНАНДЪ (*внѣ себя*). Да есть ли позорный столбъ въ герцогствѣ, который бы не зналъ ее?... Но не правда ли, я смѣшонъ, батюшка, что принимаю шутку вашу за дѣло? Захотите ли вы быть *отцомъ подлецу сыну*, соединяющему судьбу свою съ привилегированной прелестницей?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Напротивъ! Я и самъ посватался бы за нее, будь ей годенъ пятидесяти-

лѣтній мужъ... Захотѣлъ бы ты быть сыномъ подлеца отца?

ФЕРДИНАНДЪ. Нѣтъ! видитъ Богъ! нѣтъ!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Клянусь, эту дерзость можно простить развѣ только ради ея оригинальности...

ФЕРДИНАНДЪ. Умоляю васъ, батюшка! не оставляйте меня дольше въ этомъ сомнѣніи: при немъ мнѣ невыносимо называться вашимъ сыномъ!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Да ты съ ума сошелъ! Всякой благоразумный человѣкъ сталъ бы добиваться чести занять такимъ образомъ мѣсто своего государя!

ФЕРДИНАНДЪ. Вы становитесь для меня загадкой, батюшка! Вы называете это *честью*? *честью* — раздѣлять съ государемъ то, въ чемъ онъ перестаетъ быть и *человѣкомъ*?

ПРЕЗИДЕНТЪ (*разражается смѣхомъ*).

ФЕРДИНАНДЪ. Смѣйтесь, смѣйтесь!... Оставимъ даже это въ сторонѣ, батюшка! Съ какимъ лицомъ покажусь я самому жалкому ремесленнику, который со своею женой взялъ въ приданое по крайней мѣрѣ неопозоренное тѣло? Съ какимъ лицомъ покажусь въ свѣтѣ? герцогу? Съ какимъ лицомъ явлюсь передъ самою прелестницей, которая омоетъ въ моемъ позорѣ пятно своей чести?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Откуда это у тебя явилось такое краснорѣчіе?

ФЕРДИНАНДЪ. Заклинаю васъ небомъ и землею, батюшка! Эта гибель вашего единственного сына не сдѣлаетъ васъ на столько счастливымъ, на сколько онъ будетъ несчастенъ! Возьмите мою жизнь, если это можетъ повисить васъ. Жизнь получилъ я отъ васъ; не колеблясь ни минуты, я

готовъ пожертвовать ею вашимъ успѣхамъ!... Но честь мою, батюшка!... если вы отнимите у меня честь, то и дать мнѣ жизнь было легкомысленной подлостью, и я буду проклинать въ васъ отца и сводника!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*ласково треплетъ его по плечу*). Браво, браво, мой милый! Теперь я вижу, что ты *вполнѣ* молодецъ и стоишь лучшей невѣсты во всемъ герцогствѣ... Такъ и будетъ... Сегодня же въ полдень ты обручишься съ графиней Остгеймъ!

ФЕРДИНАНДЪ (*въ новомъ изумленіи*). Этотъ часъ назначенъ, кажется, на то, чтобы окончательно сокрушить меня!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*подозрительно глядя на него*). Надѣюсь, противъ этого нечего возмущаться твоей чести?

ФЕРДИНАНДЪ. Да, батюшка! Фредерика Остгеймъ могла бы составить счастье всякого другаго! (*Про себя, въ крайнемъ смущеніи*.) Что оставила въ моемъ сердцѣ нетронутымъ его злоба, то разрываетъ теперь его доброта.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*не спуская съ него глазъ*). Я жду твоей благодарности, Фердинандъ!

ФЕРДИНАНДЪ (*бросается къ нему и съ жаромъ целуетъ у него руку*). Батюшка! ваша милость воспламеняетъ всѣ мои чувства... Батюшка! горячо благодарю васъ за вашу сердечную заботу обо мнѣ... Вашъ выборъ безукоризненъ... но — я не могу — я не смѣю — сжальтесь надо мной — я не могу любить графиню!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*отступая шагъ назадъ*).

Ага! Теперь я поймалъ молодца! Такъ на эту удочку ты поддался, хитрый притворщикъ?... Значить, дѣло вовсе не въ чести, что ты отказываешься отъ леди?... Значить, тебѣ противна не *невѣста*, а самый *бракъ*?

ФЕРДИНАНДЪ (*стоитъ сначала въ оцѣпенѣннѣи, потомъ вскакиваетъ и хочетъ уйти*).

ПРЕЗИДЕНТЪ. Куда? Стой! Этакъ-то ты уважаешь отца? (*Маіоръ возвращается*.) Леди извѣщена о твоёмъ визитѣ. Я далъ слово герцогу! Всѣ въ городѣ и при дворѣ знаютъ объ этомъ! — Если ты сдѣлаешь меня лжецомъ — передъ герцогомъ — передъ леди — передъ свѣтомъ — лжецомъ въ глазахъ двора... смотри, Фердинандъ!... или если я провѣдаю про какія *нибудь исторіи*... Ба! что это вся краска исчезла вдругъ съ твоихъ щекъ?

ФЕРДИНАНДЪ (*блѣдный какъ снѣгъ, дрожащимъ голосомъ*). Какъ? что? Я — ничего, батюшка!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*останавливая на немъ грозный взглядъ*). А если это не ничего — и я найду причину твоего упорства?... О! ужь одно только подозрѣніе приводитъ меня въ бѣшенство! Иди сію же минуту! Вахтпарадъ начинается. Ты будешь у леди тотчасъ послѣ пароля!... Стоитъ мнѣ захотѣть — дрогнетъ все герцогство! Посмотримъ, какъ-то сломить меня упрямый сынъ! (*Идетъ и еще разъ возвращается*). Слышишь? ты будешь тамъ, или берегись моего гнѣва! (*Уходитъ*.)

ФЕРДИНАНДЪ (*приходя въ себя послѣ оцѣпенѣнія*). Ушелъ? И это былъ голосъ отца! —

Да! я поѣду къ ней — поѣду — выскажу ей все — покажу ей ее какъ въ зеркалѣ... И если ты и тутъ захочешь моей руки, ничтожная!... предъ лицомъ всего дворянства, войска и народа — вооружись ты всею гордостью своей Англіи — я отвергну тебя — я, германскій юноша! (*Быстро уходитъ.*)

ВТОРОЙ АКТЪ.

Зала во дворцѣ леди Мильфордъ; направо софа, налѣво флигель.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Леди, въ простомъ, но изящномъ утреннемъ костюмѣ, съ распущенными, еще незавитыми волосами, сидитъ за флигелемъ и фантазируетъ; Софи, камеристка, подходитъ къ ней отъ окна.

Софи. Офицеры расходятся! Парадъ кончился... Но Вальтера еще не видать.

Леди (*съ сильнымъ безпокойствѣмъ, встаетъ и проходитъ по комнатѣ*). Я не знаю, что со мною сегодня, Софи... Никогда еще со мною этого не было... Такъ ты его совсѣмъ не видала?... Впрочемъ — ему нечего торопиться... Это давить мнѣ грудь какъ преступленіе... Поди, Софи —

вели осѣдлатъ мнѣ самую бѣшеную лошадь, какая только есть на конюшнѣ!... Мнѣ надо на просторъ — увидать людей, ясное небо... Авось будетъ легче на сердцѣ.

Софи. Если вы чувствуете себя не совсѣмъ хорошо, миледи — назначьте собратъся сегодня у васъ! Пусть герцогъ обѣдаетъ здѣсь, или сядетъ за карты передъ вашей софой! Будь у меня въ распоряженіи герцогъ и весь его дворъ — да я бы и не подумала никогда скучать!

Леди (*бросаясь на софу*). Прошу, пощади меня! Я готова платить тебѣ по брилліанту за каждый часъ, только бы они не мозолили мнѣ глазъ! Не мебелировать же мнѣ комнаты этимъ народомъ?... Все это дрянные, жалкіе люди; ихъ беретъ ужасъ, когда у меня срывается съ языка теплое, сердечное слово; они раскрываютъ рты и поднимаютъ носы, словно привидѣніе увидали... Это рабы одной маріонетной проволоки, которою мнѣ легче управлять, чѣмъ шить или вязать! — Что мнѣ за дѣло до этихъ людей? у нихъ и душа-то заведена на одинъ ладъ, какъ часы. Мнѣ не можетъ быть удовольствія спрашивать ихъ о чемъ-нибудь: вѣдь я заранѣе знаю, что мнѣ они отвѣтятъ. Могу ли я мѣняться съ ними словами, когда у нихъ не хватаетъ смѣлости быть иного мнѣнія, чѣмъ я?... Прочь ихъ! Досадно и на лошадь, если она никогда не закусываетъ удила. (*Подходитъ къ окну.*)

Софи. Но ужъ герцога-то вы исключите изъ этого числа, миледи! Мужчины красивѣе — любовника пламеннѣе — другаго такого умника не найти во всемъ его герцогствѣ.

Л е д и (возвращается). Оттого-что это его герцогство — и только герцогскій санъ, Софи, может служить слабымъ извиненіемъ моему выбору. — Ты говоришь, мнѣ завидуютъ! Бѣдная! Меня слѣдовало бы скорѣе жалѣть. Изъ всѣхъ, кого питаетъ тронъ, никто не кончаетъ такъ грустно, какъ фаворитка: ея судьба похожа развѣ на судьбу великаго и богатаго человѣка, которому пришлось взяться за нищенскую клюку. — Правда, талисманомъ своего величія онъ можетъ вызвать изъ земли, какъ волшебный дворецъ, все, чего запросить мое сердце!... Онъ ставитъ передо мною на столъ дары обѣихъ Индій... онъ создаетъ эдемы въ пустыняхъ... По его мановенію родники его земли взлетаютъ подъ облака гордыми водометами... или вспыхиваетъ въ пышномъ фейерверкѣ потъ и кровь его подданныхъ... Но можетъ ли онъ приказать своему *сердцу* биться *могучимъ и огненнымъ біеньемъ около могучаго, пламеннаго сердца?* Можетъ ли онъ отдать свою скудную душу одному прекрасному чувству? — Сердце мое томится голодомъ при всемъ этомъ избыткѣ наслажденій; и что мнѣ въ тысячи лучшихъ чувствъ, если я обречена лишь утолять страсти?

С о ф и (смотритъ на нее съ удивленіемъ). Давно уже служу я вамъ, миледи...

Л е д и. А узнала меня только *сегодня!*... Да, это правда, Софи... Я продала герцогу свою честь; но сердце свое сохранила я свободнымъ — сердце, милая Софи, которое можетъ быть еще достойно любви... Заразительный воздухъ двора коснулся его лишь какъ дыханье касается зеркала. — Вѣрь мнѣ, милая, что этотъ жалкій герцогъ давно

бы сдѣлалъ меня первою дамою при дворѣ, еслибъ только пожелало того мое честолюбіе.

Софи. А это сердце очень таки повиновалось честолюбію.

Леди (сѣ живостью). Будто оно не довольно ужъ мстило за себя?... не мститъ и теперь? Софи! (Серіозно, опуская руку на плечо Софи.) У насъ, женщинъ, только одинъ выборъ—повелѣвать или служить; но и высшее наслажденіе власти лишь жалкое утѣшеніе, когда мы лишены самой высшей радости — быть рабами человѣка любимаго.

Софи. Эту истину я желала бы слышать отъ васъ въ послѣдній разъ, миледи.

Леди. Отчего, Софи? — Глядя на дѣтское неумѣнье наше держать скипетръ, какъ не подумать, что мы годимся лишь для помочей? Или ты не замѣчала, что этимъ капризнымъ легкомысліемъ, этими безумными удовольствіями я хотѣла заглушить бурныя желанія своего сердца?

Софи (отступая въ изумленіи). Миледи!

Леди (сѣ еще большимъ одушевленіемъ). Удовлетвори ихъ! Дай мнѣ человѣка, о которомъ я теперь думаю — котораго боготворю... Ахъ, Софи! или умереть, или обладать имъ. (Замирающимъ голосомъ.) Дай мнѣ услышать изъ его устъ, что слезы любви въ нашихъ глазахъ блещутъ прекраснѣе всѣхъ брильянтовъ въ нашихъ волосахъ... (пламенно) и я брошу къ ногамъ герцога и его сердце и его герцогство, и убѣгу съ этимъ человекомъ, убѣгу въ самую далекую пустыню на земномъ шарѣ...

Софи (*смотритъ на нее въ испугъ*). Боже мой! что вы? что съ вами, миледи?

Леди (*въ смущеніи*). Ты блѣднѣешь?... Ужь не сказала ли я чего лишняго?... О! такъ пусть же моя довѣрчивость наложить молчаніе на твой языкъ... Выслушай больше — выслушай все!

Софи (*робко озирается*). Я боюсь, миледи — боюсь... зачѣмъ мнѣ это знать?

Леди. Бракъ съ маіоромъ... и ты, и свѣтъ, вы ошибаетесь, думая, что это *придворная интрига*... Софи... не краснѣй — не стыдись меня... Это дѣло — *моей любви*?

Софи. Боже мой! Я это предчувствовала!

Леди. Ихъ было нетрудно уговорить, Софи... Слабодушный герцогъ — хитрый придворный Вальтеръ — нелѣпый маршалъ... каждый изъ нихъ готовъ присягнуть, что этотъ бракъ — самое дѣйствительное средство сохранить меня для герцога, упрочить нашу связь!... Да! навѣки разорвать ее!... навѣки разбить эти позорныя цѣпи!... Васъ самихъ обманули, обманщики! слабая женщина перехитрила васъ!... Вы сами соединяете меня съ моимъ милымъ... Вѣдь я только этого и хотѣла... Только бы онъ былъ мой — мой — тогда прощай навѣки, отвратительное величіе!

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕРЪ ГЕРЦОГА,
съ шкатулкой въ рукахъ.

КАМЕРДИНЕРЪ. Его высочество герцогъ приказалъ кланяться миледи и прислалъ ей на свадьбу

эти брильянты. Они только-что получены изъ Венеціи.

Леди (*открываетъ шкатулку и отступаетъ въ испугъ*). Слушай! что заплатилъ твой герцогъ за эти камни?

Камердинеръ (*мрачно*). Они не стоятъ ему ни гроша.

Леди. Какъ? Ты съ ума сошелъ? *Ничего?...* Но ты (*отступаетъ отъ него шагъ назадъ*) — ты смотришь на меня такъ, будто хочешь пронзить меня насквозь своимъ взглядомъ... И эти дорогіе камни, которымъ нѣтъ цѣны, *ничего* не стоятъ ему?

Камердинеръ. Вчера семь тысячъ человѣкъ отправилось въ Америку... тѣ все заплатятъ!

Леди (*тотчасъ же ставитъ шкатулку и начинаетъ быстро ходить по залу; потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, обращается къ камердинеру*). Старикъ! что съ тобой? ты никакъ плачешь?

Камердинеръ (*обтираетъ глаза и говоритъ глухимъ голосомъ, дрожа вслѣдъ тѣломъ*). Эти брильянты... И моихъ сыновей двое пошло...

Леди (*отворачивается въ тревогъ и схватываетъ его руку*). Но не по неволѣ?

Камердинеръ (*съ горькимъ смѣхомъ*). Боже мой!... Нѣтъ!... Все по доброй волѣ!... Правда, вышли двое-трое молодцовъ посмѣлѣе передъ фронтъ и спросили полковника, почему продаетъ герцогъ пару людей. Но милостивый нашъ принцъ велѣлъ выступить на плацпарадъ всѣмъ полкамъ и разстрѣлять крикуновъ. Мы слышали, какъ гря-

нули ружья; видѣли, какъ брызнулъ на мостовую мозгъ,—и вся армія крикнула: «Ура! въ Америку!»

Деди (*въ ужасъ опускается на софу*).
Боже мой! Боже мой! А я ничего не слыхала!
не замѣчала!

Камердинеръ. Да, сударыня!... Напрасно поѣхали вы съ нашимъ герцогомъ на медвѣжью травлю, какъ били сборъ къ выступленію... Жаль, что вы это торжество пропустили, какъ намъ возвѣстилъ громъ барабановъ, что пора; тамъ сироты съ воємъ догоняли живаго отца, а тутъ бѣжала какъ обезумѣвъ мать пропороть штыками своего груднаго младенца; невѣсть и жениховъ отгоняли другъ отъ друга сабельными ударами; въ отчаяніи стояли сѣдые старики, и кидали подъ конецъ вослѣдъ дѣтямъ свои костыли: возьмите, молъ, и ихъ въ Америку!... А барабаны-то со всѣхъ сторонъ трещать.

Деди (*встаетъ въ сильномъ волненіи*). Прочь эти камни!... Они жгутъ адскимъ огнемъ мое сердце! (*Кротко камердинеру.*) Успокойся, бѣдный старикъ! Они возвратятся. Они опять будутъ на родинѣ.

Камердинеръ (*съ чувствомъ*). Богу это извѣстно! Да! будутъ!... Они еще у городскихъ воротъ обернулись и кричали: «Богъ васъ храни, жены и дѣти!...»

Деди (*ходитъ рѣзкими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ*). Ужасно! безчеловѣчно!... А мнѣ говорили, что я осушила здѣсь всѣ слезы... Страшно, страшно открываются у меня глаза... Ступай... скажи своему господину — я поблагодарю его лично! (*Камердинеръ хочетъ идти. Она*

кладетъ ему въ шляпу кошелекъ съ деньгами.)
Вотъ тебѣ за то, что ты сказалъ мнѣ правду.

КАМЕРДИНЕРЪ (*бросаетъ кошелекъ на столъ съ презрѣніемъ*). Положите его къ остальнымъ! (*Уходитъ.*)

ЛЕДИ (*глядитъ съ изумленіемъ ему вследъ*). Софи, бѣги за нимъ! спроси, какъ его зовутъ! Сыновья возвратятся къ нему! (*Софи уходитъ. Леди ходитъ задумавшись. Молчаніе. Къ возвращающейся Софи.*) Не правда ли, недавно говорили, что пожаръ истребилъ одинъ городъ на границѣ, и около четырехъ сотъ семействъ пошло по міру? (*Звонитъ.*)

СОФИ. Какъ вы это вспомнили? Это, точно, правда, и большая часть этихъ несчастныхъ теперь въ кабалѣ у своихъ кредиторовъ, или пропадаютъ въ шахтахъ герцогскихъ серебряныхъ рудниковъ.

СЛУГА (*входитъ*). Что прикажете, миледи?

ЛЕДИ (*отдаетъ ему брильянты*). Сейчасъ же отнести это въ банкъ!... Сказать, что я приказала немедленно превратить это въ деньги, и раздать ихъ четверемъ стамъ несчастнымъ, потерпѣвшимъ отъ пожара.

СОФИ. Подумайте, миледи, какой немилости можете вы подвергнуться!

ЛЕДИ (*съ достоинствомъ*). Такъ мнѣ носить на головѣ проклятіе его страны? (*Дѣлаетъ знакъ слугѣ. Онъ уходитъ.*) Или ты хочешь, чтобы я упала подъ страшнымъ бременемъ этихъ слезъ? — Да, Софи!... Лучше носить въ волосахъ фальшивые алмазы, лишь бы въ сердцѣ жило сознаніе добраго дѣла!

Софи. Но такіе камни! Что бы вамъ взять прежніе, похуже? Нѣтъ, право, миледи! этого вамъ простить нельзя.

Леди. Глухая! За это въ одну минуту дастся мнѣ больше брильянтовъ и жемчугу, чѣмъ могутъ насчитать десять королей у себя въ коронахъ, и болѣе цѣнныхъ...

Слуга (возвращается). Маіоръ фонъ Вальтеръ.

Софи (кидается къ леди). Боже мой! вы поблѣднѣли.

Леди. Это первый человѣкъ, котораго я страшусь... Софи... Скажи, мнѣ нездоровится, Эдуардъ!... Подожди!... Что, какъ онъ? Веселъ? Что говорить? Ахъ, Софи! Не правда ли, я сегодня такъ нехороша?

Софи. Ради Бога, миледи...

Слуга. Прикажете отказать?

Леди (неръшительно). Нѣтъ, проси! (Слуга уходитъ). Говори, Софи!... Что мнѣ сказать ему? Какъ принять его?... Я буду нѣма... Онъ будетъ смѣяться надъ моей слабостью... Онъ будетъ... О! какое ужасное предчувствіе!... Ты оставляешь меня, Софи?... Остайся!... Нѣтъ!... Иди!... Нѣтъ, остайся! (Маіоръ показывается въ дверяхъ.)

Софи. Придите въ себя! онъ ужъ здѣсь.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. *ФЕРДИНАНДЪ ФОНЪ ВАЛЬТЕРЪ.*

ФЕРДИНАНДЪ (съ легкимъ поклономъ). Не беспокою ли я васъ, миледи?

ЛЕДИ (въ замѣтномъ смущеніи). Нимало, господинъ Вальтеръ. Я очень рада...

ФЕРДИНАНДЪ. Я явился по приказанію моего отца...

ЛЕДИ. Очень благодарна ему.

ФЕРДИНАНДЪ. И долженъ объявить вамъ, что мы женихъ и невѣста... Таково порученіе отца.

ЛЕДИ (блѣднѣетъ и дрожитъ). А что говоритъ вамъ ваше сердце?

ФЕРДИНАНДЪ. Въ нашемъ и въ вашемъ обществѣ не справляются съ сердцемъ.

ЛЕДИ (въ тревогѣ, черезъ силу). А вамъ самимъ нечего прибавить къ порученію?

ФЕРДИНАНДЪ (бросая взглядъ на Софи). Очень много, миледи.

ЛЕДИ (дѣлаетъ знакъ Софи; та удаляется). Не угодно ли вамъ сѣсть сюда, на софу?

ФЕРДИНАНДЪ. Моя рѣчь будетъ недолга, миледи.

ЛЕДИ. Я слушаю.

ФЕРДИНАНДЪ. Я человекъ честный.

ЛЕДИ. И я умѣю цѣнить васъ.

ФЕРДИНАНДЪ. Дворянинъ.

ЛЕДИ. Лучшій въ герцогствѣ.

ФЕРДИНАНДЪ. И офицеръ.

Леди (*льстиво*). Вы касаетесь достоинствъ, которыя раздѣляютъ съ вами и другіе! Зачѣмъ умалчиваете вы о лучшихъ вашихъ качествахъ, въ которыхъ нѣтъ вамъ равныхъ?

Фердинандъ (*холодно*). Здѣсь они мнѣ ненужны.

Леди (*съ возрастающимъ безпокойствомъ*). Какъ понимать мнѣ это предисловіе?

Фердинандъ (*медленно и выразительно*). Примите его за протестъ чести, если у васъ есть охота насильно соединить свою судьбу съ моею!

Леди (*вскакивая*). Что это такое, господинъ Вальтеръ?

Фердинандъ (*небрежно*). Голосъ моего сердца — моего герба — и этой шпаги!

Леди. Эту шпагу далъ вамъ герцогъ.

Фердинандъ. Рукою герцога дало мнѣ ее государство... сердце мое далъ мнѣ Богъ... мой гербъ — цѣлые пять столѣтій.

Леди. Имя герцога...

Фердинандъ (*запальчиво*). Не можетъ же герцогъ извращать законы человѣчества, или чеканить поступки, какъ монету? — Онъ самъ стоитъ не выше чести, но можетъ зажать ей ротъ своимъ золотомъ. Онъ можетъ прикрыть свой стыдъ горностаевой мантией! Прошу васъ, миледи, оставимъ этотъ предметъ... Рѣчь ужь не о забвеніи составленныхъ плановъ — не о предкахъ — не объ этомъ темлякѣ — не о мнѣніи свѣта! Я готовъ попать все это, только бы вы убѣдили меня, что награда не хуже самой жертвы!

Леди (*отходя отъ него, скорбно*). Господинъ Вальтеръ! этого я не заслужила.

Фердинандъ (*схватываетъ ея руку*). Простите! Мы говоримъ здѣсь безъ свидѣтелей. Обстоятельство, которое свело насъ — въ первый и въ послѣдній разъ — даетъ мнѣ право, вынуждаетъ меня не скрывать отъ васъ самаго завѣтнаго моего чувства!... Я никакъ не могу понять, миледи, чтобы женщина съ такой красотой, съ такимъ умомъ — качествами, которыя оцѣнилъ бы всякой достойный человѣкъ — могла отдаться принцу, который сумѣлъ оцѣнить въ ней лишь ея *пользу*... И эта женщина не *стыдится* предлагать свое сердце!

Леди (*глядя ему прямо въ глаза*). Договаривайте!

Фердинандъ. Вы именуете себя *британкой*! Извините меня — я не могу вѣрить, чтобы вы были британка! Свободно-рожденная дочь самаго свободного народа въ мірѣ — народа, который такъ гордъ, что не благоговѣть и передъ *чужой доблестью* — никакъ не можетъ наняться служить *чужому пороку*! Не можетъ быть, чтобы вы были британка!... или сердце этой британки на столько же *мелко*, на сколько смѣла и благородна кровь, текущая въ жилахъ Британіи?

Леди. Кончили вы?

Фердинандъ. Можно, пожалуй, отвѣтить, что это женская суетность — страсть — горячій темпераментъ — жажда удовольствій! Не разъ случалось, что добродѣтель переживала честь! Не разъ женщины, позорно вступавшія на эту дорогу, примиряли съ собою свѣтъ благородными дѣлами,

и облагороживали отвратительное ремесло хорошимъ его употребленіемъ... Но отчего же здѣсь такой страшный гнетъ на всей странѣ? прежде его не было!... Я говорилъ отъ лица герцогства... Я кончилъ.

Леди (*кратко, но съ достоинствомъ*). Вы первый, Вальтеръ, рѣшились обратиться ко мнѣ съ такими словами, и вы единственный человѣкъ, которому я на нихъ отвѣчу.. Вы отвергаете мою руку — и я уважаю васъ за это! Вы хулите мое сердце — это я прощаю вамъ! Но я не вѣрю вамъ, чтобы вы говорили серьезно. Рѣшаясь обращаться съ такими оскорбленіями къ женщинѣ, которой довольно одной ночи, чтобы совсѣмъ погубить васъ, надо предположить въ этой женщинѣ *высокую душу* или — быть безъ ума. — Что разореніе страны взваливаете вы на мои плечи — да проститъ вамъ Господь Всемогушій, который нѣкогда разсудитъ и васъ и меня и герцога. — Но вы обратили вашъ вызовъ ко мнѣ, какъ къ англичанкѣ, а на подобные упреки должно отвѣчать вамъ мое отечество!

Фердинандъ (*опершись на шпагу*). Любопытно послушать!

Леди. Такъ выслушайте же то, чего, кромѣ васъ, не довѣряла я никому и никогда не довѣрю ни единому человѣку! — Я не искательница приключеній, какою вы меня считаете, Вальтеръ! Я могла бы хвастливо сказать вамъ, что я царскаго происхожденія — изъ рода несчастнаго Томаса Норфолька, павшаго жертвой за шотландскую Марію. — Отца моего, старшаго камергера при королѣ, заподоз-

рили въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Франціей; парламентъ приговорилъ его и ему отрубили голову. — Всѣ наши имѣнія поступили въ казну. Насъ самихъ изгнали изъ родной земли. Мать моя умерла въ самый день казни! Я — тогда четырнадцатилѣтняя дѣвочка — бѣжала въ Германію со своей воспитательницей — съ ящичкомъ драгоценныхъ вещей — и съ этимъ наслѣдственнымъ крестомъ, который умирающая мать моя надѣла мнѣ на шею съ послѣднимъ своимъ благословеніемъ.

ФЕРДИНАНДЪ (*задумывается и устремляетъ на леди глаза съ бѣльшимъ сочувствіемъ*).

ЛЕДИ (*продолжаетъ съ возрастающимъ волненіемъ*). Больная — безъ имени — безъ помощи и средствъ — чужестранка и сирота — пріѣхала я въ Гамбургъ! Я ничему не училась; знала лишь немножко по французски — да умѣла немножко вязать, да немножко играть на фортепіанахъ... Зато привыкла ѣсть на серебрѣ и золотѣ, спать подъ дамастовыми покрывалами, однимъ знакомъ руки разсылать десятки слугъ и слушать лесть великихъ міра сего... Я проплакала шесть лѣтъ... Послѣдняя брильянтовая булавка исчезла... Воспитательница моя умерла... А тутъ какъ-нарочно судьбѣ нужно было привести въ Гамбургъ вашего герцога. Я гуляла по берегамъ Эльбы, смотрѣла на рѣку и только-что принялась мечтать, что глубже — эта ли рѣка или мое горе? — Герцогъ увидалъ меня, сталъ слѣдить за мной, отыскалъ мою квартиру, упалъ къ моимъ ногамъ и клялся, что любитъ меня. (*Пріостанавливается въ сильной тревогѣ, потомъ продолжаетъ со слезами въ голосъ.*)

Картины моего счастливаго дѣтства воскресли передо мной во всемъ ихъ обольстительномъ блескѣ... Черной могилой казалось мнѣ мое безутѣшное будущее... Сердце мое пламенно просило другаго сердца... И я припала къ его сердцу. (*Убѣгая отъ него.*) Теперь осуждайте меня!

ФЕРДИНАНДЪ (*сильно встревоженный, бросается къ ней и останавливаетъ ее*). Миледи! Боже мой! Что я слышу? Что я надѣлалъ?... Мнѣ самому ужасна моя дерзость! Я не могу ждать отъ васъ прощенья!

ЛЕДИ (*возвращается, стараясь собраться съ духомъ*). Слушайте дальше! Правда, герцогъ овладѣлъ моей беззащитной молодостью... но кровь Норфольковъ возмутилась во мнѣ... «Эмили!» говорилъ мнѣ мой внутренній голосъ: «въ тебѣ течетъ царская кровь, а ты наложница герцога!» — Гордость боролась у меня въ душѣ съ моею судьбой, когда герцогъ привезъ меня сюда и глазамъ моимъ сразу явилось ужаснѣйшее зрѣлище... Сластолюбіе великихъ этого міра — ненасытная гѣна, въ неутолимомъ голодѣ вѣчно ищущая себѣ добычи. Оно уже страшно свирѣпствовало въ этой странѣ — разлучало жениховъ и невѣстъ — разрывало даже священные узы брака — здѣсь подтачивало скромное счастье семьи — такъ проникало тлетворной заразой въ молодое, неопытное сердце, и умирающія ученицы, съ пѣной на устахъ, въ послѣднихъ судорогахъ проклинали своего учителя. — Я встала между агнцемъ и тигромъ, потребовала отъ него въ минуту страсти торжественной клятвы — и эти безчеловѣчныя жертвы прекратились.

ФЕРДИНАНДЪ (въ сильнѣйшей тревогѣ быстро ходитъ по залѣ). Довольно, миледи! довольно!

ЛЕДИ. Печальный періодъ этотъ смѣнился еще болѣе печальнымъ. И дворъ и сераль наполнились исчадіемъ Италіи. Вѣтренныя парижанки играли страшнымъ скипетромъ, и народъ истекалъ кровью отъ ихъ прихотей... Царству ихъ былъ положенъ конецъ! я видѣла ихъ жалкое паденіе: я была больше всѣхъ ихъ кокетка! Я взяла бразды у тирана, разслабшаго въ моихъ объятіяхъ... Отечество твое, Фердинандъ, впервые почувствовало надъ собой человѣческую руку — и довѣрчиво склонилось ко мнѣ на грудь. (*Молчаніе. Она страстно глядитъ на него.*) Боже мой! и передъ единственнымъ человѣкомъ, мнѣніемъ котораго я дорожу, я принуждена хвастаться и сжигать свою скромную заслугу на огнѣ изумленія!... Вальтеръ! я отворяла темницы — разрывала смертные приговоры, и сократила не одну страшную вѣчность каторги! Въ неизлечимыя раны лила я по крайней мѣрѣ утѣляющій бальзамъ — я повергала во прахъ могучихъ преступниковъ, и своею наложнической слезой спасала не разъ проигранное дѣло невинности... О, Вальтеръ! какъ отрадно было мнѣ это! Съ какой гордостью могло опровергать мое сердце всякое обвиненіе моего царственного происхожденія!... И вдругъ является человѣкъ, который одинъ долженъ бы вознаградить меня за все это — человѣкъ, созданный моею истощенной судьбой можетъ быть взаимну пережитыхъ мною страданій... человѣкъ,

котораго я уже въ грезахъ обнимала съ палящею страстью...

ФЕРДИНАНДЪ (*глубоко потрясенный, прерываетъ ее*). Довольно! это ужъ слишкомъ! Это противъ уговора, миледи! Вы должны были оправдать себя отъ обвиненій, и дѣлаете меня преступникомъ! Пощадите — умоляю васъ — пощадите мое сердце! его терзаютъ и стыдъ и жгучія угрызения совѣсти...

ЛЕДИ (*крѣпко сжимаетъ ему руку*). Теперь или никогда! Долго выдерживала я, какъ героиня... Но ты долженъ же почувствовать тягость этихъ слезъ! (*Нѣжно.*) Послушай, Вальтеръ! Неужели въ минуту, какъ несчастная, въ непреодолимомъ, всемогущемъ влеченіи къ тебѣ — прижмется къ твоей груди — грудью, полною пламенной, неистощимой любви — неужели, Вальтеръ, ты и тутъ произнесешь холодное слово — *честь*... Когда эта несчастная — подавленная чувствомъ своего позора, отвращаясь отъ порока — героически возставаая — на зовъ добродѣтели — бросится вотъ такъ въ твои объятія (*обнимаетъ его; торжественно и умоляющимъ голосомъ*) и захочетъ, чтобы ты спасъ ее — возвратилъ ее небу... неужели — (*отворачивается отъ него; глухимъ, дрожащимъ голосомъ*) неужели ей бѣжать твоего образа и, повинувшись страшному голосу отчаянія, ринуться опять въ еще болѣе ужасный омутъ порока...

ФЕРДИНАНДЪ (*въ сильномъ смущеніи, стараясь вырваться изъ ея объятій*). Нѣтъ, клянусь всемогущимъ Богомъ! мнѣ не выдержать этого... Миледи! я долженъ... небо и земля требуетъ этого отъ меня... я долженъ вамъ признаться, миледи!

Леди (*убѣгая отъ него*). Не теперь, не теперь! умоляю васъ всѣмъ, что для васъ свято. Въ эту минуту сердце мое и безъ того окровавлено тысячу ударовъ. Будь это рѣшеніе на жизнь и смерть — я не могу — я не хочу его слышать.

Фердинандъ. Нѣтъ, нѣтъ, миледи. Вы должны выслушать. Мое признаніе уменьшить въ вашихъ глазахъ мою вину и будетъ теплымъ ходатайствомъ за прошедшее. Я обманулся въ васъ, миледи... я ожидалъ — я желалъ найти васъ достойной моего презрѣнія. Я пришелъ сюда съ твердымъ рѣшеніемъ оскорбить васъ и заслужить вашу ненависть. Если бы предположеніе мое удалось, это было бы счастье для насъ обоихъ. (*Послѣ нѣкотораго молчанія, тише и застѣнчивѣе.*) Я люблю, миледи — люблю мѣщанскую дѣвушку, Луизу Миллеръ, дочь одного музыканта. (*Леди блѣднѣетъ и отворачивается отъ него; онъ продолжаетъ съ большимъ одушевленіемъ.*) Я знаю, что меня ждетъ! но если бы благоразуміе и заставило умолкнуть страсть, тѣмъ громче заговорилъ бы долгъ. Я виноватый. Я первый нарушилъ золотой міръ ея невинности, баюкалъ ея сердце дерзкими надеждами и коварно предалъ ее бурной страсти. Вы напомниме мнѣ мое состояніе — мое рожденіе — правила моего отца! но я люблю. Моя надежда тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ глубже разладъ между природой и приличіями. Мое рѣшеніе и предразсудокъ! Посмотримъ, что побѣдитъ — предубѣжденіе или сердце человѣческое? (*Леди между тѣмъ удалилась въ самую глубину комнаты и закрыла лицо руками. Онъ подходитъ къ ней.*) Вы хотѣли мнѣ что-то сказать, миледи?

Леди (*тономъ глубочайшей скорби*). Ничего, господинъ Вальтеръ. Ничего. Развѣ то, что вы губите и себя и меня, и еще третью.

Фердинандъ. И еще третью?

Леди. Мы не можемъ быть счастливы другъ съ другомъ. Но мы должны пасть жертвой поспѣшности вашего отца. Никогда не владѣть мнѣ сердцемъ человѣка, который лишь поневолѣ отдалъ мнѣ свою руку.

Фердинандъ. Поневолѣ, миледи? отдалъ по неволѣ? но все таки отдалъ? И вы можете требовать руки безъ сердца? Вы можете отнимать у бѣдной дѣвушки человѣка, въ которомъ для этой дѣвушки заключенъ весь міръ? отнимать эту дѣвушку у человѣка, которому весь міръ заключенъ въ ней? Вы, миледи — за минуту предъ тѣмъ достойная удивленія британка? вы готовы на это?

Леди. Я должна. (*Серьезно и выразительно.*) Страсть моя, Вальтеръ, уступаетъ моей нѣжности къ вамъ. Честь моя не можетъ сдѣлать такой уступки. Все герцогство говоритъ о нашемъ бракѣ. На меня направлены всѣ глаза, всѣ стрѣлы насмѣшки. Ни чѣмъ не смыть моего позора, если подданный герцога отвергнетъ меня. Боритесь со своимъ отцемъ. Защищайтесь, на сколько у васъ есть силы. Я взорву всѣ мины! (*Быстро уходитъ. Майоръ остается въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Пауза. Онъ быстро убѣгаетъ съ главную дверь.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната у Музыканта.

Входятъ Миллеръ, Госпожа Миллеръ и Луиза.

Миллеръ (*поспѣшно входя въ комнату*). Я напередъ сказалъ.

Луиза (*кидается къ нему въ испугъ*). Что такое, батюшка? Что такое?

Миллеръ (*бѣгая назадъ и впередъ какъ по-мѣшанный*). Мой парадный кафтанъ сюда — живо! Я долженъ предупредить его... и бѣлую манишку! Мнѣ это тотчасъ же пришло въ голову.

Луиза. Ради Бога! что такое?

Жена. Да что случилось? что такое?

Миллеръ (*бросаетъ ей свой парикъ*). Скорѣй къ парикмахеру! Что случилось? (*Подбѣгаетъ къ зеркалу.*) И борода опять ужь какъ щетка. Что случилось? что еще случится, чортова кукла? Все пошло вверхъ дномъ! ужь не сносить же тебѣ головы.

Жена. Вотъ онъ всегда такъ! ужь сейчасъ все и на меня.

Миллеръ. На тебя? да, проклятая трещѣтка! а то на кого же? Давича тоже сос своимъ дьявольскимъ барономъ! Не сказалъ я тогда же? Вурмъ все выболталъ.

Жена. Пуще всего. Ты то почему знаешь?

Миллеръ. Я почему знаю? Поди-ка! тамъ у дверей торчитъ посланный отъ министра.

Луиза. Я ни жива ни мертва.

Миллеръ. Ужь и ты-то со своими сладкими глазами! (*Злобно смѣется.*) Ужь это такъ! у кого чортъ снесетъ въ хозяйствѣ яичко, у того славная дочка родится. Теперь дѣло ясно.

Жена. Да почему ты знаешь, что объ Луизѣ дѣло? Можетъ тебя рекомендовали герцогу, можетъ онъ тебя въ оркестръ хочетъ.

Миллеръ (*схватываетъ свою палку*). Чтобы тебя громомъ разразило! Въ оркестръ! да, въ такой оркестръ, гдѣ ты будешь дишкантомъ выть, а моя синяя спина будетъ контрабасомъ. (*Бросается въ кресла.*) Боже милостивый!

Луиза (*садится, блѣдная какъ смерть*). Матушка, батюшка, что это мнѣ вдругъ такъ страшно стало?

Миллеръ (*вскакиваетъ опять со стула*). Только бы мнѣ попалась въ лапы эта чернильная душа! Только бы онъ мнѣ попался! На этомъ ли свѣтѣ или въ будущемъ — ужь выколочу же я ему и тѣло и душу! всѣ десять заповѣдей, всѣ семь прошеній изъ Отче нашъ и всѣ книги моисеевы и всѣхъ пророковъ выпишу ему на шкурѣ такъ что синяки не заживутъ до самаго свѣтопреставленія.

Жена. Да, ругайся, кричи! пуще всего этимъ поможешь. Господи спаси насъ грѣшныхъ! Куда намъ теперь дѣться? Что дѣлать? что начать? да говори же ты, Миллеръ! (*Съ воемъ бѣгаетъ по комнатѣ.*)

Миллеръ. Сейчасъ же иду къ министру. Я первый заговорю—самъ ему все скажу. Ты прежде меня знала. Могла бы мнѣ сказать. Можно бы еще дѣвку уговорить. Было еще время. Такъ нѣтъ. Помаклерить намъ надо было — въ мутной водицѣ рыбу

половить. Вотъ и надѣлала дѣла. Теперь сама и береги свою шкуру. Тѣшь, что наклянчила. Я возьму дочь и маршъ съ ней за границу!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. **ФЕРДИНАНДЪ** **ФОНЪ** **ВАЛЬТЕРЪ**
вбѣгаетъ въ испугъ и запыхавшись.

ФЕРДИНАНДЪ. Былъ здѣсь отецъ?

ЛУИЗА (*вскакиваетъ въ ужасъ*). Его отецъ! всемогущій Боже!

ЖЕНА (*всплескиваетъ руками*). Пре-
зидентъ? Пропали мы.

МИЛЛЕРЪ (*злобно хохочетъ*). Слава Богу, слава Богу, вотъ намъ и развязка.

ФЕРДИНАНДЪ (*бросается къ Луизѣ и крѣпко сжимаетъ ее въ объятіяхъ*). Ты моя, хотя бы адъ и небо встали между нами.

ЛУИЗА. Судьба моя рѣшена. Говори. Ты произнесъ ужасное имя! твой отецъ....

ФЕРДИНАНДЪ. Ничего, ничего! все улажено! Вѣдь ты опять со мною. Вѣдь я опять съ тобою. О! дай мнѣ отдохнуть на твоей груди. Это были страшныя минуты.

ЛУИЗА. Какія? ты убиваешь меня.

ФЕРДИНАНДЪ (*отступаетъ и многозначительно смотритъ на нее*). Минуты, Луиза, когда между моимъ сердцемъ и тобою встало постороннее лицо — когда моя любовь поблѣднѣла предъ моею совѣстью — когда моя Луиза перестала быть всѣмъ для своего Фердинанда.

Всѣ
вмѣ-
стѣ.

ЛУИЗА (*закрываетъ лицо руками и опускается въ кресла*).

ФЕРДИНАНДЪ (*быстро подходитъ къ ней; безмолвно стоитъ передъ ней, пристально на нее глядя; потомъ вдругъ отходитъ отъ нея; въ сильной тревогѣ*). Нѣтъ! никогда! невозможно, миледи! это ужъ слишкомъ. Я не могу принести тебѣ въ жертву этого невиннаго существа... нѣтъ! клянусь всемогущимъ Богомъ! я не могу нарушить моей клятвы. Грономъ небеснымъ звучить она мнѣ изъ этихъ смежающихся глазъ. Миледи, взгляните! Взгляни, кровожадный отецъ! И мнѣ убить этого ангела? зажечь адскимъ огнемъ эту небесную грудь? (*Рѣшительно подходитъ къ Луизѣ*.) Я поведу ее къ престолу небеснаго судіи и онъ, предвѣчный, скажетъ мнѣ, была ли моя любовь преступленіемъ. (*Беретъ ее за руку и подымаетъ съ кресла*) Ободришь, моя милая! Ты одержала верхъ; я возвращаюсь побѣдителемъ изъ опасной битвы.

ЛУИЗА. Нѣтъ, нѣтъ! не скрывай отъ меня ничего! произнеси страшный приговоръ. Ты называлъ своего отца — называлъ леди. Смертный трепетъ овладѣваетъ мной. Говорятъ, она выйдетъ замужъ.

ФЕРДИНАНДЪ (*падаетъ къ ногамъ Луизы*). За меня, несчастная!

ЛУИЗА (*послѣ нѣкотораго молчанія, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, съ ужасающимъ спокойствіемъ*). Что же? чего я испугалась? Вѣдь старикъ отецъ неразъ говорилъ мнѣ это; я все не хотѣла ему вѣрить. (*Молчаніе; она съ громкимъ плачемъ кидается въ объятія Миллера*.) Батюшка! дочь твоя опять съ тобою! прости меня, батюшка. Вино-

вато ли твое дитя, что этот сонъ былъ такъ прекрасенъ и такъ ужасно пробужденіе?

Миллеръ. Луиза! Луиза! Боже мой! она внѣ себя! дочь моя! бѣдное мое дитячко! Будь проклятъ соблазнитель. Будь ты проклята, вѣдьма!

Жена (*съ воплемъ кидается къ Луизѣ*). Заслужила ли я это проклятіе, моя Луиза? Богъ да простить васъ, баронъ! За что вы убиваете эту овечку?

Фердинандъ (*быстро подходитъ къ ней, съ рѣшимостью*). Но я сломя его интриги — разорву всѣ эти желѣзныя цѣпи предразсудка — мой выборъ будетъ выборомъ свободного человѣка, и эти мелкія души исчезнутъ въ исполинскомъ подвигѣ моей любви. (*Хочетъ идти.*)

Луиза (*съ трепетомъ встаетъ и идетъ за нимъ*). Останься! останься! Куда ты? Батюшка, матушка! въ эту ужасную минуту покидаетъ онъ насъ.

Жена (*бѣжитъ за нимъ и схватываетъ его за платье*). Сюда пріѣдетъ президентъ, онъ будетъ грубо обращаться съ нашей дочерью — съ нами. А вы оставляете насъ, господинъ Вальтеръ.

Миллеръ (*смѣется въ бѣшенствѣ*). Оставляетъ; а что жъ? отчего бы и не такъ? Вѣдь она все ему отдала. (*Одною рукою схватываетъ майора, а другою Луизу.*) Потерпите, баронъ. Развѣ только черезъ нее выйдешь ты изъ моего дома. Подожди сначала своего отца, если ты не трусъ. Расскажи ему, какъ ты вкрался въ это сердце, обманщикъ, или клянусь Богомъ (*отталкиваетъ къ нему дочь; громко и неистово*), сначала ты

раздавишь эту несчастную, которую любовь твоя обрекла на такой позоръ.

ФЕРДИНАНДЪ (*возвращается и ходитъ взадъ и впередъ въ глубокой задумчивости.*) Правда, власть президента велика. Права отца — громкое слово. Подъ нимъ можетъ притаиться и преступленіе. Далеко можетъ оно повести — далеко. Но къ крайней цѣли ведетъ лишь любовь. Ко мнѣ, Луиза! вложи свою руку въ мою! (*Крѣпко жметъ ей руку.*) Такъ же, какъ тому, что Богъ не оставитъ меня при послѣднемъ издыханіи, вѣрю я, что минута, которая разрознитъ намъ руки, разорветъ и нить, связующую меня съ міромъ.

ЛУИЗА. Мнѣ становится страшно. Не смотри на меня! Губы твои дрожатъ, въ глазахъ такой страшный блескъ!

ФЕРДИНАНДЪ. Нѣтъ, Луиза! не дрожи! Не безуміе говоритъ моими устами: это драгоцѣнный даръ небесъ, рѣшеніе въ важную минуту, когда стѣсненная грудь можетъ облегчить себя лишь неслыханнымъ усиліемъ! Я люблю тебя, Луиза! ты будешь моею. Теперь къ отцу. (*Быстро идетъ къ дверямъ и сталкивается въ нихъ съ президентомъ.*)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ПРЕЗИДЕНТЪ съ толпою слугъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*входя*). Онъ ужь тутъ!

ВСѢ (*въ испугъ*).

ФЕРДИНАНДЪ (*отступая на нѣсколько шаговъ*). Въ домъ невинности.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Гдѣ сынъ учится быть покорнымъ отцу.

ФЕРДИНАНДЪ. Оставьте намъ....

ПРЕЗИДЕНТЪ (*прерывая его, Миллеру*). Ты отецъ?

МИЛЛЕРЪ. Я музыкантъ Миллеръ.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*къ его женѣ*). Ты мать?

ЖЕНА. Да, да! мать.

ФЕРДИНАНДЪ (*Миллеру*). Отецъ! уведи дочь! она того и гляди упадетъ въ обморокъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Излишняя забота! Мы ее приведемъ въ чувство. (*Луизѣ*.) Давно ли ты знакома съ президентскимъ сыномъ?

ЛУИЗА. Я не спрашивала, кто онъ такой. Фердинандъ Вальтеръ ходитъ ко мнѣ съ ноября.

ФЕРДИНАНДЪ. Боготворить ее.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Давалъ онъ тебѣ обѣщанія?

ФЕРДИНАНДЪ. Самыя торжественныя, еще за нѣсколько минутъ — предъ лицомъ Бога.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*гнѣвно сыну*). погоди! тебя еще позовутъ къ исповѣди въ твоихъ безумствахъ. (*Луизѣ*.) Я жду отвѣта.

ЛУИЗА. Онъ клялся мнѣ въ любви.

ФЕРДИНАНДЪ. И сдержитъ клятвы.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Долго-ли мнѣ говорить, чтобы ты молчалъ? И ты принимала клятвы?

ЛУИЗА (*нѣжно*). Я отвѣчала тѣмъ же.

ФЕРДИНАНДЪ (*рѣшительно*). Союзъ нашъ заключенъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Я велю выкинуть вонъ это эхо! (*Злобно Луизѣ*.) Но, надѣюсь, онъ платилъ тебѣ каждый разъ?

ЛУИЗА (*внимательно*). Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ вы спрашиваете.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*съ злобной усмѣшкой*). Не понимаешь? Я хотѣлъ сказать: вѣдь у каждаго ремесла есть, какъ говорится, золотое дно. И ты, надѣюсь, не дарила же свои ласки? или можетъ быть рассчитывала на что нибудь поважнѣе? а?

ФЕРДИНАНДЪ (*подбѣгаетъ въ бѣшенствѣ*). Что такое?...

ЛУИЗА (*маіору съ досадой и достоинствомъ*). Господинъ Вальтеръ, вы теперь свободны!

ФЕРДИНАНДЪ. Батюшка! невинность и въ нищенскомъ платьѣ требуетъ уваженія.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*съ громкимъ хохотомъ*). Отличная выдумка! отецъ долженъ уважать любовницу сына.

ЛУИЗА (*падаетъ безъ чувствъ*). Праведное небо!

ФЕРДИНАНДЪ (*въ одно время съ Луизой, замахиваясь шпагою на президента, но тотчасъ же снова опуская ее*). Батюшка! разъ былъ я обязанъ вамъ жизнию — долгъ мой уплаченъ! (*Вкладываетъ шпагу въ ножны.*) Обязательство сыновней покорности разорвано.

МИЛЛЕРЪ (*до сихъ поръ боязливо стоявшій въ сторонѣ, выступаетъ тревожно впередъ и говоритъ то скрежеща зубами отъ бѣшенства, то дрожа отъ страха*). Ваше превосходительство — кому дитя ближе, какъ не отцу? — извините! — Кто позоритъ дочь, бьетъ въ лицо отца; а на пощечину даютъ пощечину — такая у насъ такса — извините!

ЖЕНА. Господи спаси насъ и помилуй! Вотъ и старикъ еще расходился — пропадутъ наши головышки!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*не слушая*). А! и сводникъ поднялся! мы сейчасъ съ тобою поговоримъ, сводникъ!

МИЛЛЕРЪ. Извините, меня зовутъ Миллеръ; если угодно послушать адажіо — извольте! — а сводничать я неумѣю. Пока этого народу много между знатью, насъ мѣщанъ еще не требуется. Извините!

ЖЕНА. Ради Бога, старикъ! ты погубишь и жену и дочь.

ФЕРДИНАНДЪ. Играя такую роль, батюшка, вамъ хоть бы отъ свидѣтелей себя избавить!

МИЛЛЕРЪ (*подходитъ къ нему ближе*). Хорошо и честно сказано! Извините! Ваше превосходительство, распоряжайтесь, какъ хотите, въ герцогствѣ! А это мой домъ. Низко вамъ поклонимся, если случится подавать докладную записку; а непрошенного гостя выбросимъ за порогъ! извините!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*блѣднѣя отъ бѣшенства*). Что такое? (*Подходитъ къ нему ближе.*)

МИЛЛЕРЪ (*осторожно отступаетъ*). Это было лишь мое мнѣніе, господинъ баронъ. Извините!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*внѣ себя отъ злости*). А! мерзавецъ! съ твоими дерзкими мнѣніями я тебя упечатаю въ острогъ. Эй! полицію сюда! (*Нѣкоторые изъ слугъ уходятъ. Президентъ въ бѣшенствѣ ходитъ скорыми шагами по комнатѣ.*) Отца въ острогъ! мать и потаскушку дочь къ позорному столбу! Правосудіе поможетъ моему бѣшенству. За это посрамленіе я потребую страшнаго удовлетворенія. Чтобы подобная сволочь

смѣла разрушать мои планы и безнаказанно стра-
вливать отца съ сыномъ? Пойдите, проклятые! я
утолю свою ненависть вашею гибелью. Все племя,
отца, мать и дочь отдамъ въ жертву своему пла-
менному мщенію!

ФЕРДИНАНДЪ (*подходитъ къ нимъ, съ спо-
койною увѣренностію*). Погодите еще! Не бой-
тесь! Я съ вами! (*Президенту съ покорностію*.)
Не будьте такъ поспѣшны, батюшка! Если вы до-
рожите собою, не употребляйте насилія! Есть уго-
локъ въ моемъ сердцѣ, гдѣ еще не слышалось ни-
когда слово «отецъ». Не затрогивайте этого уголка!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Молчи, негодяй! Не раздражай
меня еще больше!

МИЛЛЕРЪ (*приходя въ себя изъ безчув-
ственнаго оцѣпенѣнія*). Присмотри за дочерью,
жена! Я побѣгу къ герцогу. Придворный портной —
самъ Богъ подалъ мнѣ эту мысль — придворный
портной учится у меня на флейтѣ. Онъ поможетъ
мнѣ добраться до герцога. (*Хочетъ идти*.)

ПРЕЗИДЕНТЪ. До герцога? Ты видно забылъ,
что я порогъ, чрезъ который надо перескочить или
сломать шею. До герцога? Безмозглая голова! По-
пробуй это, когда будешь, заживо погребенный, си-
дѣть въ подземельѣ, въ тюрьмѣ, гдѣ любовно пе-
реглядываются ночь и адъ, и куда не проникаетъ
ни звукъ, ни свѣтъ. Греми тогда своими цѣпами
и плачь, что дожилъ до такой бѣды!

СЕДМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ПОЛИЦЕЙСКІЕ СЛУЖИТЕЛИ.

ФЕРДИНАНДЪ (*подбѣгаетъ къ Луизѣ, которая замертво падаетъ къ нему на руки*). Луиза! Помогите! Спасите! Страхъ пересилилъ ее.

МИЛЛЕРЪ (*схватываетъ свою палку, нападѣваетъ шляпу и становится въ оборонительное положеніе*).

ЖЕНА (*кидается на колѣни предъ президентомъ*).

ПРЕЗИДЕНТЪ (*къ полицейскимъ, показывая имъ свой орденъ*). Берите ихъ! именемъ герцога! Прочь отъ этой потаскушки, мальчишка! Не бѣда, что она въ обморокѣ. Какъ надѣнуть на нее желѣзный ошейникъ, такъ ее приведутъ въ чувство уличные мальчишки камнями и грязью.

ЖЕНА. Смилуйтесь, ваше превосходительство! Смилуйтесь! сжальтесь!

МИЛЛЕРЪ (*сердито поднимаетъ съ полу жену*). Умоляй Бога, старая дура, а не—злодѣя! За одно ужъ мнѣ идти въ острогъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*кусая губы*). Смотри, не ошибись въ расчетѣ, каналья! Можешь еще и на висѣлицу попасть. (*Полицейскимъ*.) Что вамъ сказано?

ПОЛИЦЕЙСКІЕ (*тѣсняются къ Луизѣ*)

ФЕРДИНАНДЪ (*подскакиваетъ къ ней и становится передъ нею; въ ожесточеніи*). Кто смѣетъ? (*Выхватываетъ шпагу вмѣстѣ съ ножнами и защищается ефесомъ*.) Пусть дотро-

нется до нея, кто и черепъ свой продалъ полиціи! (*Президенту.*) Пощадите себя! Не доведите меня до крайности, батюшка.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*съ угрозою полицейскимъ*). Если вамъ дорогъ вашъ хлѣбъ, трусы.

ПОЛИЦЕЙСКІЕ (*подступаютъ къ Луизѣ*).

ФЕРДИНАНДЪ. Прочь, черти! Говорятъ вамъ, прочь! — Еще разъ — пожалѣйте себя! не доведите меня до крайности, батюшка!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*въ бѣшенствѣ, полицейскимъ*). Такъ вотъ ваше усердіе, мошенники!

ПОЛИЦЕЙСКІЕ (*схватываютъ Луизу смѣлые*).

ФЕРДИНАНДЪ. Если ужъ на то пошло... (*Обнажаетъ шпагу и ранитъ нѣкоторыхъ изъ полицейскихъ.*) Прости мнѣ, небесное правосудіе!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*внѣ себя отъ гнѣва*). Посмотримъ, тронетъ ли и меня эта шпага! (*Самъ схватываетъ Луизу, поднимаетъ ее и передаетъ одному изъ полицейскихъ.*)

ФЕРДИНАНДЪ (*съ горькимъ смѣхомъ*). Батюшка! батюшка! вы представляете язвительный пасквиль на судьбу: плохо же знаетъ оно людей, что изъ отличныхъ палачей дѣлаетъ дурныхъ сановниковъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*къ полицейскимъ*). Уведите ее!

ФЕРДИНАНДЪ. Батюшка! она будетъ стоять у позорнаго столба, но вмѣстѣ съ маіоромъ, сыномъ президента. Вы все еще настаиваете на этомъ?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Тѣмъ забавнѣе будетъ спектакль. Ведите.

ФЕРДИНАНДЪ. Батюшка, я брошу свою офицерскую шпагу къ ея ногамъ. Вы все настаиваете?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Шпага твоя и на тебѣ привыкла къ позору. Ведите! ведите! вы слышали мою волю!

ФЕРДИНАНДЪ (*отталкиваетъ одного изъ полицейскихъ, одною рукою обхватываетъ Луизу, а другою заноситъ надъ ней шпагу*). Батюшка! я не позволю опозорить моей супруги; я скорѣе заколю ее! Вы все еще настаиваете?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Что жь? если клинокъ твой востеръ.

ФЕРДИНАНДЪ (*выпускаетъ Луизу изъ рукъ и поднимаетъ глаза къ небу*). Ты мнѣ свидѣтель, всемогущій Боже! Я перепробовалъ всѣ человѣческія средства — теперь надо приняться за дьявольскія. Ведите ее къ позорному столбу! а тѣмъ временемъ (*кричитъ на ухо президенту*) я расскажу по всей столицѣ исторію о томъ, какъ попадаютъ въ президенты! (*Уходитъ.*)

ПРЕЗИДЕНТЪ (*какъ громомъ пораженный*). Что такое?... Фердинандъ!... Оставьте ее! (*Бѣжитъ вслѣдъ за майоромъ.*)

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Зала у Президента.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Входятъ **ПРЕЗИДЕНТЪ** и **СЕКРЕТАРЬ ВУРМЪ.**

ПРЕЗИДЕНТЪ. Проклятая штука!

ВУРМЪ. Я этого опасался, ваше превосход-

тельство. Насиліе разоражаетъ мечтателей, но никогда не обращаетъ ихъ.

Президентъ. Я возлагалъ всѣ свои надежды на этотъ арестъ. Я такъ рассуждалъ: если дѣвѣ опозорить, онъ, какъ офицеръ, отступится.

Вурмъ. Прекрасно! Но безъ позору дѣло бы и не обошлось.

Президентъ. А все таки — какъ подумаю теперь хладнокровно — мнѣ не слѣдовало поддаваться. Онъ навѣрное никогда бы ни привелъ въ исполненіе своей угрозы.

Вурмъ. Не думайте этого! Раздраженная страсть готова на всякое безуміе. Вы говорите, маіоръ всегда покачивалъ головою, глядя на ваше управленіе. Очень вѣрю. Правила, которыя онъ привезъ сюда изъ академіи, съ перваго же разу показались мнѣ не совсѣмъ ясны. На что могутъ годиться фантастическія мечты о великодушіи и личномъ благородствѣ, когда высшая мудрость заключается въ томъ, чтобы быть и великимъ и малымъ спокойно, на извѣстный ладъ? Онъ слишкомъ молодъ и слишкомъ горячъ. Ему не можетъ нравиться медленный извилистый ходъ интриги, и затронуть его самолюбіе способно только что нибудь великое или необыкновенное.

Президентъ (*съ досадою*). Все это очень дѣльно, да исправить ли это наши дѣла?

Вурмъ. Я хотѣлъ указать вашему превосходительству на рану, а можетъ быть и на лекарство. Съ такимъ характеромъ, извините! или не слѣдовало вовсе дружить, или не надо было ссориться. Онъ презираетъ средства, которыя возвысили васъ. Мо-

жетъ быть до сихъ поръ только какъ сынъ удерживалъ онъ языкъ предателя. Дайте ему случай хорошенько сбросить съ себя сыновній долгъ; заставьте его, повторяя нападенія на его страсть, думать, что вы для него не нѣжный отецъ — и у него выступятъ на первый планъ обязанности патріота. Ужь одна странная фантазія принести правосудію такую замѣчательную жертву могла бы прельстить его и заставить пожертвовать своимъ отцомъ.

Президентъ. Вурмъ! Вурмъ! ты подводишь меня къ страшной безднѣ.

Вурмъ. Я и отведу васъ. Могу я говорить откровенно?

Президентъ (*сидясь*). Какъ приговоренный со своимъ товарищемъ.

Вурмъ. Въ такомъ случаѣ извините меня. Вы, мнѣ кажется, обязаны всѣмъ своимъ президентствомъ гибкой придворной наукѣ; отчего не ввѣрили вы себя ей и какъ отца? Я помню, съ какимъ чисто-сердечіемъ вы уговорили тогда своего предшественника сыграть партію въ пикетъ и провели у него чуть не цѣлую ночь, дружески попивая съ нимъ бургонское; а вѣдь въ эту самую ночь должна была вспыхнуть подведенная подъ него мина и взорвать его на воздухъ. Зачѣмъ указали вы на врага своему сыну? Ему совсѣмъ бы не слѣдовало знать, что мнѣ извѣстны его любовныя дѣла. Вы могли бы разстроить этотъ романъ со стороны дѣвушки и удержать за собою сердце сына. Вамъ бы слѣдовало сыграть роль ловкаго полководца, который нападаетъ не на главныя силы врага, а старается разбить его отряды.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Да какъ могъ я это сдѣлать?

ВУРМЪ. Очень просто — и дѣло еще не совсемъ проиграно. Забудьте на время, что вы отецъ. Не вступайте въ борьбу со страстью, которую каждое сопротивленіе только усиливаетъ. Предоставьте мнѣ — на ея же огнѣ вывести червя, который ее подточитъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Это мнѣ любопытно.

ВУРМЪ. Или я плохо понимаю барометръ души, или маіоръ такъ же ужасенъ въ ревности, какъ и въ любви. Заподозрите дѣвушку въ его глазахъ — хоть даже безъ всякаго вѣроятія. Довольно одного грана дрожжей, чтобы привести цѣлую массу въ разрушительное броженіе.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Откуда взять этотъ гранъ?

ВУРМЪ. Вотъ мы и дошли до главнаго пункта. Прежде всего объясните мнѣ, многимъ ли вы рискуете при дальнѣйшемъ упорствѣ маіора? въ какой степени для васъ важно покончить романъ съ мѣщанскою дѣвушкою и привести въ исполненіе планъ относительно леди Мильфордъ?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Можешь ли ты объ этомъ спрашивать, Вурмъ? Я рискую всею своимъ вліяніемъ, если свадьба съ леди не удастся, и головою, если стану принуждать маіора.

ВУРМЪ (*съ одушевленіемъ*). Теперь будьте такъ добры и выслушайте меня! Маіора мы опутаемъ хитростью... Противъ дѣвушки призовемъ на помощь всю вашу власть. Мы продиктуемъ ей любовную записочку къ третьему лицу и ловкимъ образомъ подсунемъ ее маіору.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Глупая выдумка! Такъ она

сейчасъ и согласится написать свой собственный смертный приговоръ!

В у р м ъ. Должна согласиться, только уполномочьте меня! Я знаю вдоль и поперекъ ея доброе сердце. У нея всего двѣ слабыя стороны, которыми можно покорить ея совѣсть — отецъ ея и маіоръ. Послѣдній останется совсѣмъ въ сторонѣ; тѣмъ лучше можно намъ распорядиться музыкантомъ.

Президентъ. Напримѣръ?

В у р м ъ. Послѣ того, что вы рассказали мнѣ о сценѣ въ его домѣ, нѣтъ ничего легче, какъ угрозить старика уголовнымъ судомъ! Особа любимца герцога и хранителя печати есть нѣкоторымъ образомъ зеркало величества. Оскорбить президента тоже, что оскорбить величество. По крайней мѣрѣ этимъ ловкимъ пугаломъ я съумѣю вытянуть въ нитку бѣднаго музыканта.

Президентъ. Но — не надо заводить серьезнаго дѣла.

В у р м ъ. Какъ можно? надо только поставить всю семью въ затруднительное положеніе. Прежде всего мы засадимъ въ тихомолку музыканта. Чтобы напугать побольше, можно взять и мать — наговорить объ уголовномъ обвиненіи, объ эшафотѣ, о пожизненномъ заключеніи въ крѣпость, и единственнымъ условіемъ его освобожденія сдѣлать письмо дочери.

Президентъ. Прекрасно, понимаю.

В у р м ъ. Она любитъ отца — до страсти, можно сказать. Опасность его жизни — по крайней мѣрѣ его свобода — упреки совѣсти, что она сама подала къ тому поводъ — невозможность обладать

маіоромъ—наконецъ путаница въ головѣ, о которой я постараюсь — все это вмѣстѣ... она должна попасть въ западню.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Но сынъ мой? вѣдь онъ пожалуй тотчасъ обо всемъ узнаетъ.. Это взбѣситъ его еще больше.

ВУРМЪ. Ужъ это предоставьте вы мнѣ. Отца и мать мы выпустимъ не прежде, какъ вся семья дастъ намъ формальную присягу держать все дѣло въ секретѣ и подтвердить обманъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Присягу? да что значить присяга, глупецъ?

ВУРМЪ. Для насъ ничего, ваше превосходительство! но для этого сорта людей — все. Теперь посмотрите, какъ ловко такимъ образомъ оба мы достигнемъ цѣли. Дѣвушка потеряетъ любовь маіора и свою добрую славу. Отецъ и мать попритихнутъ, и мало по малу вся эта передряга такъ ихъ укротитъ, что они подъ конецъ станутъ считать милостью, если я, для исправленія репутаціи ихъ дочери, предложу ей руку.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*качаетъ головою и смѣется*). Да ты меня перехитрилъ, плутъ! Все придумано дьявольски тонко! Ученикъ превзошелъ учителя. Теперь вотъ въ чемъ вопросъ: къ кому должно быть адресовано письмо? съ кѣмъ ее заподозрить?

ВУРМЪ. Разумѣется, съ такимъ человѣкомъ, который или все выиграетъ или все потеряетъ отъ рѣшенія вашего сына.

ПРЕЗИДЕНТЪ (*подумавъ немного*). Я знаю только гофмаршала.

В у р м ь (*пожимая плечами*). Будь я Луиза Миллеръ, онъ былъ бы не въ моемъ вкусѣ.

П р е з и д е н т ь. Отчего жъ нѣтъ? Превосходно! Блестящій нарядъ — атмосфера eau de mille fleurs и мускуса — что ни слово, то пошлость и горсть червонцевъ... Будто все это не можетъ наконецъ вскружить голову мѣщанкѣ? Ахъ, мой другъ! ревность не такъ разборчива. Я пошлю за маршаломъ. (*Звонитъ.*)

В у р м ь. Между тѣмъ, пока ваше превосходительство займетесь имъ и прикажете арестовать скрипача, я пойду и сочиню требуемое любовное письмо.

П р е з и д е н т ь (*идетъ къ письменному столу*). Какъ напишешь, принеси мнѣ его прочесть (*Вурмъ уходитъ. Президентъ садится писать; входитъ камердинеръ; онъ встаетъ и подаетъ ему бумагу.*) Сію же минуту послать этотъ приказъ объ арестованіи въ полицію. Ктонибудь другой изъ васъ пусть сходить къ гофмаршалу, попросить его ко мнѣ.

К а м е р д и н е р ь. Господинъ гофмаршалъ только что изволили подѣхать къ крыльцу

П р е з и д е н т ь. Тѣмъ лучше. Но арестъ произвести какъ можно осторожнѣе — скажи тамъ — чтобы не вышло шуму!

К а м е р д и н е р ь. Очень хорошо, ваше превосходительство.

П р е з и д е н т ь. Понимаешь? какъ можно тише!

К а м е р д и н е р ь. Слушаю, ваше превосходительство. (*Уходитъ.*)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЗИДЕНТЪ и ГОФМАРШАЛЬ.

ГОФМАРШАЛЬ (*торопливо*). А я въ вамъ en passant, милѣйшій. Ну что вы? какъ поживаете? Сегодня вечеромъ идетъ большая опера Dido — удивительнѣйшій фейерверкъ — весь городъ будетъ пылатъ. Надѣюсь, вы посмотрите? а!

ПРЕЗИДЕНТЪ. У меня теперь въ домѣ такой фейерверкъ, что того и гляди и меня и все мое значеніе взорветъ на воздухъ. Вы какъ разъ кстати пріѣхали, любезный маршалъ — посовѣтовать мнѣ и дѣятельно помочь въ дѣлѣ, которое насъ обоихъ или далеко подвинетъ или совсѣмъ убьетъ. Садитесь!

ГОФМАРШАЛЬ. Вы меня пугаете, милѣйшій!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Я вамъ говорю, или подвинетъ или совсѣмъ убьетъ. Вы знаете мой проектъ женить маіора на леди. Вы понимаете, какъ было необходимо упрочить и ваше и мое счастіе. Все можетъ рухнуть, Кальбъ. Фердинандъ мой не соглашается.

ГОФМАРШАЛЬ. Не соглашается? не соглашается? Да вѣдь я раструбилъ объ этомъ по всему городу. Всѣ ужъ говорятъ о свадьбѣ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Вы можете прослыть по всему городу лгуномъ. Онъ любитъ другую.

ГОФМАРШАЛЬ. Вы шутите! Да будто это препятствіе?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Самое непреодолимое съ такой упрямой головой.

ГОФМАРШАЛЬ. Надо быть безъ ума, чтобы отказываться отъ своего счастья! не правда-ли?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Спросите его, и послушайте, что онъ отвѣтитъ.

ГОФМАРШАЛЬ. Mon Dieu! да что же онъ можетъ отвѣтитъ?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Что онъ откроетъ всему свѣту преступленіе, которое вывело насъ въ знать — что онъ укажетъ наши фальшивыя письма и отчеты — что обоихъ насъ выдастъ головою — вотъ что онъ вамъ отвѣтитъ!

ГОФМАРШАЛЬ. Полноте! что вы?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Онъ это отвѣчалъ. Онъ даже былъ готовъ привести все это въ исполненіе. Я едва могъ отворотить его отъ этого своимъ величайшимъ униженіемъ. Что вы на это скажете?

ГОФМАРШАЛЬ (*съ бараньимъ выраженіемъ въ лицѣ*). Я ничего ни могу придумать.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Это бы еще ничего. Но въ то же время шпионы мои доносятъ мнѣ, что оберъ-шенкъ Бокъ уже совсѣмъ готовъ посвататься за леди.

ГОФМАРШАЛЬ. Вы меня съ ума сводите! Кто такой? Бокъ, вы говорите? Да знаете-ли вы, что мы смертельные враги? знаете, почему?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Въ первый разъ слышу.

ГОФМАРШАЛЬ. Милѣйшій! я вамъ расскажу и у васъ волосъ дыбомъ поднимется. Помните вы придворный балъ — этому теперь двадцать первый годъ — помните, еще на немъ танцовали въ первый разъ

англійскую кадрили, и графу Мершауму облило домино горячимъ воскомъ съ люстры — ахъ, Боже мой! да вы разумѣтся помните!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Развѣ такія вещи забываются?

ГОФМАРШАЛЬ. Ну да. Такъ вотъ видите ли? тутъ принцесса Амалія въ пылу танца потеряла подвязку. Все разумѣтся пришло въ тревогу. Бокъ и я — мы были еще камеръ-юнкеры — ползаемъ по всей залѣ — ищемъ подвязку. Наконецъ я увидалъ ее... Бокъ это замѣчаетъ — кидается на нее, вырываетъ у меня изъ рукъ... вообразите! подаетъ ее принцессѣ, и на его долю достается милостивая улыбка. Какъ вы это назовете?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Удивительная дерзость!

ГОФМАРШАЛЬ. Достается милостивая улыбка. Я чуть не упалъ въ обморокъ. Видана ли подобная наглость? Наконецъ я ободряюсь, подхожу къ ея высочеству, и говорю: «Ваше высочество! Бокъ былъ такъ счастливъ, что передалъ вамъ подвязку; но кто первый увидалъ ее, награжденъ уже однимъ этимъ, и молчить.»

ПРЕЗИДЕНТЪ. Браво, маршалъ! брависсимо!

ГОФМАРШАЛЬ. И молчить... Но я не забуду этого Боку до страшнаго суда... Подлый, пресмыкающійся льстецъ! Да это не все! Когда мы оба кинулись на полъ, къ подвязкѣ, Бокъ стеръ у меня съ головы на правой сторонѣ всю пудру и погубилъ меня на весь балъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. И этотъ человѣкъ женится на Мильфордъ и будетъ первою особой при дворѣ!

ГОФМАРШАЛЬ. Лучше бы вы ударили меня

ножемъ въ сердце. Онъ женится... онъ будетъ... Да почему же? Я не вижу необходимости.

Президентъ. Фердинандъ мой не соглашается, а другаго охотника нѣтъ.

Гофмаршалъ. Да неужто вы не знаете никакого средства заставить маіора рѣшиться? хоть какого нибудь самаго страннаго, самаго отчаяннаго средства? Да для насъ нѣтъ теперь ничего такого, передъ чѣмъ бы можно было остановиться—только бы помѣшать проклятому Боку.

Президентъ. Я знаю только одно средство, и оно зависитъ отъ васъ.

Гофмаршалъ. Отъ меня? какое же это средство?

Президентъ. Разсорить маіора съ его возлюбленной.

Гофмаршалъ. Разсорить? То есть какъ же это? и что же я могу сдѣлать?

Президентъ. Все будетъ улажено, если мы заподозримъ въ его глазахъ дѣвушку.

Гофмаршалъ. Въ чемъ же? въ воровствѣ напимѣрь?

Президентъ. Ахъ, что вы? Кто же этому повѣрить? Нѣтъ; что у нея есть другой любовникъ.

Гофмаршалъ. И этотъ другой?

Президентъ. Должны быть вы, баронъ.

Гофмаршалъ. Я? Она дворянка?

Президентъ. Это къ чему? что за мысль! Она дочь музыканта.

Гофмаршалъ. Значить, мѣщанка? Это нейдетъ. Не правда-ли?

Президентъ. Что нейдетъ? какой вздоръ!

Да кому же можетъ придти въ голову справляться о родословной у хорошенькой дѣвочки?

Г о ф м а р ш а л ь. Но вы вспомните, что я человекъ женатый. И притомъ моя репутація при дворѣ ..

П р е з и д е н т ь. А! это другое дѣло. Извините. Я еще этого не зналъ, что для васъ важнѣе быть человекомъ безукоризненной нравственности, чѣмъ человекомъ съ вліяніемъ. Оставимъ этотъ разговоръ.

Г о ф м а р ш а л ь. Ахъ, полноте, баронъ. Я не такъ васъ понималъ.

П р е з и д е н т ь (*холодно*). Нѣтъ, нѣтъ. Вы совершенно правы; мнѣ уже и самому надоѣло. Я остановлю машину. Пусть Бокъ будетъ первымъ министромъ. Не только свѣту, что въ окошкѣ; я попрошу у герцога отставку.

Г о ф м а р ш а л ь. А я? Вамъ хорошо говорить! вы ученый! а я — *mon Dieu!* что будетъ со мною, если меня отставитъ его высочество?

П р е з и д е н т ь. Вы будете вчерашнимъ каламбуромъ, прошлогоднею модой!

Г о ф м а р ш а л ь. Умоляю васъ, добрейшій, милѣйшій! выбросьте изъ головы эту мысль! вѣдь я готовъ на всё!

П р е з и д е н т ь. Хотите вы дать свое имя для свиданія, которое письменно назначить вамъ эта Миллеръ?

Г о ф м а р ш а л ь. Боже мой! разумѣется.

П р е з и д е н т ь. Вы выроните это письмо гдѣ нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно можетъ попасться на глаза маіору.

Г о ф м а р ш а л ь. Напримѣръ на парадѣ; я какъ будто нечаянно выроню его, вынимая носовой платокъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. И разыграете передъ маіоромъ роль любовника.

ГОФМАРШАЛЪ. Mort de ma vie! ужь я же его отдѣлаю! я отобью у дерзкаго охоту мѣшать моимъ амурамъ!

ПРЕЗИДЕНТЪ. И такъ все улажено! письмо будетъ написано сегодня же. Вы передъ вечеромъ зайдете сюда взять его и уговориться со мною на счетъ вашей роли!

ГОФМАРШАЛЪ. Какъ только сдѣлаю шестнадцать визитовъ чрезвычайной важности. Поэтому извините меня, что я не остаюсь у васъ дольше. *(Идетъ.)*

ПРЕЗИДЕНТЪ *(звонитъ)*. Я рассчитываю на вашу ловкость, маршалъ!

ГОФМАРШАЛЪ *(оглядываясь)*. Ахъ, mon Dieu! вѣдь вы меня знаете!

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЗИДЕНТЪ. Вурмъ.

Вурмъ. Скрипача и его жену преспокойно и безъ всякаго шуму отправили подъ арестъ. Не угодно ли вашему превосходительству прочесть теперь письмо?

ПРЕЗИДЕНТЪ *(прочитавши)*. Превосходно, Вурмъ! Превосходно! И маршалъ согласенъ! Ядъ, подобный этому, способенъ превратить и самое здоровье въ гнойную проказу. Теперь надо сейчасъ отправиться съ предложеніями къ отцу, а потомъ хорошенько заняться дочерью! *(Расходятся въ разныя стороны.)*

Комната въ квартирѣ Миллера.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ. ЛУИЗА.

ЛУИЗА. Умоляю тебя, перестань! Я уже не жду больше счастливыхъ дней. Всѣ надежды мои рушились.

ФЕРДИНАНДЪ. Зато мои надежды возрасли! Отецъ мой раздраженъ; онъ направитъ на насъ всѣ орудія! Онъ принудитъ меня сдѣлаться безчеловѣчнымъ сыномъ! Я ужь не дорожу своимъ сыновнимъ долгомъ! бѣшенство и отчаяніе вынудятъ у меня черную тайну совершеннаго имъ убійства. Сынъ выдастъ отца въ руки палача.... это *наибольшая* опасность... Но что значать и высшія опасности, когда любовь моя рѣшается на исполинскій шагъ?... Послушай, Луиза! мысль, великая и дерзкая, какъ моя страсть, тѣснится ко мнѣ въ душу... *ты*, Луиза, и *я*, и *любовь*! не все ли небо заключено въ этомъ кругу? или тебѣ нужно еще что нибудь четвертое?

ЛУИЗА. Довольно! Замолчи! мнѣ страшно того, что ты хочешь сказать!

ФЕРДИНАНДЪ. Вѣдь мы ничего не требуемъ больше отъ міра; такъ зачѣмъ же намъ просить у него, какъ милости, одобренія? къ чему попытки? мы ничего не выиграемъ и можемъ все потерять! Развѣ не такъ же страстно будутъ горѣть эти глаза, гдѣ бы они ни отражались, въ Рейнѣ или въ Эльбѣ или въ Балтійскомъ морѣ? Отечество мое тамъ, гдѣ меня любитъ Луиза! слѣды ногъ твоихъ въ дикой песчаной пустынѣ для меня дороже готи-

ческихъ зданій на моей родинѣ. Намъ нечего будетъ жалѣть пышности городовъ! гдѣ бы мы ни были, Луиза, такъ же будетъ восходить, такъ же закатываться солнце... а передъ этимъ зрѣлищемъ блѣднѣютъ и самыя высшія усилія искусства! У насъ не будетъ храма, гдѣ бы мы могли молиться Богу; но ночь окружитъ насъ благоговѣйнымъ мракомъ; смѣняющійся мѣсяцъ будетъ указывать намъ дни воздержанія; съ нами будетъ молиться священная церковь звѣздъ! Можемъ ли мы истощиться въ бесѣдахъ любви? улыбки моей Луизы довольно для столѣтій, и я не успѣю изслѣдовать эту слезу, какъ уже и конченъ сонъ жизни!

Луиза. Будто у тебя нѣтъ иныхъ обязанностей, кромѣ твоей любви?

Фердинандъ (*обнимая ее*). Твое спокойствіе — моя священнѣйшая обязанность!

Луиза (*очень серьезно*). Такъ молчи же и оставь меня. У меня отецъ, у котораго нѣтъ другаго достоянія, кромѣ единственной дочери — которому на дняхъ минетъ шестьдесятъ лѣтъ — который не уйдетъ отъ мщенія президента.

Фердинандъ (*быстро прерываетъ ее*). Мы возьмемъ его съ собою. Не возражай мнѣ, милая! я пойду, превращу въ деньги свои вещи, сдѣлаю заемъ на имя моего отца. Не грѣхъ ограбить разбойника, и развѣ богатство его не куплено кровью родной земли? — Ровно въ часъ ночи будетъ готовъ экипажъ. Вы сядете въ него, и мы бѣжимъ!

Луиза. А за нами послѣдуетъ проклятіе твоего отца? Такихъ проклятій, безразсудный, не проносятъ бесплодно и убійцы; такими проклятіями

небесное мщеніе увеличиваетъ муки преступника въ минуту казни. Это проклятіе будетъ безпощадно преслѣдовать насъ, бѣглецовъ, какъ призракъ, отъ моря до моря! — Нѣтъ, мой милый; если только одно преступленіе можетъ дать мнѣ тебя, то я найду въ себѣ силы потерять тебя.

ФЕРДИНАНДЪ (*стоитъ и мрачно говоритъ про себя*). Въ самомъ дѣлѣ?

ЛУИЗА. Потерять! О! безгранично ужасна эта мысль — такъ ужасна, что способна сокрушить бессмертный духъ и погасить яркій румянецъ радости. Фердинандъ! потерять тебя! Но вѣдь мы теряемъ лишь то, чѣмъ обладали, а сердце твое принадлежитъ твоему состоянію... Мои притязанія были святотатствомъ, и я съ трепетомъ отказываюсь отъ нихъ.

ФЕРДИНАНДЪ (*кусая нижнюю губу, съ выраженіемъ скорби въ лицѣ*). Отказываешься?

ЛУИЗА. Нѣтъ! взгляни на меня, милый Вальтеръ! не улыбайся такъ горько! Взгляни! дай мнѣ оживить своимъ примѣромъ твое умирающее мужество! позволь мнѣ быть героиней этой минуты — возвратить отцу отшатнувшагося сына — отказаться отъ союза, который поколебнулъ бы основы мѣщанскаго міра и разрушилъ бы всеобщій вѣчный порядокъ... Я преступница... сердце мое питало дерзкія, безумныя желанія. Несчастіе дано мнѣ въ наказаніе; такъ предоставь же мнѣ сладкое, обольстительное заблужденіе, что я принесла жертву... неужто ты откажешь мнѣ въ этомъ наслажденіи?

ФЕРДИНАНДЪ (*въ разсѣянности и бѣшенствѣ взявшій скрипку и пробовавшій на ней*

играть, обрываетъ струны, разбиваетъ инструментъ объ полъ и громко хохочетъ).

Луиза. Вальтеръ! Боже праведный! что съ тобою? ободрись! Въ эту минуту нужно мужество — это минута разлуки! У тебя есть сердце, милый Вальтеръ! я знаю его! горяча, какъ жизнь, твоя любовь, и нѣтъ ей предѣловъ, какъ вселенной... подари ее благородной и болѣе достойной — и она не позавидуетъ самымъ счастливейшимъ женщинамъ... (сдерживая слезы) со мною тебѣ не должно больше видѣться... Пусть суетная обманутая дѣвушка выплачетъ въ одинокихъ стѣнахъ свое горе! что кому за дѣло до ея слезъ? Все пусто, все вымерло въ моемъ будущемъ.... Но я буду порою улаживать себя поблѣкшимъ вѣнкомъ прошедшаго. (Отвращая лицо, подаетъ ему дрожащую руку.) Прощайте, Вальтеръ!

Фердинандъ (приходя въ себя изъ оцѣпененія). Я убѣгу, Луиза! И ты точно не хочешь бѣжать со мною?

Луиза (садится во глубинѣ комнаты и закрываетъ лицо руками). Долгъ мой велитъ мнѣ остаться и терпѣть.

Фердинандъ. Ты лжешь, змѣя! другое останавливаетъ тебя здѣсь.

Луиза (тономъ глубочайшей, подавленной скорби). Оставайтесь при этомъ предположеніи — съ нимъ можетъ-быть горе не такъ горько.

Фердинандъ. Холодный долгъ въ отвѣтъ на пламенную любовь! И ты хочешь отвести мнѣ глаза этою сказкою? У тебя есть любовникъ, и горе тебѣ и мнѣ, если подозрѣніе мое оправдается! (Быстро уходитъ.)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛУИЗА одна.

(Она остается нѣсколько времени безъ движенія и безъ словъ, наконецъ встаетъ, выходитъ впередъ и боязливо осматривается.)

Гдѣ это батюшка съ матушкою? — Батюшка обѣщалъ воротиться чрезъ нѣсколько минутъ, а вотъ уже прошло цѣлыхъ пять ужасныхъ часовъ... Ужь не случилось ли съ нимъ какой бѣды... Что это со мною? у меня что-то сердце замираетъ.

(Въ эту минуту входитъ въ комнату Вурмъ и останавливается во глубинѣ сцены. Луиза не замѣчаетъ его.)

Вѣдь этого ничего нѣтъ.. это лишь страшная игра разгоряченной крови. Стоить разъ переполниться душѣ ужасомъ, и глазамъ въ каждомъ углу представляются привидѣнія.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ЛУИЗА. СЕКРЕТАРЬ ВУРМЪ.

ВУРМЪ (подходя ближе). Съ добрымъ вечеромъ.

ЛУИЗА. Боже мой! кто тутъ? (Она оборачивается, замѣчаетъ Вурма и въ испугъ отступаетъ.) Это ужасно! ужасно! мое грозное предчувствіе ужъ готово грозно сбыться. (Вурму, съ презрительнымъ взглядомъ.) Вы ищете можетъ быть президента? его ужъ нѣтъ здѣсь.

В у р м ъ. Я васъ ищу.

Л у и з а. Удивляюсь, что вы пошли не на площадь.

В у р м ъ. Зачѣмъ же *туда*?

Л у и з а. Увести вашу невѣсту отъ позорнаго столба.

В у р м ъ. Мамзель Миллеръ! вы напрасно меня подозрѣваете....

Л у и з а (*не желая отвѣчать*). Что вамъ угодно?

В у р м ъ. Меня прислалъ вашъ батюшка.

Л у и з а (*въ испугъ*). Батюшка! Гдѣ батюшка?

В у р м ъ. Гдѣ не очень бы хотѣлъ быть.

Л у и з а. Ради Бога! скорѣе! У меня замираетъ сердце.... Гдѣ батюшка?

В у р м ъ. Въ острогъ, если вамъ непременно хочется это знать.

Л у и з а (*обращая взоръ къ небу*). Этого не доставало! еще этого!.. въ острогъ? за что же?

В у р м ъ. По приказанію герцога.

Л у и з а. Герцога?

В у р м ъ. За оскорбленіе величества въ лицѣ его представителя....

Л у и з а. Что? что такое? О Боже всемогущій!

В у р м ъ. Ему назначено примѣрное наказаніе

Л у и з а. Только этого не доставало! только этого... Да, да! у сердца моего были, кромѣ маіора, завѣтныя привязанности... можно ли было пощадить ихъ? Оскорбленіе величества... Небесное провидѣніе! спаси! спаси мою гаснущую вѣру! А Фердинандъ?

В у р м ъ. Долженъ выбрать или леди Мильфордъ или проклятіе и лишеніе наслѣдства.

Луиза. Страшная свобода выбора! И все таки — все таки онъ счастливѣе. Ему нечего терять отца. Впрочемъ не *имѣть* отца — уже довольно горя! Отецъ мой обвиненъ въ оскорбленіи величества — милому моему — или леди, или проклятiе и лишеніе наслѣдства... Это въ самомъ дѣлѣ удивительно! Высшая подлость есть тоже совершенство... Совершенство? Нѣтъ! недостаетъ еще одного... Гдѣ матушка?

Вурмъ. Въ рабочемъ домѣ.

Луиза (*съ скорбной улыбкою*). Теперь все! все и я на свободѣ — лишенная всѣхъ обязанностей — и слезъ — и радостей — лишенная провидѣнія. На что мнѣ оно теперь? (*Страшное молчаніе.*) Можетъ быть у васъ есть что нибудь еще въ запасѣ? договаривайте. Теперь я могу выслушать все.

Вурмъ. Что случилось, вы знаете.

Луиза. Но не знаю, что случится? (*Молчаніе. Она осматриваетъ Вурма съ ногъ до головы.*) Бѣдный человѣкъ! у тебя печальное ремесло; съ нимъ невозможно тебѣ быть счастливымъ. — Дѣлать другихъ несчастными — ужасно; но возвѣщать имъ ихъ несчастія — отвратительно.... каркать имъ ворономъ, смотрѣть, какъ окровавленное сердце трепещетъ въ желѣзныхъ клещахъ необходимости, какъ христiане сомнѣваются въ Богѣ. Боже сохрани меня! да если бъ за каждую каплю слезъ, которую ты видишь, давали по бочкѣ золота — я не хотѣла бы быть на твоемъ мѣстѣ. — Что же можетъ еще случиться?

Вурмъ. Не знаю.

Луиза. Вы не хотите этого знать; эта боящаяся свѣта вѣсть опасается звука словъ, но въ

могильной тишинѣ вашего лица я вижу страшный призракъ... Что же еще остается? Вы сказали: герцогъ хочетъ примѣрно наказать? Что же такое, по вашему, примѣрно?

В у р м ъ. Не спрашивайте меня больше.

Л у и з а. Послушай! ты былъ въ ученьи у палача. Иначе ты не умѣлъ бы сначала тихо и осторожно проводить желѣзомъ по сломаннымъ суставамъ и дразнить замирающее сердце легкимъ, щадящимъ прикосновеніемъ... Какая судьба ждетъ моего отца? въ томъ, что ты говоришь съ усмѣшкою — смерть; чего же ты не хочешь высказать? Говори! обрушь на меня съ разу весь подавляющій грузъ! Что ждетъ моего отца?

В у р м ъ. Криминальный процессъ.

Л у и з а. Да что это такое? Я ничего не знаю, не понимаю, что значать ваши страшныя латинскія слова. Что это такое криминальный процессъ?

В у р м ъ. Судъ на жизнь или смерть.

Л у и з а (*рѣшительно*). Благодарю васъ! (*Убѣгаетъ въ сосѣдную комнату*.)

В у р м ъ (*въ смущеніи*). Что это значить? Ужь дура не вздумала ли... чортъ возьми! Не можетъ быть... Я побѣгу за нею — я отвѣчаю за ея жизнь... (*Хочетъ идти за Луизой.*)

Л у и з а (*возвращается, накинувъ на себя плащъ*). Извините меня, господинъ Вурмъ! надо запереть дверь: я ухожу.

В у р м ъ. Куда же такъ поспѣшно?

Л у и з а. Къ герцогу. (*Хочетъ идти.*)

В у р м ъ. Что? куда? (*Удерживаетъ ее въ испугъ.*)

Луиза. Къ герцогу. Развѣ вы не слышите? Къ тому самому герцогу, который хочетъ велѣть судить моего отца на жизнь или смерть... нѣтъ! не хочетъ — долженъ велѣть судить, потому-что этого хотятъ нѣсколько злодѣевъ... Во всемъ этомъ процессѣ объ оскорбленіи величества герцогъ участвуетъ только своимъ величествомъ да своею герцогскою подписью.

Вурмъ (*громко хохочетъ*). Къ герцогу!

Луиза. Я знаю, надъ чѣмъ вы смѣетесь — да вѣдь я иду туда не въ надеждѣ на милость — Боже меня сохрани! Я хочу только встревожить его своимъ крикомъ. Я слыхала, что великіе этого міра еще не знаютъ, что такое горе — не хотятъ знать. Я скажу ему, что такое горе — представлю ему въ конвульсіяхъ смерти, что такое горе — изъ моихъ стоновъ, проникающихъ до мозга костей, узнаетъ онъ, что такое горе — и когда послѣ моего разсказа дыбомъ встанутъ у него на головѣ волосы, я прокричу ему на ухо, что на смертномъ одрѣ такъ же хрипятъ и земные боги, и что на страшномъ судѣ смѣшаются въ одну толпу и герцоги и нищіе. (*Хочетъ идти.*)

Вурмъ (*съ злобною радостію*). Идите, идите! умнѣе ничего нельзя выдумать. Я вамъ совѣтую идти, и даю вамъ слово, что герцогъ согласится.

Луиза (*вдругъ останавливается*). Что вы сказали? вы мнѣ сами совѣтуете? (*Быстро возвращается.*) Что же я думаю? Ужъ если этотъ человѣкъ мнѣ совѣтуетъ, это должно быть что нибудь ужасное. Почему вы знаете, что герцогъ согласится?

В у р м ъ. Вѣдь, разумѣется, *не даромъ*.

Л у и з а. Не даромъ? какою же цѣною онъ продаетъ свое милосердіе?

В у р м ъ. Такая хорошенькая просительница чего нибудь да стоитъ.

Л у и з а (*стоитъ въ оцѣпенѣніи, потомъ дрожащимъ голосомъ*). Боже праведный!

В у р м ъ. Надѣюсь, цѣна не велика, когда надо спасти отца.

Л у и з а (*внѣ себя, ходитъ по комнатѣ*). Да, да! это правда; они защищены, ваши высокіе владыки — защищены отъ истины своими пороками, какъ мечами херувимовъ... Пусть Богъ поможетъ тебѣ, батюшка! Дочь твоя скорѣе умретъ за тебя, чѣмъ согрѣшитъ.

В у р м ъ. Бѣдному, покинутому старику это будетъ новость. Моя Луиза, говорилъ онъ мнѣ, уронила меня; она меня и подниметъ. Пойду передать ему вашъ отвѣтъ, мамзель Миллеръ. (*Какъ будто собирается идти.*)

Л у и з а (*сплѣшитъ за нимъ и удерживаетъ его*). Остановитесь! остановитесь! погодите! Какъ поспѣшенъ этотъ сатана, когда хочетъ свести съ ума. Я уронила его — я должна его поднять! Говорите же! совѣтуйте! Что могу — что должна я дѣлать?

В у р м ъ. Есть лишь одно средство.

Л у и з а. Это средство?

В у р м ъ. И вашъ батюшка желаетъ....

Л у и з а. И батюшка? что же это за средство?

В у р м ъ. Это для васъ легко.

Л у и з а. Для меня нѣтъ ничего тяжеле стыда.

В у р м ъ. Если вы захотите освободить маіора...

Л у и з а. Отъ его любви? Вы шутите надо мною — вы предоставляете моей волѣ то, къ чему я принуждена по неволѣ.

В у р м ъ. Вы не такъ меня поняли, милая Луиза. Маіоръ долженъ отступиться первый — и добровольно.

Л у и з а. Онъ не отступится.

В у р м ъ. Такъ кажется. Кто бы сталъ обращаться къ вамъ, если бы не вы одни могли въ этомъ помочь?

Л у и з а. Да могу ли я принудить его ненавидѣть меня?

В у р м ъ. Мы попробуемъ. Сядьте-ка.

Л у и з а (*въ испугъ*). Что ты замышляешь?

В у р м ъ. Сядьте и пишите. Вотъ перо, чернила и бумага.

Л у и з а (*садится въ сильнѣйшей тревогѣ*). Что мнѣ писать? къ кому писать?

В у р м ъ. Къ палачу вашего отца.

Л у и з а. О! ты мастеръ истязать души! (*Схватываетъ перо.*)

В у р м ъ (*диктуетъ*). «Милостивый государь.»

Л у и з а (*пишетъ дрожащей рукою*).

В у р м ъ. «Вотъ уже три несносныхъ дня — дня — какъ мы не видались.»

Л у и з а (*останавливается и кладетъ перо*). Къ кому письмо?

В у р м ъ. Къ палачу вашего отца.

Л у и з а. Боже мой!

В у р м ъ. «Остерегайтесь маіора — маіора — который цѣлый день стережетъ меня какъ Аргусъ.»

Луиза (вскакиваетъ). Это неслыханное плутовство. Къ кому письмо?

Вурмъ. Къ палачу вашего отца.

Луиза (ходитъ взадъ и впередъ, ломая руки). Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! это безчеловѣчно! О небо! наказывай людей почеловѣчески, когда они раздражаютъ тебя; но зачѣмъ повергать меня между двухъ ужасовъ? зачѣмъ колебать меня между смертию и позоромъ? зачѣмъ сажать мнѣ на плечи этого кровожаднаго дьявола? — Дѣлайте, что хотите. Я ни за что не стану писать.

Вурмъ (берется за шляпу). Какъ угодно, мамзель Луиза. Это въ вашей волѣ.

Луиза. Въ моей волѣ, говорите вы? въ моей волѣ? — Иди, варваръ! повѣсь несчастнаго надъ пропастью ада, попроси его объ чемъ нибудь, и богохульствуй, и говори, что это въ его волѣ. О! ты слишкомъ хорошо знаешь, что естественныя привязанности крѣпче цѣпей держутъ наше сердце... Мнѣ все равно... диктуйте дальше! Я перестаю и думать. Я уступаю адскому коварству. (Опять садится.)

Вурмъ. «Цѣлый день стережетъ какъ Аргусъ.» Есть?

Луиза. Дальше! дальше!

Вурмъ. «У насъ вчера былъ въ домѣ президентъ. Смѣшно было смотрѣть, какъ добрый маіоръ защищалъ мою честь.»

Луиза. Прекрасно, прекрасно! превосходно! Продолжайте!

Вурмъ. «Я прибѣгла къ обмороку — къ обмороку — чтобы не захохотать.»

Луиза. О небо!

В у р м ъ. «Но мнѣ становится уже несносно притворяться — притворяться. Какъ бы я рада была отъ него отдѣлаться.»

Л у и з а (*останавливается, встаетъ, ходитъ взадъ и впередъ, опустивъ голову, словно ищетъ что на полу, потомъ опять садится и продолжаетъ писать*). «Отъ него отдѣлаться.»

В у р м ъ. «Завтра онъ на службѣ. Наблюдайте, когда онъ уйдетъ отъ меня, и приходите по уговору.» Есть «по уговору»?

Л у и з а. Все есть.

В у р м ъ. «По уговору — къ любящей васъ... Луизѣ.»

Л у и з а. Недостаетъ только адреса.

В у р м ъ. «Господину гофмаршалу фонъ Кальбу.»

Л у и з а. Боже Всемогуцій! Это имя такъ же чуждо моему слуху, какъ чужды сердцу моему эти постыдныя строки! (*Она встаетъ, и долго безмолвно смотритъ на написанное неподвижнымъ взоромъ; потомъ подаетъ письмо Вурму; слабымъ замирающимъ голосомъ.*) Возьмите, сударь! Свое честное имя — Фердинанда — все счастье своей жизни — отдаю я въ ваши руки... Я нищая!

В у р м ъ. Полноте! Не унывайте, милая мамзель Луиза! Мнѣ отъ души васъ жаль. Можетъ статься... Почему знать?... Я бы на кое-что и сквозь пальцы посмотрѣлъ... Право! ей Богу! мнѣ васъ очень жаль!

Л у и з а (*смотритъ на него неподвижнымъ, пронзительнымъ взглядомъ*). Не договаривайте, сударь! Вы готовы пожелать себѣ ужаснаго...

В у р м ъ (*хочетъ поцаловать у нея руку*).
А положимъ, я пожелалъ бы этой хорошенькой ручки... Что вы на это скажете?

Л у и з а (*съ грозной торжественностью*). Да
я удавила бы тебя въ первую брачную ночь, и съ
радостью отдала бы палачамъ свое тѣло! (*Хочетъ
идти, но быстро возвращается.*) Теперь все,
сударь? Можно летѣть пташкѣ?

В у р м ъ. Еще есть кое-что! Вы пойдете со
мною и примете присягу, что будете признавать это
письмо добровольнымъ.

Л у и з а. Боже мой! Боже мой! И Ты утвер-
дишь своею печатью дѣло ада? (*Вурмъ уводитъ ее.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

Зала у Президента.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Ф е р д и н а н д ъ Ф о н ъ В а л ь т е р ъ *быстро вхо-*
дитъ съ открытымъ письмомъ въ рукахъ. Въ другую
дверь входитъ К а м е р д и н е р ъ.

Ф е р д и н а н д ъ. Не былъ здѣсь маршалъ?

К а м е р д и н е р ъ. Господинъ президентъ про-
ситъ васъ къ себѣ, господинъ маіоръ.

Ф е р д и н а н д ъ. Чортъ возьми! Я спрашиваю,
не былъ ли здѣсь маршалъ?

КАМЕРДИНЕРЪ. Господинъ баронъ на верху за карточнымъ столомъ.

ФЕРДИНАНДЪ. Именемъ всѣхъ чертей, господинъ баронъ долженъ явиться сюда! (*Камердинеръ уходитъ.*)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ одинъ, пробѣгаетъ письмо, и то останавливается въ оцѣпенѣніи, то въ бѣшенствѣ бѣгаетъ по комнатѣ.

Это невозможно! невозможно! въ этой небесной оболочкѣ не можетъ таиться такого *дьявольскаго сердца*... А между тѣмъ! между тѣмъ если бы всѣ ангелы сошли съ неба и ручались за ея невинность—если бы небо и земля, если бы твореніе и Творецъ соединились и ручались за ея невинность—вѣдь это ея *рука*... Неслыханный, чудовищный обманъ, какого еще не видывало человѣчество! Такъ вотъ отчего она такъ упорно не соглашалась на бѣгство! Вотъ отчего... Боже! теперь я просыпаюсь; все становится мнѣ теперь ясно! Вотъ отчего съ такимъ геройствомъ отказывалась она отъ своихъ притязаній на мою любовь, и я готовъ былъ повѣрить этой небесной личинѣ! (*Быстрѣе ходитъ по комнатѣ, потомъ опять останавливается въ задумчивости.*)

Такъ глубоко понять меня! отвѣчать на каждое смѣлое чувство, на каждый легкій трепетъ, на каждый пламенный порывъ! понимать движеніе моей души по тончайшимъ, неуловимо-измѣнчивымъ зву-

камъ — рассчитывать на каждую слезу мою — слѣдовать за мною на самыя грозныя вершины страсти — встрѣчать меня у каждой страшной крутизны... Боже! Боже! И все это было лишь притворство! притворство! О, если ложь такъ прочна и живуча, какъ ни одинъ дьяволъ не попалъ еще обманомъ въ рай?

Когда я открылъ ей, какой опасности подвергается наша любовь, какъ убѣдительно умѣла она покраснѣть! Съ какимъ побѣдоноснымъ достоинствомъ встрѣтила она дерзкія насмѣшки моего отца, а между тѣмъ въ эту минуту она признавала себя виноватою! Не выдержала ли она и самаго главнаго испытанія въ своей правотѣ? Лицемерка упала въ обморокъ. Какимъ языкомъ будешь ты теперь говорить, чувство? И прелестницы падаютъ въ обморокъ. Чѣмъ ты оправдаешь себя, невинность? И потаскушки падаютъ въ обморокъ.

Она знаетъ, что она изъ меня сдѣлала. Она видѣла всю мою душу. Въ моихъ глазахъ отражалось все мое сердце, когда я краснѣлъ отъ перваго поцалуя... И она ничего не чувствовала? можетъ быть чувствовала только торжество своего искусства? А я въ пламенномъ безумствѣ думалъ обнять въ ней цѣлое небо! Самыя бурныя желанія мои молчали! душа моя не знала ни одной мысли, кромѣ мечты о вѣчности въ союзѣ съ нею... Боже! И она ничего не чувствовала? Ничего не чувствовала, кромѣ того, что планъ ея удастся? Ничего не чувствовала, кромѣ сознанія силы своихъ прелестей? Смерть и проклятiе! Ничего не чувствовала, кромѣ того, что я обмануть?

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ. ГОФМАРШАЛЬ.

ГОФМАРШАЛЬ (*впархивая въ комнату*).
Вы выразили желаніе, милѣйшій...

ФЕРДИНАНДЪ (*бормочетъ про себя*). Сло-
мать шею мерзавцу. (*Громко.*) Маршалъ, это письмо
вы должно быть вырвали изъ кармана на парадѣ—
и мнѣ (*съ злобнымъ смѣхомъ*) мнѣ къ счастію
пришлось найти его.

ГОФМАРШАЛЬ. Вамъ?

ФЕРДИНАНДЪ. Случай забавный! Кончайте
свои земные расчеты.

ГОФМАРШАЛЬ. Вы меня совсѣмъ испугали,
баронъ.

ФЕРДИНАНДЪ. Прочитайте! прочитайте! (*От-
ходитъ отъ него.*) Если я не гожусь ужъ въ
любовники, такъ можетъ быть въ сводники приго-
жусь. (*Пока тотъ читаетъ, онъ подходитъ къ
стѣнѣ и снимаетъ съ нея два пистолета.*)

ГОФМАРШАЛЬ (*бросаетъ письмо на столъ
и хочетъ убѣжать*). Ахъ, чортъ возьми!

ФЕРДИНАНДЪ (*схватываетъ его за руку
и останавливаетъ*). Терпѣніе, любезнѣйшій мар-
шалъ! Извѣстіе повидимому пріятное! Мнѣ надо
заплатить за находку! (*Показываетъ ему пистоле-
ты.*)

ГОФМАРШАЛЬ (*отступая въ испугъ*). Будь-
те благоразумны, милѣйшій.

ФЕРДИНАНДЪ (*грознымъ и рѣшительнымъ
голосомъ*). Да я настолько благоразуменъ, что

сейчасъ же отправлю тебя, мерзавца, на тотъ свѣтъ. (*Насильно даетъ ему пистолетъ и вынимаетъ свой носовой платокъ.*) Возьмите! Держитесь за этотъ платокъ. Онъ у меня отъ нея.

Гофмаршалъ. Черезъ платокъ? Въ умѣ ли вы? Что вы это вздумали?

Фердинандъ. Держись за этотъ конецъ, говорятъ тебѣ! А то промахнешься, трусь! Какъ онъ весь дрожить, трусь! Да тебѣ бы слѣдовало благодарить Бога, трусь, что у тебя въ первый разъ будетъ хоть что нибудь въ головѣ! (*Гофмаршалъ бѣжитъ прочь.*) Потише! сдѣлайте одолженіе! (*Догоняетъ его и запираетъ дверь на ключъ.*)

Гофмаршалъ. Въ комнатѣ, баронъ?

Фердинандъ. Да стоитъ-ли идти изъ за тебя далеко? — Да вѣдь здѣсь выстрѣлъ раздается громче, и это будетъ вѣрно первый шумъ, сдѣланный тобою въ свѣтъ. Цѣлься!

Гофмаршалъ (*обтираетъ свой лобъ*). И вы хотите подвергнуть опасности вашу драгоценную жизнь? вы, молодой человѣкъ, полный надеждъ?

Фердинандъ. Цѣлься, говорятъ тебѣ! Мнѣ нечего больше дѣлать на этомъ свѣтъ.

Гофмаршалъ. За то мнѣ есть еще здѣсь дѣло, несравненнѣйшій баронъ.

Фердинандъ. Тебѣ, болванъ? тебѣ?.. Быть затычкой тамъ, гдѣ съ каждымъ днемъ все меньше охотниковъ? Въ одну минуту семь разъ съѣжиться и семь разъ вытянуться, какъ бабочка на булавкѣ? Вести реестръ, сколько разъ слабило твоего господина, и быть мишенью его остротъ? Не все ли равно, если я поведу тебя съ собою какъ какого нибудь

рѣдкаго звѣря. При воѣ осужденныхъ грѣшниковъ будешь ты плясать какъ ручная обезьяна, подавать поноску и служить, и увеселять вѣчное отчаяніе своимъ придворнымъ искусствомъ.

Гофмаршалъ. Все, что вамъ угодно, баронъ? Все, что угодно... Только отложите пистолеты.

Фердинандъ. Какъ онъ струсилъ, несчастный! Ты родился, кажется, на позоръ шестому дню творенія! Какъ будто тебя не Богъ создалъ, а кто-то поддѣлалъ. Жаль только, жаль унціи мозга, которому такъ плохо въ этомъ неблагодарномъ черепѣ. Стоило бы добавить эту унцію къ мозгу павіана, чтобы сдѣлать его вполне человекомъ; а теперь это лишній наростъ. И съ такою тварью можетъ она дѣлать свое сердце? Непостижимо, непростительно. Да онъ созданъ скорѣе отучить отъ грѣха, а не то что увлечь.

Гофмаршалъ. Слава Богу! онъ начинаетъ остричь.

Фердинандъ. Я пощажу его. Терпимость, которая щадитъ червяка, пусть и на его долю достанется. Встрѣтившись съ нимъ, иной пожметъ плечами и подивится можетъ быть мудрому хозяйству природы, которая кормитъ нѣкоторыхъ тварей и навозомъ и иломъ, которая приготовляетъ обѣдъ воронѣ на висѣлицѣ, а царедворцу въ грязи около трона — подивится и полицейской экономіи, которая и въ духовномъ мірѣ держитъ ядовитыхъ тарантуловъ и змѣй. Но *(снова впадая въ бѣшенство)* до моего цвѣтка не коснется это нечистое насѣкомое, или я *(хватаетъ маршала за плечи и трясетъ его)* я раздавлю его и вытрясу изъ него душу.

Г О Ф М А Р Ш А Л Ъ *(слабо стонетъ)*. Боже мой! какъ бы мнѣ отъ него уйти? За сто миль отсюда, въ Парижѣ, въ Бастиліи, только бы не у него въ рукахъ.

Ф Е Р Д И Н А Н Д Ъ. Слушай! Если она уже не невинна! если ты уже наслаждался, гдѣ я благоговѣлъ! *(съ бѣлымъ ожесточеніемъ)* удовлетворялъ свою похоть, гдѣ я чувствовалъ себя богомъ! *(Внезапно смолкаетъ и потомъ продолжаетъ страшнымъ голосомъ.)* О, лучше бы тебѣ, подлецъ, искать убѣжища въ аду, нежели встрѣтиться въ небѣ съ моимъ гнѣвомъ. До чего дошло у тебя съ дѣвушкою? Признавайся!

Г О Ф М А Р Ш А Л Ъ. Оставьте меня. Я все выскажу.

Ф Е Р Д И Н А Н Д Ъ. О! быть любовникомъ этой дѣвушки должно быть слаще, чѣмъ предаваться съ другою самымъ небеснымъ мечтамъ. Еслибъ она захотѣла распутствовать, еслибъ она захотѣла, она могла бы убить цѣну души и животную страсть превратить въ добродѣтель. *(Приставляетъ пистолетъ къ груди маршала.)* До чего дошло у тебя съ нею? Признавайся, или я спущу курокъ.

Г О Ф М А Р Ш А Л Ъ. Да ничего не было — ничего не было. Да потерпите минуту. Вѣдь васъ обманули!

Ф Е Р Д И Н А Н Д Ъ. И ты открываешь мнѣ глаза, злодѣй? Далеко ли зашло у тебя съ нею? Признавайся, или я на мѣстѣ убью тебя!

Г О Ф М А Р Ш А Л Ъ. Mon Dieu! Боже мой! Вѣдь я говорю — вы выслушайте меня... ея отецъ — родной отецъ..

ФЕРДИНАНДЪ (*съ ожесточеніемъ*). Сосводничалъ тебѣ дочь? И далеко ты зашелъ съ нею? Признавайся, или я разражу тебя!

ГОФМАРШАЛЬ. Вы внѣ себя. Не слушаете. Я никогда ея не видалъ. Я не знаю ея. Я ничего объ ней не знаю.

ФЕРДИНАНДЪ (*отступая*). Ты никогда не видалъ ея? Не знаешь ея? не знаешь ничего о ней? Она погибла изъ за тебя, а ты трижды отрекаешься отъ нея однимъ духомъ? Вонъ, мерзавецъ! (*Ударяетъ его прикладомъ пистолета и выталкиваетъ изъ комнаты.*) Для такихъ тварей, какъ ты, не изобрѣтенъ еще порохъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ, *посль долгаго молчанія, во время котораго черты его выражали страшную мысль.*

Погибла! Да, несчастная!—Мы оба погибли—и я и ты. Да, клянусь всемогущимъ Богомъ! ужь если погибъ я, погибла и ты. — Всевышній судія! не отнимай у меня ея! Эта дѣвушка моя. За нее уступилъ я тебѣ всю твою вселенную, отрекся отъ всего твоего дивнаго созданія. Предоставъ эту дѣвушку мнѣ! — Всевышній судія! Милліоны душъ съ воплемъ зовутъ тебя... Обрати къ нимъ свое милосердное око — меня оставъ дѣйствовать одного! (*Сжимаетъ въ отчаяніи руки.*) Неужто щедрый богатый Творецъ пожалѣетъ одной души, и притомъ худшей во всемъ его твореніи?—Эта дѣвушка моя!

Я былъ ей когда-то богомъ, теперь буду дьяволомъ! (*Устремляетъ неподвижный и страшный взглядъ въ уголъ.*) Цѣлую вѣчность быть сплетену съ нею на колесѣ пытки—очи погружены въ очи—поднявшіеся дыбомъ волосы — наши глухіе стоны слились воедино.... И тутъ-то повторять свои нѣжности! и тутъ-то напоминать ей ея клятвы... Боже! Боже! Боже! Союзъ ужасный — но вѣчный! (*Быстро идетъ къ двери и встрѣчается съ президентомъ.*)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ. ПРЕЗИДЕНТЪ.

ФЕРДИНАНДЪ (*отступая*). Батюшка!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Очень радъ, что встрѣчаю тебя, Фердинандъ. Я пришелъ сообщить тебѣ пріятную вѣсть, и кое-что, чему ты вѣрно удивишься. Сядемъ.

ФЕРДИНАНДЪ. (*долго смотритъ на него пристально*). Батюшка! (*Въ сильной тревогѣ подходитъ къ нему и схватываетъ его руку.*) Батюшка! (*Цалуетъ его руку и падаетъ передъ нимъ на колѣни.*) Батюшка!

ПРЕЗИДЕНТЪ. Что съ тобою, Фердинандъ? Встань! Руки у тебя дрожать и горять.

ФЕРДИНАНДЪ (*тревожно и съ сильнымъ чувствомъ*). Простите меня за мою неблагодарность, батюшка! Я потерянный человѣкъ! Я усомнился въ вашей добротѣ! Вы такъ по отцовски заботились обо мнѣ... Ваша душа все предугадала...

Теперь ужь поздно... Простите! простите! Благословите меня батюшка!

Президентъ (*лукаво, будто ничего не понимаетъ*). Встань, Фердинандъ! ты говоришь загадками.

Фердинандъ. Эта Миллеръ, батюшка... О! вы знаете людей... Ваше негодование было тогда такъ справедливо, такъ благородно, такъ родительски горячо... Только ваша горячая отцовская забота не тронула глухаго сердца... Эта Миллеръ...

Президентъ. Не мучь меня, Фердинандъ! Я проклиная свою жестокость! Я пришелъ извиниться передъ тобою!

Фердинандъ. Извиниться передо мною? Проклясть меня... Ваше порицаніе было мудростію! Ваша жестокость была небеснымъ состраданіемъ! — Эта Миллеръ, батюшка...

Президентъ. Прекрасная, честная дѣвушка! Я отказываюсь отъ своихъ необдуманныхъ подозрѣній! Она пріобрѣла мое уваженіе.

Фердинандъ (*вскакиваетъ, глубоко потрясенный*). Какъ! и вы? Батюшка! и вы? Не правда ли, батюшка, это какъ будто сама невинность? И любить эту дѣвушку — такъ понятно!

Президентъ. Скажи лучше: не любить ее — преступленіе!

Фердинандъ. Это неслыханно! Это ужасно! А вы еще такъ умѣете читать въ сердцахъ! И притомъ вы смотрѣли на нее предубѣжденными глазами! — Безпримѣрное лицемѣріе... Эта Миллеръ, батюшка...

Президентъ. Достойна быть моею дочерью!

Ея добродѣтели стѣять длиннаго ряда предковъ, красота ея дороже богатства. Мои правила уступаютъ твоей любви... пусть будетъ она твоею!

ФЕРДИНАНДЪ (*какъ обезумѣвъ, бѣжитъ вонъ изъ комнаты*). Этого еще не доставало! — Прощайте, батюшка! (*Уходитъ*.)

ПРЕЗИДЕНТЪ (*идя вслѣдъ за нимъ*). Пой! пой! Куда ты бѣжишь? (*Уходитъ*.)

Великолѣпная зала у Леди.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Входятъ Леди и Софи.

ЛЕДИ. Такъ ты ее видѣла? Придетъ она?

СОФИ. Сію минуту! она была еще не одѣта и хотѣла только наскоро одѣться.

ЛЕДИ. Не говори мнѣ ничего объ ней. Молчи! Я трепещу какъ преступница, что увижу счастливницу, которая чувствуетъ такъ страшно согласно съ моимъ сердцемъ. Что же она, когда ты пригласила ее?

СОФИ. Она, кажется, удивилась, задумалась, смотрѣла на меня такими странными глазами и молчала. Я уже ждала отговорки, какъ она взглянула на меня такъ, что я удивилась, и сказала: «Ваша леди приказываетъ мнѣ придти, а я завтра хотѣла сама просить у нея позволенія.»

ЛЕДИ (*въ сильной тревогѣ*). Оставь меня, Софи! Пожалѣй меня! я должна буду краснѣть, если она даже обыкновенная женщина, и робѣть, если она нѣчто больше.

Софи. Но, миледи... что за капризъ пришелъ вамъ видѣть свою соперницу? Вспомните, кто вы! Призовите на помощь свое происхожденіе, свой санъ, свою власть. Гордое сердце еще болѣе возвыситъ вашъ гордый блескъ.

Леди (*въ разсѣянности*). Что ты тутъ болтаешь?

Софи (*злбно*). Ужъ не случай ли это, что на васъ именно сегодня горятъ самая драгоцѣнная ваши брилліанты? что именно сегодня на васъ самое пышное платье? что ваша прихожая полна гайдуковъ и пажей? что вы ждете мѣщанскую дѣвушку въ самой роскошной залѣ вашего дворца?

Леди (*ходитъ взадъ и впередъ, съ сердцемъ*). Несносно! невыносимо, что у женщинъ такіе рысы глаза для женскихъ слабостей... Но какъ глубоко должно-быть я пала, что подобная тварь разгадываетъ меня!

Камердинеръ (*входитъ*). Мамзель Миллеръ.

Леди (*къ Софи*). Вонъ! вонъ отсюда! (*Софи медлитъ; леди съ угрозою*.) Вонъ! Я приказываю тебѣ! (*Софи уходитъ. Леди проходитъ по залѣ*.) Хорошо! прекрасно, что я въ волненіи! Я именно этого желала! (*Камердинеру*.) Позови сюда мамзель. (*Камердинеръ уходитъ; она кидается на софу и принимаетъ небрежно-важную позу*.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ЛУИЗА МИЛЛЕРЪ робко входитъ и останавливается въ далекомъ разстояніи отъ леди; **ЛЕДИ**, оборотившись къ ней спиною, осматриваетъ ее нѣсколько времени внимательно въ противоположное зеркало. Молчаніе.

ЛУИЗА. Миледи, я жду вашихъ приказаній.

ЛЕДИ (оборачивается къ Луизѣ и слегка киваетъ ей головою; холодно и сдержанно). А! ты здѣсь? Это вѣрно мамзель — мамзель — какъ бишь зовутъ тебя?

ЛУИЗА (съ нѣкоторой горечью). Отца моего зовутъ Миллеромъ, а ваша милость посылали за его дочерью.

ЛЕДИ. Точно! точно! Помню — дочь бѣднаго скрипача, о которомъ недавно была рѣчь. (Помолчавъ, про себя.) Очень интересна, хоть и не красавица. (Громко Луизѣ.) Подойди поближе, мое дитя. (Про себя опять.) Глаза у нея не мало заплакали. Какъ мнѣ нравятся эти глаза! (Опять громко.) Подойди же — ближе, ближе. Ты какъ будто боишься меня, милая?

ЛУИЗА (съ гордою рѣшительностію). Нѣтъ, миледи. Я презираю судъ толпы.

ЛЕДИ (про себя). Ого! и упрямство это отъ него. (Громко.) Мнѣ тебя рекомендовали. Говорятъ, что ты кой чему училась, и вообще умѣешь жить. Разумѣется. Какъ этому и не повѣрить? Да я не взяла бы всей вселенной, чтобы заставить солгать такого горячаго заступника.

ЛУИЗА. Я однакожь не знаю никого, миледи,

кто бы далъ себѣ трудъ отыскивать мнѣ покровительницу.

Леди (*какъ на иголкахъ*). Кто бы далъ себѣ трудъ для тебя, или для твоей покровительницы?

Луиза. Гдѣ ужъ намъ, миледи!

Леди. Судя по твоему открытому взгляду, никакъ нельзя подумать, что ты такая плутовка. Тебя зовутъ Луизой? А сколько тебѣ лѣтъ?

Луиза. Минуло шестнадцать.

Леди (*быстро вставая*). Понимаю! Шестнадцать лѣтъ! Первое біеніе этой страсти. Первоначальный серебряный тонъ только что обновленнаго инструмента. Нѣтъ ничего обольстительнѣе. Садись, милая, ты мнѣ очень по сердцу. И онъ любитъ впервые. Удивительно ли, что лучи одной зари слились вмѣстѣ? (*Очень ласково, взявъ ее за руку.*) Я рѣшила, я составлю твое счастье, милая. Это не что иное, какъ упоительная, но скоро отлетающая грѣза. (*Треплетъ Луизу по щекъ.*) Моя Софи скоро выходить за мужъ. Ты поступишь на ея мѣсто.— Шестнадцать лѣтъ! Это не можетъ долго продлиться.

Луиза (*почтительно цалуетъ ей руку*). Благодарю васъ за эту милость, миледи, хоть и не могу принять ее.

Леди (*раздраженнымъ тономъ*). Какая важная дама! Дѣвушки твоего сословія считаютъ себя еще счастливыми, коль могутъ найдти господъ. Куда же ты то метишь, моя милая? или эти пальцы слишкомъ нѣжны для работы? или ты возгордилась своимъ смазливимъ лицомъ?

Луиза. Лицо мое, миледи, не отъ меня, какъ и мое происхожденіе.

Леди. Или ужъ не думаешь ли ты, что этому и конца не будетъ? Бѣдняжка, кто это тебѣ втолковалъ, вѣрно и тѣмъ и другимъ попользовался — кто бы онъ ни былъ. Вѣдь эти щеки не вѣкъ будутъ такъ цвѣсти. Что тебѣ кажется въ зеркалѣ массивнымъ и вѣчнымъ, не болѣе какъ легкій, не прочный румянецъ, котораго рано или поздно не оставить и слѣда твой поклонникъ. Что мы будемъ тогда дѣлать?

Луиза. Жалѣть о поклонникѣ, миледи, который купилъ алмазъ, потому что думалъ, что онъ оправленъ въ золотѣ.

Леди (*какъ будто не слушая*). У дѣвушекъ твоихъ лѣтъ всегда два зеркала разомъ — настоящее и ихъ поклонникъ. Ласковая угодливость послѣдняго исправляетъ грубую откровенность перваго. Одно показываетъ на щекѣ безобразный слѣдъ оспы. «Не правда!» говоритъ другой: «это ямочка граціи.» Вы спроста вѣрите первому лишь въ томъ, что вамъ сказалъ второй; кидаетесь отъ одного къ другому, пока не смѣшаете подъ конецъ, кто что говорилъ. — Что ты такъ на меня смотришь?

Луиза. Извините, миледи! я только - что хотѣла пожалѣть объ этомъ рубинѣ съ такой великолѣпной игрой, который вѣрно не знаетъ, что его владѣтельница такъ сильно порицаетъ суетность.

Леди (*краснѣя*). Не перебивай меня, плутовка! — Если бы ты не надѣялась на свое личико, я думаю, ни что на свѣтѣ не помѣшало бы тебѣ взять мѣсто, гдѣ только и можешь ты научиться свѣтскимъ манерамъ и отдѣлаться отъ своихъ мѣщанскихъ предразсудковъ.

Луиза. И отъ своей мѣщанской невинности, миледи!

Леди. Какой вздоръ! Самый безпутный мущина побоится заподозрить насъ въ легкости, если мы сами не дадимъ ему на то повода. Надо только умѣть держать себя! Только води себя честно и съ достоинствомъ, такъ и соблазновъ никакихъ не будетъ.

Луиза. Позвольте мнѣ все-таки не вѣрить этому, миледи! Дворцы извѣстныхъ дамъ рѣдко обходятся безъ самыхъ шумныхъ забавъ. Можно ли требовать отъ дочери бѣднаго скрипача такого героизма, чтобы она бросилась въ зачумленное мѣсто, и при этомъ не боялась заразиться? Кто бы могъ подумать, что леди Мильфордъ вѣчно чувствуетъ угрызеніе совѣсти, что она бросаетъ деньгами, лишь бы имѣть возможность каждую минуту сгнать отъ стыда? Я откровенна, миледи! Было ли бы вамъ пріятно видѣть меня, когда вы собираетесь на какое нибудь удовольствіе? Не было ли бы вамъ несносно встрѣчать меня, возвращаясь? — О! пусть лучше раздѣлятъ насъ цѣлыя страны—цѣлыя моря! Подумайте, миледи! для васъ могутъ настать часы отрезвленія, минуты истощенія — змѣи раскаянія могутъ зашевелиться у васъ въ груди; не пыткой ли будетъ для васъ тогда—видѣть въ лицѣ вашей горничной ясное спокойствіе, какимъ невинность награждаетъ чистое сердце? (*Отступаетъ шагъ назадъ.*) Еще разъ прошу у васъ прощенія, миледи.

Леди (*ходитъ въ сильной внутренней тревогѣ*). Тяжело мнѣ слышать это отъ нея; но еще тяжелее знать, что она права! (*Подходитъ къ Луизѣ и пристально смотритъ ей въ глаза.*) Ты

меня не перехитришь! Такъ горячо не высказываются убѣжденія! Сквозь эти разсужденія проглядываетъ какой-то сердечный интересъ, и оттого-то быть въ моемъ услуженіи кажется тебѣ особенно противно—оттого ты такъ разгорячилась... но я (*съ угрозою*) все узнаю.

Луиза (*прямо и съ достоинствомъ*) Что же? узнавайте! разбудите презрительнымъ толчкомъ вашей ноги обиженного червяка, которому Творецъ далъ жало для своей защиты! — Я не боюсь вашей мести, миледи! Бѣдной грѣшницѣ, приведенной къ позорной плахѣ, все равно, хотя бы сгорѣлъ весь міръ! Несчастіе мое такъ тяжело, что я не могу увеличить его своею откровенностію! (*Помолчавъ, строго.*) Вы хотите извлечь меня изъ праха моего происхожденія. Я не хочу разбирать ее, эту подозрительную милость. Объ одномъ спрошу васъ, миледи: что заставило васъ считать меня душой, которая стыдится своего происхожденія? что дало вамъ право навязывать мнѣ себя въ виновницы моего счастья, еще не зная, захочу ли я принять счастье изъ *вашихъ* рукъ? — Я навѣки отказалась отъ притязаній на свѣтскія радости; я простила моему счастью его непрочность... Къ чему хотите вы опять увлечь меня ими? Если самое Божество скрываетъ лучи отъ глазъ своего созданія, чтобы и высшій серафимъ не содрогнулся своего затмѣнія — зачѣмъ люди хотятъ быть такъ жестоко милосерды? — Какъ это такъ, миледи, что ваше хваленое счастье проситъ, какъ милостыни, зависти и удивленія у несчастія? Или вашей радости необходимо видѣть рядомъ отчаяніе? О! дайте мнѣ лучше слѣпоту, которая одна

еще может примирить меня съ моею горькою участію.—Ничтожное насѣкомое чувствуетъ и въ каплѣ воды такую же радость и такое же блаженство, какъ если бѣ оно было въ раю, пока не расскажутъ ему объ океанѣ, гдѣ гуляютъ флоты и киты!—Но вѣдь вы хотите, чтобы я была счастлива? (*Помолчавъ, вдругъ подходитъ къ леди, и быстро спрашиваетъ ее.*) Счастливы ли вы сами, миледи? (*Леди быстро и въ изумленіи отступаетъ отъ нея; Луиза слѣдуетъ за нею и прикладываетъ свою руку къ ея груди.*) Такъ же ли ясно это сердце, какъ вашъ наружный видъ? И еслибѣ мы могли теперь обмѣняться сердцемъ на сердце и судьбою на судьбу — еслибѣ я въ дѣтской простотѣ — еслибѣ я по совѣсти — спросила васъ, какъ свою мать — посовѣтовали бы вы мнѣ такой обмѣнъ?

Леди (*въ сильномъ волненіи кидается на софу*). Непостижимо! невѣроятно! Нѣтъ, милая! нѣтъ! Это душевное величіе у тебя не врожденное; а для твоего отца оно слишкомъ юношески пылко. Не запирайся передо мною! У тебя былъ другой учитель...

Луиза (*тонко и проницательно смотритъ ей въ глаза*). Какъ, миледи? Будто только теперь пришелъ вамъ въ голову этотъ учитель, а между тѣмъ вы уже прежде приготовили мнѣ мѣсто!

Леди (*вскакиваетъ*). Этого нельзя выдержать! — Да! ужъ мнѣ не вывернуться. Я знаю его — знаю все — знаю больше, чѣмъ бы хотѣла! (*Вдругъ останавливается, потомъ съ ожесточеніемъ, которое мало по малу переходитъ почти въ бѣшенство.*) Но только посмѣй, несчаст-

ная — посмѣй и теперь любить его, или быть имъ любима! Что я говорю? посмѣй думать объ немъ, или быть одною изъ его мыслей... я сильна, несчастная — моя месть ужасна... Клянусь Богомъ! ты погибла!

Луиза (*непоколебимо*). И безъ возврата, миледи, если вы его принудите любить васъ!

Леди. Я тебя понимаю... Но онъ не долженъ меня любить! Я погашу эту позорную страсть, заглушу свое сердце, и сокрушу твое... Я воздвигну между вами утесы, вырою пропасти; какъ фурія, буду я являться въ вашемъ эдемѣ; имя мое будетъ спугивать ваши поцалуи, какъ привидѣніе спугиваетъ преступниковъ; твой молодой цвѣтущій станъ будетъ стыть какъ мумія въ его объятіяхъ... Я не могу быть съ нимъ счастлива... но и ты не будешь... Знай это, несчастная! Разрушать чужое блаженство есть тоже блаженство!

Луиза. Этого блаженства васъ уже лишили, миледи! Не клеветайте на свое сердце! Вы неспособны привести въ исполненіе то, чѣмъ такъ грозно меня стращаете! Вы неспособны мучить существо, которое не сдѣлало вамъ никакого зла, и только чувствовало такъ же, какъ вы... Но я васъ люблю, миледи, за этотъ порывъ страсти!

Леди (*приходя въ себя*). Гдѣ я? что со мною? что я выказала? кому? — О, Луиза! благородная, высокая, божественная душа! прости! прости сумасшедшую... Я не трону волоска на головѣ твоей, дитя мое! Пожелай! потребуй! я буду носить тебя на рукахъ, буду твоимъ другомъ, твоею сестрою... Ты бѣдна... вотъ! (*Снимая съ себя нѣкоторыя драгоценныя*

вещи.) Я продамъ эти брилліанты — продамъ свой гардеробъ, лошадей и экипажи... все будетъ *твое*, только откажись отъ него!

Луиза (*отступаетъ назадъ, въ тревогѣ*). Смѣется она надъ моимъ отчаяніемъ, или въ самомъ дѣлѣ она не участвовала въ этой безчеловѣчной интригѣ! А! такъ я могу еще придать себѣ видъ героини и превратить въ заслугу свое безсиліе! (*Стоитъ нѣсколько времени въ задумчивости; потомъ подходитъ ближе къ леди и смотритъ на нее пристально и многозначительно.*) Возьмите его, миледи! Добровольно уступаю я вамъ человека, котораго адскими клещами отрывали отъ моего окровавленнаго сердца.—Можетъ быть, вы сами этого не знаете, миледи; но вы разрушили рай двухъ любящихъ; вы разлучили два сердца, соединенныя Богомъ; вы сокрушили существо, которое близко Ему, какъ вы, которое создалъ Онъ на радость, какъ васъ, которое славilo Его, какъ вы, и уже больше не будетъ никогда славить... Миледи! до слуха Всевышняго доходить и послѣдній вздохъ раздавленнаго червя... Онъ не можетъ равнодушно видѣть, какъ убиваются души въ Его рукахъ! Теперь опъ вашъ? теперь, миледи, возьмите его себѣ! бѣгите въ его объятія! влеките его къ алтарю... Но помните, что между вашимъ свадебнымъ поцалуемъ встанетъ призракъ самоубійцы... Богъ смилуется надо мною... мнѣ нечѣмъ больше помочь себѣ. (*Убѣгаетъ.*)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Леди одна, стоитъ въ оцѣпенѣніи и вѣсь себя, обративъ неподвижный взглядъ на дверь, въ которую вышла Луиза; наконецъ она приходитъ въ себя.

Что это? Что было со мной? Что говорила эта несчастная?—Боже! они еще раздираютъ мнѣ слухъ, эти страшныя, осуждающія меня слова: «возьмите его себѣ!»—Кого, несчастная? Подарокъ твоего предсмертнаго хрипа — ужасное наслѣдство твоего отчаянія? Боже! Боже! какъ низко я упала! какъ внезапно свержена я со всѣхъ троновъ своей гордости! Мнѣ приходится въ томительномъ голодѣ ждать покаянія отъ великодушія нищей въ ея послѣдней смертной агоніи!—«Возьмите его себѣ!» Какимъ тономъ сказала она это! съ какимъ взглядомъ!... О! Эмили! затѣмъ ли преступила ты границы твоего пола? затѣмъ ли старалась пріобрѣсть пышное имя высокой британской женщины, чтобы все хвастливое зданіе твоей чести рухнуло передъ высшею добродѣтелью безпомощной мѣщанской дѣвушки? — Нѣтъ, несчастная! нѣтъ! погоди гордиться!... Эмилию Мильфордъ можно устыдить, но она никогда не опозоритъ себя! И я найду въ себѣ силу отказаться!

(Ходитъ величественно назадъ и впередъ.)

Прочь отъ меня теперь, женская слабость, женскія сѣтованія!—Прощайте, отрадныя, золотыя картины любви!—Пусть одно великодушіе руководитъ мной!.. Или эта любящая чета погибнетъ, или Мильфордъ оставитъ свои притязанія и исчезнетъ изъ сердца герцога! *(Помолчавъ, съ живостью.)* Дѣло

сдѣлано!... Страшное препятствіе уничтожено — разорваны всякія узы между мною и герцогомъ... Я исторгла изъ своего сердца эту безумную любовь!.. Въ твои руки предаю я себя, добродѣтель!.. Прими кающуюся дочь твою Эмилию!.. О! какъ мнѣ хорошо!.. какъ легко стало мнѣ вдругъ, какъ отрадно!.. Величаво, какъ западающее солнце, сойду я сегодня съ высоты своего величія; пусть все пышное могущество мое умретъ вмѣстѣ съ моей любовью; въ гордое изгнаніе свое не возьму я ничего, кромѣ сердца! (*Идетъ съ рѣшимостью къ письменному столу.*) Сейчасъ же должна я все покончить — сейчасъ же! Прелести любимаго юноши, пожалуй, возобновятъ кровавую борьбу въ моемъ сердцѣ!

(*Садится и начинаетъ писать.*)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕДИ. КАМЕРДИНЕРЪ. СОФИ. *Потомъ Гофмаршалъ и наконецъ слуги.*

КАМЕРДИНЕРЪ. Гофмаршалъ фонъ-Кальбъ — въ пріемной — съ порученіемъ отъ герцога.

ЛЕДИ (*продолжая писать, въ волненіи*). Дрогнешь ты, кукла въ герцогской мантии!.. Да! мысль недурна — сбить съ толку этотъ августѣйшій мозгъ!.. Придворные льстицы его завертятся... Все герцогство придетъ въ броженіе.

КАМЕРДИНЕРЪ и СОФИ. Гофмаршалъ, миледи!

ЛЕДИ (*оборачивается*). Кто? что? — Тѣмъ

лучше! Этотъ сортъ людей затѣмъ только и на свѣтѣ, чтобы разносить вѣсти. Просить его!

КАМЕРДИНЕРЪ (*уходитъ*).

СОФИ (*съ робостью приближаясь*). Если бѣ я не боялась, миледи, я бы не посмѣла... (*Леди продолжаетъ поспѣшно писать*.) Эта Миллеръ выбѣжала внѣ себя изъ залы... Вы всѣ въ жару... Говорите однѣ, сами съ собой. (*Леди все пишетъ*.) Я боюсь... какъ бы не случилось чего?

ГОФМАРШАЛЬ (*входитъ, расшаркивается и раскланивается не оборачивающейся леди; она его не замѣчаетъ; онъ подходитъ ближе, становится за ея кресломъ, беретъ кончикъ ея платья, напечатлѣваетъ на немъ поцалуй, и робко лепечетъ*). Его высочество...

ЛЕДИ (*посыпаетъ пескомъ и пробѣгаетъ написанное*). Онъ назоветъ это черной неблагодарностью... Я была жалкою сиротой. Онъ вывелъ меня изъ нищеты... Изъ нищеты?... Ужасный промѣнъ!.. Разорви свой счетъ, обольститель! Мой вѣчный стыдъ съ лихвою уплатилъ его.

ГОФМАРШАЛЬ (*тщетно старавшійся обратить на себя вниманіе леди то съ той, то съ другой стороны*). Миледи, по видимому, чѣмъ-то занята... Приходится мнѣ самому осмѣлиться... (*Очень громко*.) Его высочество прислалъ меня спросить васъ, миледи, что назначить сегодня—собраніе, или нѣмецкій театръ?

ЛЕДИ (*встаетъ, смѣясь*). Либо то, либо другое, мой ангелъ!.. А пока отнесите герцогу на десертъ эту записку! (*Софи*.) Вели закладывать мнѣ карету, Софи, и зови сюда, въ залу, всю прислугу!

Софи (*уходя въ тревогѣ*). Господи! Ужъ это что - то недоброе! что тутъ еще будетъ?

Гофмаршалъ. Вы разстроены, миледи?

Леди. Тѣмъ больше правды въ моихъ словахъ... Ура, гофмаршалъ! Вакація открывается. Это счастье сводникамъ! (*Маршалъ подозрительно смотритъ на записку.*) Прочитайте! прочитайте! Я хочу, чтобы содержаніе письма не оставалось въ тайнѣ.

Гофмаршалъ (*читаетъ; между-тѣмъ во глубинѣ сцены собирается прислуга леди*).

«Ваше высочество!

«Договоръ, такъ легкомысленно вами нарушенный, не можетъ оставаться обязательнымъ для меня. Благоденствіе вашей страны было условіемъ моей любви. Три года длился обманъ. Повязка спала наконецъ съ глазъ моихъ. Я гнушаюсь милостями, купленными слезами подданныхъ. Подарите свою любовь, на которую я не могу болѣе отвѣчать, вашей угнетенной странѣ, и научитесь отъ британской принцессы состраданію къ своему германскому народу. Черезъ часъ я буду уже за границей.

«Дженъ Норфолькъ.»

Всѣ слуги (*въ изумленіи, шопотомъ*). За границей?

Гофмаршалъ (*въ испугъ кладетъ записку на столъ*). Боже сохрани, дорогая миледи! У меня не двѣ головы, да и у васъ тоже!

Леди. Вотъ о чемъ забота!.. Къ несчастію я знаю впрочемъ, что ваша братія платитесь и за пересказъ того, что сдѣлали другіе!. Мой совѣтъ —

запечь записку въ пастетъ; тогда она сама собою попала бы въ руки его высочества...

Гофмаршалъ. Ciel! Какая дерзость!—Образумьтесь, миледи, подумайте, какой немилости подвергаете вы себя!

Леди (*обращается къ прислугѣ, съ глубокимъ чувствомъ*). Вы удивлены, добрые люди, и съ трепетомъ ждете, чѣмъ разрѣшится эта загадка.— Подойдите ближе, мои милые! — Вы честно и усердно мнѣ служили; больше глядѣли мнѣ въ глаза, чѣмъ въ кошелекъ; повиноваться мнѣ было вашей радостью; вы гордились однимъ — моей милостью! — О! зачѣмъ память о вашей вѣрности должна соединяться съ воспоминаніемъ о моемъ униженіи? Не горькая ли это судьба, что самые черные дни мои были для васъ счастливыми днями? (*Со слезами на глазахъ.*) Я отпускаю васъ, друзья мои! — Леди Мильфордъ уже нѣтъ; а Дженъ Норфолькъ слишкомъ бѣдна, чтобы уплатить ея долгъ. — Казначей мой пусть раздастъ вамъ все, что есть въ моей шкатулкѣ... Этотъ дворецъ остается герцогу... Самый бѣдный изъ васъ выйдетъ изъ него богаче, нежели ваша госпожа! (*Подаетъ имъ руки, и всѣ на перерывѣ целуютъ ихъ.*) Я васъ понимаю, друзья мои... Прощайте! Прощайте навсегда! (*Собираясь съ духомъ.*) Чу! карета подъѣхала! (*Вырывается изъ рукъ прислуги, и хочетъ выйти; Гофмаршалъ кидается къ ней и останавливаетъ ее.*) А! ты еще здѣсь, жалкій человѣкъ?

Гофмаршалъ (*все это время смотрѣвшій на записку съ выраженіемъ глупости на лицѣ*).

И я долженъ вручить эту записку его герцогскому высочеству? въ его собственныя руки?

Леди. Да, жалкій человѣкъ! въ собственныя его высочества руки. Донеси тоже собственнымъ его высочества ушамъ, что я не могу идти босикомъ въ Лоретто, и стану поэтому подневно работать, чтобы очистить себя отъ посрамленія, что управляла имъ. (*Быстро уходитъ. Всѣ въ чрезвычайной тревогѣ расходятся.*)

ПЯТЫЙ АКТЪ.

Комната у Музыканта. Сумерки.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛУИЗА молча и недвижимо сидитъ въ темномъ углу комнаты, опершись головою на руки. Послѣ долгаго и глубокаго безмолвія входитъ МИЛЛЕРЪ съ фонаремъ въ рукѣ, тревожно свѣтитъ и озирается, и, не замѣтивъ Луизы, кладетъ шляпу на столъ и ставитъ фонарь.

Миллеръ. И здѣсь ея нѣтъ! — Всѣ улицы обѣжалъ, ко всѣмъ знакомымъ навѣдался, у всѣхъ воротъ спрашивалъ... Нигдѣ не видали моей дочки! (*Помолчавъ.*) Потерпи, бѣдный, несчастный отецъ! Подожди до утра! Можетъ быть прибѣтъ твое дѣтище волной къ берегу. — Господи! Господи! Или тѣмъ я виновать, что слишкомъ боготворилъ

свою дочь? — Тяжко это наказаніе... тяжело, Отче небесный! Я не ропщу, Господи! но тяжело это наказаніе! (*Кидается въ глубокой скорби на стулъ.*)

Луиза (*изъ угла*). Привыкай, бѣдный старикъ! привыкай къ потери заранѣе!

Миллеръ (*вскакивая*). Ты здѣсь, дитятко? здѣсь? — Да что же ты одна и въ потьмахъ?

Луиза. Нѣтъ, я не одна. Когда этакъ темно, черно вокругъ меня, тутъ-то и собираются ко мнѣ гости.

Миллеръ. Спаси тебя Господи! Только нечистая совѣсть да совы любятъ потемки. Только грѣшники да злые духи бѣгутъ свѣта.

Луиза. Да еще вѣчность, батюшка, говорящая съ душою безъ посредниковъ.

Миллеръ. Дитятко мое! дитятко! Что это ты говоришь такое?

Луиза (*встаетъ и выходитъ впередъ*). Я вынесла трудную битву! Ты это знаешь, батюшка! Господь далъ мнѣ силу. Битва рѣшена! Батюшка, насъ, женщинъ, считаютъ слабыми, хрупкими созданіями. Теперь не вѣрь этому. Мы вздрагиваемъ отъ паука, но не дрогнувъ заключаемъ въ свои объятія черное чудовище, тлѣніе! Знай это, батюшка! Луиза твоя теперь повеселѣла!

Миллеръ. Ахъ, Луиза! лучше бы ты выла и рыдала; легче бы мнѣ смотрѣть на тебя.

Луиза. Ужъ какъ же я перехитрю его, батюшка! Какъ же я обману его, варвара! — Любовь хитрѣ злобы, и смѣлѣе — этого онъ не зналъ, этотъ человекъ съ печальной звѣздой. — О, они

хитры, пока имъ приходится имѣть дѣло съ головой; но стоитъ имъ связаться съ сердцемъ, и злодѣи становятся глупы... Онъ думалъ утвердить свой обманъ присягой! Присяга, батюшка, связываетъ живыхъ, но смерть разрѣшаетъ и желѣзныя узы клятвъ! Фердинандъ узнаетъ свою Луизу! — Передашь ты эту записку, батюшка? потрудишься?

Миллеръ. Кому, дитятко?

Луиза. И ты спрашиваешь! Всей безконечности и сердцу моему не вмѣститъ и одной мысли о немъ... Къ кому же мнѣ больше писать?

Миллеръ (*съ безпокойствомъ*). Послушай, Луиза! я распечатаю письмо!

Луиза. Какъ хочешь, батюшка! Только ты ничего въ немъ не поймешь. Буквы лежатъ въ немъ какъ холодные трупы, и оживаютъ лишь для очей любви.

Миллеръ (*читаетъ*). «Ты обмануть, Фердинандъ! — Безпримѣрное коварство разорвало союзъ нашихъ сердецъ; но страшная клятва связала мнѣ языкъ, и отецъ разставилъ вездѣ своихъ шпионовъ. Но... будь только у тебя отвага, милый!... я знаю мѣсто, гдѣ разрѣшаются всѣ клятвы, гдѣ нѣтъ шпионовъ.» (*Миллеръ останавливается и серьезно смотритъ ей въ лицо.*)

Луиза. Что ты такъ глядишь на меня? Читай дальше, батюшка!

Миллеръ. «Но много нужно тебѣ мужества, чтобы пройти темный путь, котораго ничто не озаритъ предъ тобою, кромѣ твоей Луизы и Бога. Лишь съ одною любовью долженъ ты придти, и оставить за собой всѣ свои надежды и всѣ свои дурныя же-

ланія; тебѣ ничего не нужно, кромѣ твоего сердца. Рѣшишься — иди въ путь, когда колоколъ кармелитскаго монастыря ударитъ въ двѣнадцатый разъ. Побоишься — вычеркни слово *мужество* изъ качествъ своего пола: тебя пристыдитъ дѣвушка.» (*Миллеръ кладетъ письмо, долго смотритъ впервѣдъ неподвижнымъ, скорбнымъ взглядомъ, потомъ оборачивается къ Луизѣ и говоритъ тихимъ, прерывающимся голосомъ.*) Гдѣ же это мѣсто, Луиза?

Луиза. А ты его не знаешь, батюшка? — Странно! Я такъ ясно его обозначила. Фердинандъ найдетъ.

Миллеръ. Гм... Говори яснѣе!

Луиза. Я не могу теперь придумать для него пріятнаго названія. — Не пугайся, батюшка, если я назову его непріятнымъ именемъ. Это мѣсто... Ахъ, зачѣмъ не любовь изобрѣтала слова! она назвала бы его лучшимъ словомъ. Это мѣсто, батюшка — только не перерывай меня!... Это мѣсто — могила.

Миллеръ (*покачнувшись, хватается за ручку кресла*). Господи!

Луиза (*подходитъ къ нему и поддерживаетъ его*). Полно, батюшка! Страшно лишь слово... Прочь его! и это — брачное ложе, надъ которымъ утро стелетъ свой золотой коверъ и весны сыплютъ свои пестрыя гирлянды. Только отчаянный грѣшникъ можетъ называть смерть скелетомъ: это прекрасный ласковый юноша, такой же цвѣтущій, какимъ рисуютъ бога любви, но не такой хитрый... это кроткій, услужливый геній, подающій руку из-

мученной странницѣ душѣ чрезъ ровъ времени, опирающій для нея чудные чертоги вѣчнаго блаженства, дружелюбно улыбающійся и потомъ исчезающій.

Миллеръ. Что это ты задумала, Луиза?... Ты хочешь наложить на себя руки!

Луиза. Не говори такъ, батюшка! Нѣтъ, очистить мѣсто въ обществѣ, гдѣ я лишняя — поспѣшить туда, куда и безъ того скоро пришлось бы мнѣ уходить... Развѣ это грѣхъ?

Миллеръ. Самоубійство — страшный грѣхъ, дитя мое!... Одному этому грѣху нѣтъ покаянія: смерть и преступленіе тутъ вмѣстѣ.

Луиза (*стоитъ недвижимо*). Ужасно!... Но вѣдь смерть не такъ же скоро придетъ. Я брошусь въ рѣку, батюшка, и опускаясь ко дну, стану молить Всемогущаго о помилованіи!

Миллеръ. Не все ли это равно, что каяться въ воровствѣ, припрятавъ покражу въ вѣрномъ мѣстѣ... Луиза! дитя мое! не оскорбляй Бога, когда тебѣ всего нужнѣе его милость! Ахъ! далеко, далеко ушла ты отъ праваго пути!... Ты бросила молиться, и Милосердый отнялъ отъ тебя свою десницу!

Луиза. Развѣ любить — преступленіе, батюшка?

Миллеръ. Люби Бога, и любовь никогда не доведетъ тебя до преступленія... Тяжкимъ горемъ придавила ты меня, родная! тяжкимъ! тяжкимъ! Можетъ, отъ него я и въ могилу лягу... Луиза, я, какъ вошелъ, говорилъ тутъ. Я думалъ, что я одинъ. Ты подслушала меня; да и что мнѣ отъ

тебя таиться? Ты была мнѣ божествомъ! Луиза! если есть еще у тебя въ сердцѣ мѣстечко для любви къ отцу... Ты была для меня все! Ты ужъ теперь не одно свое погубишь. И я все потеряю! Посмотри, голова у меня ужъ сѣдѣть. Мало по малу наступаетъ время, когда намъ, отцамъ, нуженъ становится капиталъ, положенный нами въ сердца нашихъ дѣтей. — Или ты хочешь обмануть меня, Луиза? убѣжать съ достояніемъ своего отца?

Луиза (*глубоко тронутая, цалуетъ его руку*). Нѣтъ, батюшка! Я покину свѣтъ твоею должницей, и съ лихвой заплачу свой долгъ въ вѣчности.

Миллеръ. Смотри, не обсчитайся тамъ, дитя мое! (*Строго и торжественно.*) Придется ли еще намъ встрѣтиться тамъ?... А! ты блѣднѣешь!... Луиза моя и сама понимаетъ, что мнѣ ужъ не найти ея въ томъ мірѣ: вѣдь я пойду туда не вмѣстѣ съ нею. (*Луиза припадаетъ, вся дрожа отъ волненія, къ его плечу. Онъ крѣпко прижимаетъ ее къ груди и продолжаетъ умоляющимъ тономъ.*) Дитя мое! дочь моя! падшая, можетъ-быть ужъ погибшая дочь моя! Послушай сердечнаго отцовскаго слова! Я не могу уберечь тебя. Отниму я у тебя ножъ — ты можешь умертвить себя и булавкой. Не дамъ я тебѣ яду принять — ты можешь удавиться ниткою жемчугу. — Луиза... Луиза... я только и могу, что отговаривать тебя. Или ты хочешь, чтобы невѣрная игрушка твоя ускользнула отъ тебя на грозномъ переходѣ отъ времени къ вѣчности? Или ты дерзнешь явиться къ престолу Всевышняго съ ложью на устахъ? сказать:

«ради тебя, Господи, пришла я сюда!» въ то время, какъ твои грѣшныя глаза станутъ искать своей земной игрушки?... А если этотъ хрупкій кумиръ твоего сердца, превращенный въ такого же червя, какъ и ты, пресмыкаясь у ногъ твоего суди, обманетъ въ эту грозную минуту твою безбожную увѣренность и укажетъ твоимъ обманутымъ надеждамъ на вѣчное милосердіе, котораго несчастный не въ силахъ вымолить и себѣ — что тогда? (*Громче и выразительнѣе.*) Что тогда, несчастная? (*Крѣпче обнимаетъ ее, смотритъ на нее нѣсколько времени пристально и проникательно, потомъ вдругъ выпускаетъ ее изъ своихъ рукъ.*) Больше я ничего не знаю... (*Поднимая правую руку.*) Не ручаюсь тебѣ, праведный Боже, за эту душу. Дѣлай, что хочешь. Принеси своему красавцу жертву, отъ которой возрадуется нечистая сила, и отступится твой ангелъ хранитель! — Ступай! взвали себѣ на плечи всѣ свои грѣхи, и этотъ послѣдній грѣхъ, ужаснѣйшій, а коль бремя все еще легко, я прибавлю къ нему и свое проклятіе. — Вотъ тебѣ ножъ — пронзи имъ свое сердце, да и (*хочетъ уйти, съ громкимъ воплемъ*) сердце отца!

Луиза (*кидается вслѣдъ за нимъ*). Пстой! пстой! Батюшка! — О! въ отцовской нѣжности больше жестокаго насилія, чѣмъ въ самой тираніи злобы! — Что мнѣ дѣлать? Я не могу! Что мнѣ дѣлать?

Миллеръ. Если поцалуи твоего маіора горячѣ слезъ твоего отца — умирай!

Луиза (*послѣ мучительной борьбы, съ нѣкоторою твердостью*). Батюшка! Вотъ моя рука!

Я не хочу... Боже! Боже! Что я дѣлаю? На что рѣшаюсь? Батюшка, клянусь... Горе мнѣ! горе мнѣ, тяжелой преступницѣ!... Батюшка, будь по твоему!... Фердинандъ... Богъ мнѣ свидѣтель... Вотъ какъ уничтожу я въ себѣ и послѣднюю память о немъ! (*Разрываетъ письмо.*)

Миллеръ (*радостно обнимая ее*). Вотъ узнаю мою Луизу! Взгляни на меня! Нѣтъ у тебя любовника; зато есть счастливый отецъ! (*Обнимаетъ ее и смѣясь, и плача.*) Луиза! дитятко мое! да вся моя жизнь не стоитъ одного этого дня! И какъ это мнѣ, ничтожному человѣку, далъ Господь такого ангела! — Луиза моя! рай мой!... Боже! я мало понимаю въ любви; но какая это должна быть мука перестать любить — это я знаю!

Луиза. Только вонъ изъ этой страны, батюшка! Вонъ изъ города, гдѣ надо мной насмѣхаются мои подруги, гдѣ навѣки погибло мое доброе имя... Дальше, дальше отсюда, гдѣ у меня передъ глазами столько слѣдовъ утраченнаго счастья. Дальше, если можно!...

Миллеръ. Куда хочешь, дитятко! Господь Богъ раститъ хлѣбъ вездѣ; найдутся вездѣ и уши для моей скрипки. Да пусть хоть и ничего не останется у насъ... Я положу на ноты исторію твоего горя, сложу пѣсню про дочь, что изъ любви къ отцу сердце себѣ растерзала — и станемъ мы ходить съ этою балладой со двора во дворъ, и отрадно будетъ и милостыню взять отъ людей, поплакавшихъ надъ нами.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ФЕРДИНАНДЪ.

ЛУИЗА (*первая замѣчаетъ его и съ громкимъ крикомъ кидается на шею отцу*). Боже! Онъ! Я пропала!

МИЛЛЕРЪ. Гдѣ? Кто?

ЛУИЗА (*показываетъ, не обращаясь лицомъ, на майора, и крѣпче прижимается къ отцу*). Онъ! онъ самъ... Оглянись, батюшка... Убить меня пришелъ онъ!....

МИЛЛЕРЪ (*увидавъ Фердинанда, отступаетъ назадъ*). Какъ? вы здѣсь, баронъ?

ФЕРДИНАНДЪ (*тихо подходитъ ближе, останавливается противъ Луизы, смотритъ на нее пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ и, помолчавъ, говоритъ*). Спасибо тебѣ, пойманная въ распахъ совѣсть!... Признаніе твое ужасно, но мгновенно и вѣрно, и мнѣ не для чего прибѣгать къ пыткамъ! Здравствуй, Миллеръ!

МИЛЛЕРЪ. Ради Бога! Что вамъ нужно, баронъ? Что привело васъ сюда? Что это значитъ?

ФЕРДИНАНДЪ. Было время, что день разбивали на секунды, что въ тоскѣ ожиданія не сводили глазъ съ медлительныхъ часовъ, и по ударамъ пульса рассчитывали минуты, когда я приду. — Отчего же такъ удивляетъ васъ теперь мой приходъ?

МИЛЛЕРЪ. Уходите, уходите, баронъ!... Если у васъ въ сердцѣ есть хоть капля состраданія, если вы не хотите убить той, кого, какъ вы говорите, лю-

бите, бѣгите, не оставайтесь здѣсь ни минуты больше! Благословеніе Божіе отлетѣло отъ моего домишка, только-что вы переступили его порогъ. Вы накликали горе подъ мою кровлю, гдѣ прежде жила лишь радость. Или вамъ хочется еще растравить рану, которую нанесло моему единственному дѣтищу несчастное знакомство съ вами?

ФЕРДИНАНДЪ. Чудакъ! я принесть твоей дочери пріятную вѣсть.

МИЛЛЕРЪ. Ужъ не новыя ли надежды для новаго отчаянія? — Уходи, вѣстникъ несчастія! глядя тебѣ въ лицо, не захочешь знать твоихъ вѣстей.

ФЕРДИНАНДЪ. Наконецъ цѣль моихъ надеждъ передо мной! Леди Мильфордъ, самое страшное препятствіе нашей любви, сейчасъ оставила герцогство. Отецъ одобряетъ мой выборъ. Судьба перестаетъ насъ преслѣдовать. Выходитъ наша счастливая звѣзда. — Я пришелъ исполнить данное слово и повести къ алтарю свою невѣсту.

МИЛЛЕРЪ. Слышишь, Луиза? Слышишь, какъ онъ издѣвается надъ твоими обманутыми надеждами? Оно и кстати, баронъ! къ лицу оболстителю — упражнять остроуміе на своемъ преступленіи.

ФЕРДИНАНДЪ. Ты думаешь, что я шучу? Клянусь честью, нѣтъ! Все это такъ же истинно, какъ любовь моей Луизы, и я такъ же свято сдержу слова свои, какъ она свои клятвы. . Для меня нѣтъ ничего святѣе... Ты все еще не вѣришь? все еще нѣтъ румянца радости на щекахъ моей прекрасной супруги? Странно! видно, ложь здѣсь ходячая мо-

нета, если истинѣ даютъ такъ мало вѣры? Вы не вѣрите моимъ словамъ? Такъ повѣрьте этому письменному доказательству. (*Бросаетъ Луизѣ ея письмо къ маршалу.*)

ЛУИЗА (*развертываетъ письмо, и, поблѣднѣвъ какъ полотно, падаетъ безъ чувствъ*).

МИЛЛЕРЪ (*не замѣчая этого, майору*). Что это значить, баронъ? Я васъ не понимаю!

ФЕРДИНАНДЪ (*подводитъ его къ Луизѣ*).

МИЛЛЕРЪ (*припадаетъ къ дочери*). Боже мой!... Луиза!

ФЕРДИНАНДЪ. Поблѣднѣла какъ смерть! — Вотъ этакъ она мнѣ нравится, твоя дочь! Никогда еще не была она такъ хороша, твоя кроткая, честная дочь... Лицо какъ у мертвой... Дуновение Божьей правды, стирающее обманчивый блескъ съ каждой лжи, спихнуло со щекъ ея румяны, которыми искусница обманула и свѣтлыхъ ангеловъ. — Это въ первый разъ ея настоящее лицо! Дай поцалую его. (*Хочетъ подойти къ Луизѣ.*)

МИЛЛЕРЪ. Прочь! Не раздражай отцовскаго сердца! Я не уберегъ ея отъ твоихъ ласкъ; но съумѣю охранить отъ твоихъ оскорбленій.

ФЕРДИНАНДЪ. Чего тебѣ, старикъ? Мнѣ нѣтъ до тебя никакого дѣла. Не впутывайся въ игру: она окончательно проиграна... Или ужъ не умнѣе ли ты, чѣмъ я предполагалъ? ужъ не помогалъ ли ты дочери въ ея любовныхъ шашняхъ своею шестидесятилѣтней мудростью? ужъ не посрамилъ ли своихъ сѣдыхъ волосъ ремесломъ сводника? — О! если этого не было — ложись, несчастный старикъ, и умирай... Пока еще есть

время. Ты можешь еще заснуть въ сладкомъ заблужденіи, что былъ счастливымъ отцомъ! — Еще минута — и ты отбросишь ядовитую ехидну въ породившій ее адъ, проклянешь и даръ и дарителя, и съ хулой на языкѣ сойдешь въ могилу. (*Луизъ.*) Говори, несчастная! Ты писала это письмо?

Миллеръ (*предостерегательно Луизъ*). Ради Бога, Луиза! Не забудь ты! не забудь!

Луиза. О! это письмо, батюшка!...

Фердинандъ. Попало не въ тѣ руки? — Хвала случаю! Онъ творить болѣе великія дѣла, чѣмъ мудрствующій разумъ, и прочнѣе разума всѣхъ мудрецовъ. — Случай?.. Провидѣніе участвуетъ и въ паденіи воробья; неужто же его нѣтъ, когда нужно сорвать личину съ дьявола?.. Отвѣчай же мнѣ!.. Ты писала это письмо?

Миллеръ (*Луизъ, сбоку, умоляющимъ тономъ*). Не робѣй! Будь тверда, Луиза! Одно только да, и всему конецъ.

Фердинандъ. Лихо! лихо! И отецъ обманутъ! Всѣ обмануты! Посмотрите на нее, безстыдную! И языкъ ея не хочетъ уже повиноваться послѣдней ея лжи! Клянись Богомъ! грознымъ и вѣчно истиннымъ Богомъ! Ты писала это письмо?

Луиза (*послѣ мучительной внутренней борьбы, во время которой она взорами говорила съ отцомъ, твердо и рѣшительно*). Я!

Фердинандъ (*въ испугъ*). Луиза! — Нѣтъ! душою моею клянусь! ты лжешь... На пыткѣ и невинность признаетъ за собою преступленія, въ которыхъ не участвовала... Я спросилъ слишкомъ рѣз-

ко... Не правда ли, Луиза?... Ты оттого лишь взяла на себя вину, что я спросилъ такъ рѣзко?

Луиза. Я сказала правду!

Фердинандъ. Нѣтъ, говорю я тебѣ! Нѣтъ! Нѣтъ! ты не писала. Это вовсе не твоя рука... Да если и такъ — неужто поддѣлать почеркъ труднѣе, чѣмъ испортить сердце?... Скажи мнѣ правду, Луиза!.. Или — нѣтъ, нѣтъ, не говори! Ты можешь сказать *да* — и я пропаль. — Солги, Луиза! солги!.. О! если бѣ у тебя была въ запасѣ какая нибудь ложь, и ты сказала мнѣ ее съ открытымъ ангельскимъ видомъ, и убѣдила бы только мой слухъ, мои глаза, а сердце жестоко обманула... О Луиза! одно слово твое могло бы изгнать истину изъ міра, и непреклонную справедливость превратить въ придворное низкопоклонство! (*Дрожащимъ отъ опасенія голосомъ.*) Ты писала это письмо?

Луиза. Клянусь Богомъ! грознымъ и вѣчно истиннымъ Богомъ! я!..

Фердинандъ (*помолчавъ, тономъ глубочайшей скорби*). Женщина! женщина!.. Какими глазами глядишь ты на меня?... Если бѣ эти глаза раздавали райскія наслажденія, ты не нашла бы желающихъ даже въ самомъ аду... Знаешь ли, чѣмъ ты была для меня, Луиза? Невозможно! нѣтъ! ты не знаешь, что ты была для меня *все!* *все!*.. Это жалкое, ничтожное слово, но цѣлая вѣчность едва вмѣщаетъ его; цѣлыя системы міровъ вращаются въ немъ.. *Все!* И такъ преступно насмѣяться надъ всѣмъ!.. О! это ужасно!

Луиза. Я вамъ призналась, господинъ Валь-

теръ. Я сама осудила себя. Идите теперь! Оставьте домъ, гдѣ вы были такъ несчастливы!

ФЕРДИНАНДЪ. Хорошо! хорошо! Вѣдь я спокоенъ... Спокойнымъ называютъ и опустошенный край, по которому прошла чума... Я спокоенъ... *(Послѣ нѣкотораго размышленія.)* Еще одна просьба, Луиза—последняя! Голова у меня въ лихорадочномъ жару. Мнѣ надо освѣжиться. Сдѣлай мнѣ стаканъ лимонаду. *(Луиза уходитъ.)*

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ. МИЛЛЕРЪ.

(Оба ходятъ нѣсколько времени, не говоря ни слова, взадъ и впередъ, на противоположныхъ сторонахъ комнаты.)

МИЛЛЕРЪ *(наконецъ останавливается и грустно смотритъ на майора)*. Баронъ! можетъ, это хоть немножко уменьшить ваше горе, если я вамъ скажу, что мнѣ отъ всей души васъ жаль!

ФЕРДИНАНДЪ. Э! полно объ этомъ, Миллеръ! *(Дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ.)* Я ужь теперь и не помню, какъ я попалъ къ тебѣ въ домъ, Миллеръ... По какому поводу?

МИЛЛЕРЪ. Какъ, баронъ? Вѣдь вы хотѣли учиться у меня на флейтѣ. Вы это забыли?

ФЕРДИНАНДЪ *(быстро)*. Я видѣлъ твою дочь! *(Опять нѣсколько минутъ молчанія.)* Ты не сдержалъ слова, пріятель! Мы условились, чтобы уединенные уроки наши были спокойны. Ты обманулъ меня и продавалъ мнѣ скорпіоновъ. *(Видя волне-*

ніе Миллера.) Не пугайся, старикъ! полно! (Съ чувствомъ обнимаетъ его.) Ты не виновать!

Миллеръ (обтирая глаза). Видитъ Господь всевѣдущій!

Фердинандъ (снова ходитъ, погруженный въ мрачныя думы). Странно — о! непостижимо странно играетъ нами судьба! На тонкихъ, незамѣтныхъ нитяхъ висятъ часто страшныя тяжести. — Зналъ ли человѣкъ, что въ этомъ плодѣ вкушаетъ онъ смерть?... Гм... зналъ ли онъ это? (Ходитъ быстро; потомъ въ сильномъ волненіи беретъ Миллера за руку.) Миллеръ! Я слишкомъ дорого плачу тебѣ за нѣсколько твоихъ уроковъ... Но тебѣ отъ этого нѣтъ прибыли... И ты можетъ-быть все теряешь. (Отходитъ отъ него, тревожно.) Нужно же было мнѣ приниматься за эту несчастную флейту!

Миллеръ (стараясь скрыть свое волненіе). Что-то долго нѣтъ лимонаду. Не пойти ли мнѣ посмотрѣть, если вы позволите?

Фердинандъ. Поспѣю, любезный Миллеръ! (Про себя.) И отцу нечего торопиться... Останься!.. Что бишь хотѣлъ я спросить?... Да! Луиза у тебя единственная дочь? Нѣтъ у тебя больше дѣтей?

Миллеръ (съ чувствомъ). Нѣтъ, баронъ!... Да и не надо мнѣ больше. Луиза всѣмъ моимъ сердцемъ завладѣла... все, что было во мнѣ любви, все я ей отдалъ.

Фердинандъ (глубоко потрясенный). А!.. Посмотри-ка лучше, добрый Миллеръ, что лимонадъ! (Миллеръ уходитъ).

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ одинъ.

Единственное дитя!.. Чувствуешь ли ты это, убійца? Единственное! Слышишь, убійца? Единственное!.. И у старика нѣтъ во всемъ свѣтѣ ничего, кромѣ его скрипки и этого единственнаго дитяти?.. И ты хочешь отнять его?.. Отнять?.. Отнять послѣдній грошъ у нищаго? Сломать костыли у хромаго и бросить ихъ къ его ногамъ? Какъ? и у меня достанетъ на столько жестокости?.. Ничего не ожидая, будетъ онъ спѣшить домой, чтобы на лицѣ дочери увидеть всю свою радость, и вдругъ входитъ и видитъ — она лежитъ, какъ увядшій цвѣтокъ — мертвая — раздавленная въ порывѣ досады... послѣдняя, единственная скудная надежда!.. И останавливается онъ передъ нею, и стоитъ, и у всей природы вокругъ словно занялось живительное дыханіе, и помертвѣвшій взглядъ его бесплодно бродитъ по безлюдному безконечному пространству, и ищетъ Божества, и уже не можетъ найти его, и слѣпо смежается... Боже! Боже! Но вѣдь и у моего отца одинъ сынъ... одинъ сынъ, но не одно богатство. (*Помолчавъ.*) Какъ? Да что же онъ теряетъ? Развѣ можетъ она осчастливить отца, если священнѣйшія чувства любви были для нея лишь игрушками? Нѣтъ, нѣтъ! И меня еще слѣдуетъ благодарить, что я раздавлю змѣю, пока она не успѣла ужалить и отца!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ. Миллеръ возвращается.

Миллеръ. Сейчасъ подадутъ, баронъ! — Бѣдняжка моя сидитъ и разливается плачетъ. Она нароняетъ вамъ слезъ и въ лимонадъ.

ФЕРДИНАНДЪ. Хорошо, еслибъ это были только слезы! — Давеча мы говорили о музыкѣ, Миллеръ! (*Вынимая кошелекъ.*) Я еще передъ тобой въ долгу!

Миллеръ. Какъ? что? Полноте, баронъ! За кого вы меня принимаете? За вами не пропадетъ. Не конфузьте меня... Богъ дастъ, не въ послѣдній мы разъ видимся.

ФЕРДИНАНДЪ. Почему знать? Возьми. Это на случай смерти.

Миллеръ (*смѣясь*). Э, полноте, баронъ! Въ этомъ случаѣ, кажется, за васъ бояться нечего.

ФЕРДИНАНДЪ. И не боялись. — Но развѣ тебѣ не случалось еще слышать, что умираютъ и въ молодости?.. Умираютъ и дѣвушки и юноши, дѣти надежды, воздушные замки обманутыхъ отцовъ... Не время подточить, не старость, такъ убьетъ часто громъ. — Вѣдь и Луиза твоя не бессмертна.

Миллеръ. Мнѣ ее далъ Богъ.

ФЕРДИНАНДЪ. Выслушай меня... Я говорю, и она не бессмертна. Эта дочь дороже тебѣ зѣницы ока. Ты привязался къ ней и сердцемъ и душой. Будь остороженъ, Миллеръ! Только отчаянные игроки ставятъ все на одну карту. Мы называемъ смѣльчакомъ купца, который грузитъ все свое состояніе

на одинъ корабль. — Эй, послушайся моего предостереженія. — Да что жъ ты не возьмешь деньги?

Миллеръ. Что, баронъ? Этотъ тяжелый кошелекъ? Что это вы выдумали, баронъ?

Фердинандъ. Это мой долгъ. — Возьми! (*Бросаетъ кошелекъ на столъ, такъ-что изъ него выкатываются золотыя монеты.*) Не цѣлый же вѣкъ носиться мнѣ съ этой дрянью!

Миллеръ (*въ изумленіи*). Какъ? Боже милостивый! да это никакъ не серебро? (*Подходитъ къ столу и восклицаетъ въ ужасъ.*) Какъ, баронъ? ради Бога! Что вы? Что это вы дѣлаете? Вотъ разсѣянность-то! (*Всплескивая руками.*) Да вѣдь тутъ — или я околдованъ, или — Богъ меня убей! да вѣдь это золото, чистое золото! — Нѣтъ, сатана! на этомъ ты меня не поймашь!

Фердинандъ. Выпилъ ты сегодня что-ли, Миллеръ?

Миллеръ. (*грубо*). Чортъ побери! Да вы посмотрите! — Золото!

Фердинандъ. Ну такъ что же?

Миллеръ. Фу, дьяволъ... я вамъ говорю... ради Бога, взгляните!.. Золото!

Фердинандъ. Да что же тутъ необыкновеннаго?

Миллеръ (*послѣ нѣкотораго молчанія подходитъ къ нему, съ чувствомъ*). Господинъ баронъ! я простой, прямой человѣкъ. На мошенничество вы меня не купите. Видитъ Богъ, такихъ денегъ не заслужить честно!

Фердинандъ (*тронутый*). Будь спокоенъ, любезный Миллеръ! Ты давно заслужилъ эти деньги,

и Боже меня упаси, чтобы я положился въ цѣнѣ на твою добросовѣстность!

Миллеръ (*подпрыгивая какъ сумасшедшій*). Такъ они мои! мои! Съ Божьяго соизволенія и благословенія, мои! (*Бѣжитъ къ двери и кричитъ.*) Жена! дочь! Ура! сюда! (*Возвращаясь.*) Боже праведный! да какъ же это очутилось у меня вдругъ такое богатство? Чѣмъ я его заслужу? чѣмъ заплачу? Ахъ!

Фердинандъ. Ужь не музыкальными уроками, Миллеръ. — Этими деньгами я плачу тебѣ... (*Приостанавливается отъ внутренняго содраганія.*) Я плачу тебѣ ими... (*помолчавъ, съ грустью*) за длившійся три мѣсяца несчастный сонъ о твоей дочери!

Миллеръ (*крѣпко жметъ ему руку*). Баронъ! Будь вы пррстой, ничтожный мѣщанинъ — (*быстро*) и смѣй не любить васъ моя дочь — да я бы ее зарѣзалъ! (*Опять подходитъ къ столу и наклоняется надъ деньгами.*) Да вѣдь этакъ у васъ ничего не останется?.. Пожалуй, придется мнѣ, начавши за здравье, съѣхать на упокой! а?

Фердинандъ. Не безпокойся объ этомъ, любезный!.. Я уѣзжаю — а въ той сѣранѣ, гдѣ думаю поселиться, эти деньги не ходятъ!

Миллеръ (*все время не отрывавшій отъ денегъ жаднаго взора, съ восторгомъ*). Такъ они у меня остаются? у меня? — Жаль только, что вы уѣзжаете. — То-то я теперь поправлюсь! Мы теперь покажемъ себя! (*Надѣваетъ шляпу и расхаживаетъ по комнатѣ.*) Стану теперь давать уроки на ярмонкѣ, курить королевскій табакъ номеръ пя-

тый; ужь не по прежнему заживемъ... Какъ бы не такъ! (*Хочетъ уйдти.*)

ФЕРДИНАНДЪ. Постой! Молчи, и спрячь деньги! (*Выразительно.*) Только этотъ вечеръ помолчи, да сдѣлай мнѣ удовольствіе—отнынѣ не давай больше уроковъ.

МИЛЛЕРЪ (*еще больше горячась, схватываетъ маіора за пуговицу жилета; съ чрезвычайной радостью*). А дочь-то моя, баронъ!.. (*Выпускаетъ пуговицу.*) Для мужчины что деньги?.. что?.. Я ѣлъ картофель да тетерекъ; только бы сыту быть! а этотъ кафтанъ и вѣкъ проношу, лишь бы сквозь локти солнце не стало свѣтить... Для меня деньги—вздоръ!.. А вотъ дочери они нужны; только въ глазахъ у нея прочту, чего ей хочется—все будетъ!

ФЕРДИНАНДЪ (*быстро прерываетъ его*). Молчи!.. ахъ, молчи!

МИЛЛЕРЪ (*все съ бѣльшимъ жаромъ*). И по французски выучится фундаментально, и менуэтъ танцовать, и пѣть—на славу, что называется! Въ чепчикъ будетъ ходить, какъ чиновница какая, въ разныхъ этихъ фалбарахъ вашихъ. На четыре мили въ окружности, кого ни спроси, всякой будетъ знать музыкантову дочку!

ФЕРДИНАНДЪ (*схватываетъ его за руку, въ сильнѣйшемъ волненіи*). Довольно! довольно! Ради Бога, замолчи! Только сегодня помолчи! Одного этого требую я отъ тебя вмѣсто благодарности.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ЛУИЗА съ лимонадомъ.

ЛУИЗА (*подноситъ майору на тарелкѣ стаканъ; глаза у нея заплаканы, голосъ дрожитъ*). Скажите — если не сладко...

ФЕРДИНАНДЪ (*беретъ стаканъ, ставитъ его и быстро обращается къ Миллеру*). Ахъ, чуть было я не забылъ! — Можно попросить тебя, любезный Миллеръ? сослужишь ты мнѣ небольшую службу?

МИЛЛЕРЪ. Хоть тысячу! Что прикажете?

ФЕРДИНАНДЪ. Меня будутъ ждать къ столу. А я къ несчастію совсѣмъ не въ духѣ. Мнѣ никакой охоты нѣтъ быть въ обществѣ. — Не сходишь ли ты къ моему отцу сказать, чтобы меня извинили?

ЛУИЗА (*въ испугъ перебиваетъ его*). Я могу сходить.

МИЛЛЕРЪ. Къ президенту?

ФЕРДИНАНДЪ. Не къ нему самому. Скажи только въ прихожей камердинеру. — А чтобы тебѣ повѣрили, вотъ мои часы. — Я побуду здѣсь, пока ты не воротишься. — Подожди тамъ отвѣта.

ЛУИЗА (*умоляющимъ тономъ*). Да нельзя ли мнѣ сходить?

ФЕРДИНАНДЪ (*Миллеру, который ужь собрался идти*). Постой; вотъ еще что! Нынче вечеромъ я получилъ письмо для передачи отцу .. можетъ-быть что-нибудь важное. — За одно отдай и его.

МИЛЛЕРЪ. Слушаю, баронъ!

ЛУИЗА (обнимая его, въ невыразимомъ страхѣ). Батюшка, вѣдь все это могла бы сдѣлать я!

МИЛЛЕРЪ. Одна-то, Луиза, въ такую темную ночь? (*Уходитъ.*)

ФЕРДИНАНДЪ. Посвѣти отцу, Луиза! (*Пока она идетъ со свѣчой за отцомъ, онъ подходитъ къ столу и всыпаетъ ядъ въ стаканъ съ лимонадомъ.*) Да, и она! и она! Высшія силы ниспосылаютъ мнѣ свое грозное согласіе, мщеніе небесное утверждаетъ его, ангель хранитель отступился отъ нея!

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ. ЛУИЗА.

(*Она тихо возвращается со свѣчой, ставитъ ее на столъ и останавливается на противоположной отъ маіора сторонѣ, опустивъ глаза, и лишь изрѣдка робко и украдкой взглядываетъ на него. Онъ стоитъ на другой сторонѣ и неподвижно смотритъ передъ собой. — Долгое и глубокое молчаніе.*)

ЛУИЗА. Не хотите ли сыграть со мной, господинъ Вальтеръ? Я сяду за фортепіано. (*Развертываетъ ноты. Фердинандъ не отвѣчаетъ. Молчаніе.*) Вы еще въ шахматы не отыгрались. Не хотите ли партію, господинъ Вальтеръ? (*Опять молчаніе.*) Господинъ Вальтеръ, бумажникъ, что я вамъ тогда обѣщала вышить — я его начала. Не хотите ли посмотрѣть узоръ? (*Опять молчаніе.*) О! я очень несчастна!

ФЕРДИНАНДЪ (*не перемѣняя положенія*). Очень можетъ быть.

Луиза. Я не виновата, господинъ Вальтеръ, что не умѣю васъ занять.

Фердинандъ (*съ презрительнымъ смѣхомъ*). Чѣмъ ты можешь занять мою глупую скромность?

Луиза. Я знала, что намъ ужъ нечего теперь быть вмѣстѣ. Я испугалась, признаюсь вамъ, когда вы посылали батюшку. — Мнѣ кажется, эти минуты должны быть невоносимы для насъ обоихъ, господинъ Вальтеръ. — Если вы позволите, я схожу и позову кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ.

Фердинандъ. Разумѣется! А я пойду и приведу своихъ.

Луиза (*смотритъ на него въ смущеніи*). Господинъ Вальтеръ!

Фердинандъ (*злобно*). Клянусь честью! умнѣе ничего нельзя придумать въ этомъ положеніи. Нашъ непріятный дуэтъ мы можемъ превратить въ удовольствіе, и съ помощью извѣстныхъ любезностей отомстить за любовные капризы.

Луиза. Вы въ веселомъ расположеніи духа, господинъ Вальтеръ!

Фердинандъ. Въ такомъ веселомъ, что могъ бы собрать вокругъ себя всѣхъ мальчишекъ на улицѣ! Нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ, Луиза! Твой примѣръ увлекаетъ меня... Ты будешь моей учительницей. Одни глупцы толкуютъ о вѣчной любви. Вѣчно одно и тоже надоѣдаетъ; только перемѣна — приправа удовольствія. — Да, Луиза! я съ этимъ согласенъ. — Станемъ порхать изъ романа въ романъ, попадать изъ грязи въ грязь... Ты туда — я сюда... Можетъ, мое потерянное спокойствіе и найдется гдѣ

нибудь въ непотребномъ домѣ... Можетъ, окончивъ свое веселое поприще, мы и еще разъ столкнемся — два изможденные скелета — къ общему нашему удовольствію, и узнаемъ другъ друга по родственнымъ чертамъ, обличающимъ общую мать, какъ это бываетъ въ комедіяхъ, и можетъ-быть позоръ и мерзость сольются въ одну гармонію, которая была невозможна для нѣжнѣйшей любви.

Луиза. Фердинандъ! Фердинандъ! И безъ того ты несчастливъ... Или тебѣ хочется еще новыхъ несчастій?

Фердинандъ (*озлобленный, бормочетъ сквозь зубы*). Я несчастливъ? Кто это сказалъ тебѣ? Сама ты слишкомъ гадка, чтобы почувствовать это... Чѣмъ тебѣ оцѣнить чувства другаго?.. Я не счастливъ?.. О! это слово могло бы вызвать изъ могилы мое бѣшенство! — Меня ждало несчастье — она знала это! Смерть и проклятіе! она знала это, и все-таки измѣнила мнѣ. — Змѣя! это было единственное право твое на прощеніе.. Признаніе твое обрекаетъ тебя на смерть... До этой минуты я могъ украшать твое преступленіе наивностью; презрѣніе мое чуть не спасло тебя отъ моей мести. (*Быстро беретъ стаканъ.*) Такъ ты была не легкомысленна — не глупа? Дьяволомъ ты была! (*Пьетъ.*) Лимонадъ прѣсенъ, какъ твоя душа. — Попробуй!

Луиза. Боже мой! не даромъ боялась я этой бесѣды!

Фердинандъ (*повелительно*). Попробуй!

Луиза (*не хотя беретъ стаканъ и пьетъ*).

Фердинандъ (*отворачивается, лишь только она поднесла стаканъ къ губамъ, вдругъ блѣ-*

днѣтъ, и отходитъ въ самый дальній уголъ комнаты).

ЛУИЗА. Лимонадъ хорошъ.

ФЕРДИНАНДЪ (не оборачиваясь и весь дрожа). На здоровье!

ЛУИЗА (поставивъ стаканъ). О! если бы вы знали, Вальтеръ, какъ страшно оскорбляете вы мое сердце!

ФЕРДИНАНДЪ. Гм...

ЛУИЗА. Будетъ время, Вальтеръ!..

ФЕРДИНАНДЪ (опять выходя впередъ). О! обо времени теперь ужъ нечего говорить!

ЛУИЗА. Вы будете горько жалѣть объ этомъ вечерѣ...

ФЕРДИНАНДЪ (начинаетъ ходить быстрѣе, становится безпокойнѣе, и сбрасываетъ съ себя шарфъ и шпату). Прощай, служба!

ЛУИЗА. Боже мой! Что съ вами?

ФЕРДИНАНДЪ. Мнѣ узко и жарко... Хочу немного облегчить себя.

ЛУИЗА. Пейте! пейте! Лимонадъ васъ освѣжить.

ФЕРДИНАНДЪ. Разумѣется... Потаскушка добра... впрочемъ всѣ онѣ таковы!

ЛУИЗА (кидается къ нему съ выраженіемъ глубокой любви и хочетъ обнять его). И это ты говоришь о твоей Луизѣ, Фердинандъ?

ФЕРДИНАНДЪ (отталкиваетъ ее). Прочь! прочь! прочь съ этими нѣжными, страстными взорами! Я не устою. Явись во всей своей ужасной отвратительности, змѣя! Кинься на меня, ехидна! Разверни передо мной свои страшныя звенья, взвейся

къ небу!.. во всемъ безобразіи, въ какомъ видѣль тебя адъ!.. Только не являйся ангеломъ... только не ангеломъ... Ужь поздно... Я долженъ раздавить тебя, какъ гадину, или впасть въ отчаяніе. — Сжался надо мной!

Луиза. О! до чего это дошло!

Фердинандъ (*смотритъ на нее сбоку*). Это прекрасное твореніе небеснаго ваятеля... Кто этому повѣритъ?.. Кто повѣритъ? (*беретъ ея руку и поднимаетъ кверху*.) Я не испытую тебя, Господи!.. Но зачѣмъ разливаешь ты ядъ въ такіе чудные сосуды?.. Можетъ ли вмѣщаться порокъ въ такой кроткой, небесной наружности?.. Непостижимо!

Луиза. О! слышать все это — и не смѣть говорить!

Фердинандъ. И этотъ сладостный голосъ... Какъ могутъ звучать такою гармоніей разорванныя струны? (*Глядитъ на нее въ упоеніи*.) Все такъ прекрасно... такъ полно гармоніи... все такъ божественно совершенно!.. На всемъ печать послѣдняго дня творенія! Клянусь Богомъ! весь міръ, кажется, возникъ лишь какъ приготовленіе къ этому дивному созданію!.. И только на душѣ не отразилось это совершенство! Можетъ ли быть, чтобы это возмутительное исчадіе природы явилось на свѣтъ безъ порока? (*Быстро отходитъ отъ Луизы*.) Или можетъ-быть природа видѣла, что изъ подъ рѣзца ея выходитъ ангель, и чтобы помочь своей ошибкѣ, дала ей тѣмъ болѣе черное сердце?

Луиза. О горькое упорство! Онъ готовъ обвинять небо, и не заподозрить себя въ ошибкѣ!

ФЕРДИНАНДЪ (*съ горькимъ плачемъ бросается ей на шею*). Еще разъ, Луиза!.. Еще разъ, какъ въ тотъ день, когда ты впервые поцаловала меня, когда первое *ты* сорвалось съ твоихъ пылающихъ губъ... О! казалось, это мгновенье заключало въ себѣ, какъ почка, сѣмена безконечныхъ, неизреченныхъ радостей. — Прекраснымъ майскимъ днемъ лежала вѣчность передъ нашими глазами; золотые вѣтка мелькали въ пышномъ вѣнчальномъ уборѣ передъ нашею душой... Я былъ тогда счастливъ!.. О Луиза! Луиза! Луиза! зачѣмъ ты сгубила меня?

ЛУИЗА. Плачьте, плачьте, Вальтеръ! Ваша грусть будетъ ко мнѣ справедливѣе вашего гнѣва.

ФЕРДИНАНДЪ. Ты ошибаешься. Это не слезы грусти... Не та теплая, отрадная роса, что льется бальзамомъ въ душевныя раны и снова приводитъ въ движеніе застывшее чувство. Это одинокія холодныя капли — горькое вѣчное прощаніе моей любви. (*Съ грозной торжественностью, опускаетъ руку на ея голову.*) Это слезы о твоей душѣ, Луиза!.. Слезы о томъ, что Божество не коснулось тебя своимъ безконечнымъ милосердіемъ, что въ тебѣ гибнетъ лучшее изъ его созданій! — О! мнѣ кажется, весь міръ долженъ бы одѣться въ трауръ и оцѣпенѣть отъ того, что происходитъ въ его средѣ... Не диво, что люди падаютъ и теряютъ рай; но какъ не стонать всей природѣ, когда чума поражаетъ и ангеловъ?

ЛУИЗА. Не доводите меня до крайности, Вальтеръ! У меня не мало силы душевной... но и она не устоитъ противъ сверхъ-человѣческаго испытанія. Вальтеръ, еще одно слово — и потомъ раз-

станемся... Грозная судьба смѣшала языкъ нашихъ сердець. Если бъ я смѣла открыть уста, Вальтеръ, я могла бы сказать тебѣ то... я могла бы... Но жестокий рокъ связалъ мой языкъ, какъ и любовь мою — и я должна терпѣть — пусть ты обращаешься со мной, какъ съ потерянной женщиной...

ФЕРДИНАНДЪ. Хорошо ты себя чувствуешь, Луиза?

ЛУИЗА. Къ чему этотъ вопросъ?

ФЕРДИНАНДЪ. Мнѣ было бы жаль тебя, если бъ ты ушла отсюда съ ложью на устахъ.

ЛУИЗА. Вальтеръ! умоляю васъ!..

ФЕРДИНАНДЪ (*въ сильнѣйшей тревогѣ*). Нѣтъ! нѣтъ! Это была бы слишкомъ сатанинская месть! Нѣтъ! Боже меня сохрани! Въ *тотъ* міръ я не перенесу ея. — Луиза! любила ты маршала? Ты уже не выйдешь изъ этой комнаты.

ЛУИЗА. Спрашивайте, что хотите. Я ужъ больше ничего не отвѣчу. (*Садится*).

ФЕРДИНАНДЪ (*серіознѣе*). Позаботься о своей безсмертной душѣ, Луиза! — Любила ты маршала? Ты ужъ не выйдешь изъ этой комнаты.

ЛУИЗА. Я ничего не отвѣчу.

ФЕРДИНАНДЪ (*въ неопisanномъ волненіи падаетъ предъ нею на колѣни*). Луиза! Любила ты маршала? Эта свѣча не успѣетъ еще догорѣть — ты будешь — предъ лицомъ Бога!

ЛУИЗА (*вскакиваетъ въ испугъ*). Боже! Что такое?.. И мнѣ вдругъ такъ дурно стало! (*Снова опускается въ кресла.*)

ФЕРДИНАНДЪ. Уже?.. Вы, женщины, остаетесь вѣчной загадкой! Нѣжные нервы выдержи-

вають преступленія, подтачивающія въ корнѣ чело-
вѣчество — и жалкій грань мышьяку убиваетъ ихъ.

Луиза. Ядъ! ядъ! Боже мой!

Фердинандъ. Должно быть. Лимонадъ твой
былъ подслащенъ въ аду. Ты пила свою смерть.

Луиза. Умереть! умереть! Боже милосердый!
Ядъ въ лимонадъ — и умереть!.. О! смилуйся надъ
душою моею, Боже всемилостивый!

Фердинандъ. Это главное. О томъ же мо-
лю его и я.

Луиза. А мать моя... отецъ... Спаситель
міра!.. Мой бѣдный, погибшій отецъ!.. Или нѣтъ
никакого спасенія?.. Я такъ молода — и нѣтъ спа-
сенія! и мнѣ ужь умирать!

Фердинандъ. Спасенія нѣтъ, и тебѣ надо
умирать... Но будь спокойна. Мы отправимся вмѣстѣ.

Луиза. Фердинандъ! и ты? Ядъ! Фердинандъ!
Отъ тебя!.. Боже, прости ему... Боже милосердый,
сними съ него этотъ грѣхъ...

Фердинандъ. Подумай о *своихъ* грѣхахъ...
Это, кажется, не мѣшало бы тебѣ.

Луиза. Фердинандъ! Фердинандъ!.. О!.. Те-
перь ужь я не могу молчать... Смерть... смерть
снимаетъ съ насъ всѣ клятвы... Фердинандъ! Ни
небо, ни земля не видали никого несчастнѣе меня!..
Я умираю невинною, Фердинандъ!

Фердинандъ (*въ испугъ*). Что ты сказа-
ла? — Готовясь къ этому пути, кажется, забываютъ
о лжи...

Луиза. Я не лгу... Лишь *разъ* солгала я
во всю свою жизнь... Ахъ! какая дрожь пробѣгаетъ

у меня по всѣмъ жиламъ... только разъ, какъ написала письмо къ гофмаршалу...

ФЕРДИНАНДЪ. О! это письмо!.. Слава Богу! Мужество мое возвращается ко мнѣ.

ЛУИЗА (*слабо владѣя языкомъ; пальцы ея въ судорожномъ движеніи*). Это письмо... Соберись съ духомъ! ты услышишь страшное признаніе... Рука моя писала, а сердце проклидало эти строки... Твой отецъ диктовалъ мнѣ.

ФЕРДИНАНДЪ (*стоитъ неподвижно, какъ статуя, въ долгомъ мертвомъ безмолвіи, и вдругъ падаетъ какъ громомъ пораженный*).

ЛУИЗА. О ужасная ошибка!.. Фердинандъ — меня принудили — прости — твоя Луиза предпочла бы смерть — но отецъ мой — опасность... Они сдѣлали такъ хитро...

ФЕРДИНАНДЪ (*вскакиваетъ въ ужасъ*). Славу Богу!.. Я еще не чувствую яда. (*Выхватываетъ шпагу.*)

ЛУИЗА (*все болѣе и болѣе слабѣя*). Боже! Что ты задумалъ? Это отецъ твой...

ФЕРДИНАНДЪ (*тономъ жесточайшаго бѣшенства*). Убійца и отецъ убійцы! — Туда же пойдеть и онъ, чтобы Вѣчный Судія обратилъ весь свой гнѣвъ на виновнаго. (*Хочетъ идти.*)

ЛУИЗА. Спаситель прощаль, умирая... Богъ да сохранить и тебя и его. (*Умираетъ.*)

ФЕРДИНАНДЪ (*быстро оборачивается, замѣчаетъ ея послѣднее предсмертное движеніе, и припадаетъ въ отчаяніи къ мертвой*). Подожди! Подожди! Не улетай, ангель небесный! (*Беретъ ее за руку, но тотчасъ же выпускаетъ.*)

Холодная, холодная и влажная! Душа ея отлетѣла! (*Снова вскакиваетъ.*) Боже моей Луизы! помилуй! помилуй худшаго изъ убійцъ! Это была ея послѣдняя молитва!.. Какъ хороша, какъ прекрасна она и мертвая! Тронутая смерть пощадила эти прелестныя щеки... Эта кротость не была личиной; и смерть не унесла ея. (*Помолчавъ.*) Но что же это? Отчего я ничего не чувствую? Или сила молодости хочетъ спасти меня? Напрасный трудъ! Я этого не хочу. (*Схватываетъ стаканъ.*)

ПОСЛѢДНІЙ ВЫХОДЪ.

ФЕРДИНАНДЪ. ПРЕЗИДЕНТЪ. ВУРМЪ и СЛУГИ. *Всѣ вбѣгаютъ въ ужасъ. Потомъ МИЛЛЕРЪ съ народомъ и полиціей, которые собираются во глубинѣ сцены.*

ПРЕЗИДЕНТЪ (*съ письмомъ въ рукѣ*). Сынъ мой! что это?.. Я не вѣрю...

ФЕРДИНАНДЪ (*кидаетъ стаканъ къ его ногамъ*). Такъ убѣдись, убійца!

ПРЕЗИДЕНТЪ (*отступаетъ въ испугъ. Всѣ въ оцѣпенѣніи. Минута грознаго безмолвія*). Фердинандъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

ФЕРДИНАНДЪ (*не глядя на него*). Разумѣется! Слѣдовало сначала спросить сановника, пригодится ли для него эта штука!.. Нечего сказать, хитро и удивительно придумали разорвать союзъ нашихъ сердець ревностью. — Разсчетъ былъ мастерски составленъ; жаль только, что раздраженная любовь не покорилась этимъ пружинамъ такъ, какъ твоя деревянная кукла.

ПРЕЗИДЕНТЪ. (*озирается безумными глазами*). Неужто нѣтъ здѣсь никого, кто бы пожалѣлъ о безутѣшномъ отцѣ?

МИЛЛЕРЪ (*за сценой*). Пустите меня! ради Бога! пустите!

ФЕРДИНАНДЪ. Дѣвушка эта — праведница; за нее пусть отмститъ другой. (*Отворяетъ дверь Миллеру, вбѣгающему съ народомъ и полицейскими.*)

МИЛЛЕРЪ (*въ ужасъ*). Дитятко мое! дитятко мое!... Ядъ... ядъ, сказали, тутъ... Дочка моя! гдѣ ты?

ФЕРДИНАНДЪ (*подводитъ его къ трупу Луизы и указываетъ на президента*). Я не виновать. Благодари его!

МИЛЛЕРЪ (*падаетъ на полъ*). Господи!

ФЕРДИНАНДЪ. Всего нѣсколько словъ, отецъ!... Они мнѣ теперь дороги... Жизнь моя мошеннически украдена у меня — украдена *тобой*. Я трепещу суда Божія; но злодѣемъ я никогда не былъ. Что бы ни выпало мнѣ на долю въ вѣчности — да не падеть оно на *тебя*... Но я совершилъ убійство, (*грозно возвышая голосъ*) убійство, съ которымъ — ты знаешь это — явлюсь я *не одинъ* предъ Всевышняго Судію. Торжественно передаю тебѣ большую и ужаснѣйшую его половину: управляйся съ нею, какъ самъ знаешь! (*Подводитъ его къ Луизѣ.*) Взгляни, злодѣй! Полюбуйся ужасными плодами своего остроумія; на этомъ лицѣ неизгладимыми чертами написано твое имя, и ангелы мстители прочтутъ его... Пусть образъ ея распахиваетъ пологъ твоей постели, когда ты спишь, и подаетъ тебѣ свою ледяную руку! Пусть этотъ образъ станетъ передъ

твоею душой, когда ты будешь умирать, и прерветъ твою послѣднюю молитву! Пусть этотъ образъ станетъ надъ твоею могилой, когда наступитъ день воскресенія — и передъ Богомъ, когда онъ будетъ судить тебя. (*Теряетъ чувства. Слуги поддерживаютъ его.*)

ПРЕЗИДЕНТЪ (*въ отчаяніи подымая руку къ небу*). Не отъ меня, Владыко Небесный, не отъ меня требуй отчета въ этихъ душахъ, а отъ него! (*Подходитъ къ Вурму.*)

ВУРМЪ (*оживляясь*). Отъ меня?

ПРЕЗИДЕНТЪ. Да! отъ тебя, проклятый! отъ тебя, сатана!—ты, ты далъ мнѣ ехидный совѣтъ... Ты отвѣтишь... Я умываю руки.

ВУРМЪ. Я? (*Злобно хохочетъ.*) Вотъ какъ! Неужто?... Ну, я узналъ по крайней мѣрѣ, какая благодарность у дьяволовъ! — Я, безумный злодѣй? Да развѣ это мой сынъ? развѣ я былъ твоимъ господиномъ?—Я отвѣчу? отвѣчу въ томъ, отъ чего вся кровь застыла у меня въ жилахъ? Я отвѣчу?—Хорошо! пусть я пропаду, но ужь и ты не уйдешь.—Эй! эй! Кричите карауль по улицамъ! Зовите полицію! Жандармы, вяжите меня! ведите меня отсюда! Я открою такія тайны, что у тѣхъ, кто ихъ услышитъ, волосъ встанетъ дыбомъ. (*Хочетъ идти.*)

ПРЕЗИДЕНТЪ (*удерживаетъ его*). Сумасшедшій! неужто ты...

ВУРМЪ (*треплетъ его по плечу*). Да, пріятель!.. да! я все открою!.. Я точно сумасшедшій—это твое дѣло... Ну, и дѣйствовать стану, какъ сумасшедшій. Рука объ руку пойдемъ мы съ тобой на плаху! рука объ руку съ тобой и въ адъ. Мнѣ бу-

дети лестно, что я осужденъ вмѣстѣ съ тобой! (*Его уводятъ.*)

Миллеръ (*все это время лежавшій въ безмолвной скорби, припавъ головой на грудь Луизы, быстро встаетъ и бросаетъ кошелекъ къ ногамъ майора*). Отравитель! оставь у себя свои проклятыя деньги!.. Не дитя ли мое думалъ ты купить на нихъ? (*Убѣгаетъ изъ комнаты.*)

Фердинандъ (*прерывающимся голосомъ*). Идите за нимъ! Онъ въ отчаяніи. — Эти деньги сберегите ему. — Эта моя страшная признательность... Луиза!.. Луиза!.. Я иду... Прощайте!.. Дайте мнѣ умереть около этой святыни!

Президентъ (*приходя въ себя изъ мертваго оцѣпенѣнія, сыну*). Сынъ мой! Фердинандъ! неужто ни взгляда твоему убитому отцу? (*Майора опускаютъ рядомъ съ Луизой.*)

Фердинандъ. Богу милосердому послѣдній взглядъ мой.

Президентъ (*въ глубокой скорби кидается передъ нимъ на колѣни*). И созданіе и Творецъ покидаютъ меня... Неужто ни одного взгляда мнѣ въ утѣшеніе?

Фердинандъ (*умирая, подаетъ ему руку*).

Президентъ (*быстро поднимается*). Онъ простилъ меня! (*Дружимъ.*) Теперь я въ вашей власти.

(*Онъ уходитъ. Полиція слѣдуетъ за нимъ. Занавѣсъ опускается.*)

ПЛАНЫ И ОТРЫВКИ

I.

ВАРБЕКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Маргарита Іоркъ, герцогиня Бургундская.

Аделаида, принцесса Бретанская.

Эрикъ, принцъ Готландскій.

Варбекъ, мнимый герцогъ Іоркъ.

Симнель, мнимый принцъ Эдуардъ Кларенсъ.

Эдуардъ Плантагенетъ, настоящій принцъ Кларенсъ.

Графъ Герфордъ, англійскій лордъ, выходецъ.

Его пять сыновей.

Сэръ Вильямъ Станлей, посланникъ Генриха VII англійскаго.

Графъ Кильдеръ.

Бельмонтъ, епископъ Иперискій.

Сэръ Ричардъ Блунтъ, посланникъ мнимаго Эдуарда.

Граждане Брюсселя.

Придворные слуги Маргариты.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Лордъ Герфордъ, приверженецъ Йорковъ, со своими пятью сыновьями, покинулъ Англію при извѣстїи, что Ричардъ Йоркъ, второй сынъ Эдуарда IV, котораго считали убитымъ еще въ дѣтствѣ, въ Брюсселѣ, живъ и требуетъ права наслѣдія. Признаніе претендента его теткой, герцогиней Маргаритой Бургундской, Франціей и Португаліей, послужило ему достаточнымъ основаніемъ отпасть отъ Генриха VII, и рискнуть своимъ состояніемъ въ виду будущихъ благъ. Онъ входитъ во дворецъ Маргариты, гдѣ видитъ портретъ Йорка, и радуется, что онъ теперь въ странѣ, гдѣ можетъ свободно выражать свою привязанность къ дому Йорковъ.

Лордъ Станлей, посланникъ Генриха VII при дворѣ Маргариты, встрѣчаетъ его тутъ, и тщетно старается открыть ему глаза на этотъ обманъ. Оба начинаютъ горячиться, и споръ о двухъ розахъ возобновляется въ залѣ Маргариты.

Епископъ Ипернскій, довѣренное лицо герцогини, входитъ, и останавливаетъ ихъ. Онъ хвалитъ при-

вязанность герцогини къ своей угнетенной партіи и къ своимъ беззащитнымъ родственникамъ, и высказываетъ, чѣмъ Маргарита желаетъ быть.

Залу наполняютъ граждане и женщины Брюсселя, въ ожиданіи герцогини съ принцемъ Іоркомъ. Станлей порицаетъ ихъ ослѣпленіе; насмѣшки, которыми онъ осыпаетъ ихъ обожаемаго принца, приводятъ ихъ въ такое бѣшенство, что они грозятся разорвать его. Слышатся трубы, возвѣщающія приходъ Іорка.

Ричардъ подходитъ къ нимъ, спасаетъ посланника, говоритъ рѣчь народу и успокоиваетъ его. Во время его рѣчи входитъ Маргарита, сопровождаемая принцемъ Готландскимъ, принцессою Бретанской и другими вельможами. Видъ Ричарда увлекаетъ, убѣждаетъ и поражаетъ Герфорда. Онъ бросается передъ нимъ на колѣни, и отдаетъ ему честь, какъ сыну своего короля. Тутъ Маргарита начинаетъ говорить, и признаетъ племянника своего съ родственною нѣжностью. Она требуетъ, чтобы принцъ благосклонно принялъ услуги лорда.

Ричардъ обнимаетъ его, и выражается съ чувствомъ, но въ то же время съ царственнымъ достоинствомъ.} Принятый имъ благосклонно, Герфордъ спрашиваетъ его о приключеніяхъ его жизни.

Ричардъ хочетъ уклониться отъ этого.

Герцогиня берется рассказать, извиняя въ то же время Ричарда.

За этимъ слѣдуетъ рассказъ о баснословныхъ приключеніяхъ Ричарда, который производитъ сильное

впечатлѣніе, и часто прерывается возгласами слушателей.

Станлей еще разъ возражаетъ противъ этого, и уходитъ, не убѣдивъ слушателей. Благородное объясненіе Ричарда уничтожаетъ впечатлѣніе словъ Станлея.

Герфордъ подтверждаетъ свои увѣренія и обѣщаетъ герцогу Ричарду множество приверженцевъ въ Англіи. Ричардъ съ волненіемъ вспоминаетъ, что прежде онъ не зналъ, кто онъ такой, и сравниваетъ то беззаботное состояніе съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Необходимость отыскивать свои права— для него не счастье, а тяжелая обязанность. Онъ хочетъ еще разъ обдумать, и дать тоже обдумать герцогинѣ, рѣшиться ли ему на кровавую битву, которая разстроитъ миръ двухъ государствъ.

Она побуждаетъ его на это, какъ ни тяжела ей разлука съ нимъ и мысль, что онъ подвергнется случайностямъ войны. Живыя увѣренія въ ея нѣжности.

Она говоритъ о двухъ сердечныхъ ея заботахъ: о возстановленіи правъ ея племянника, и о бракѣ Аделаиды съ принцемъ Готландскимъ, который долженъ вскорѣ совершиться.

Принцъ Эрикъ Готландскій остается одинъ съ принцессой Бретанской, и смѣется надъ только что разыграннымъ фарсомъ. Аделаида еще въ сильномъ волненіи, и выказываетъ свое неудовольствіе на безчувственную холодность Эрика. Онъ насмѣхается надъ ней, и съ презрѣніемъ говоритъ о принцѣ

Йоркѣ. Она съ живостью принимаетъ сторону Варбека, въ справедливости котораго не сомнѣвается, и дѣлаетъ между имъ и Эрикомъ невыгодное для послѣдняго сравненіе. Нѣжность ея къ мнимому Йорку невольно выказывается. Эрикъ доказываетъ ей изъ поведенія Варбека, что тотъ не можетъ быть принцемъ, и приводитъ доводы, обличающіе его собственныя дужинныя понятія о значеніи, какое долженъ имѣть принцъ. Аделаида не скрываетъ своего презрѣнія къ нему, и совершенно унижаетъ его передъ Йоркскимъ принцемъ.

Эрикъ замѣчаетъ, что Аделаида чувствуетъ склонность къ принцу; но его желаніе повредить—сильнѣе ревности; онъ находитъ удовольствіе въ томъ, что принцъ и Аделаида любятъ другъ друга безнадежно, а обладать ею будетъ онъ. Обладаніе, по его мнѣнію, есть главное, и ему предстоитъ наслажденіе отнять возлюбленную у Варбека, котораго онъ ненавидитъ.

Аделаида въ монологѣ высказываетъ свою любовь, свое сожалѣніе къ Варбеку, и горечь своего собственного положенія при дворѣ Маргариты. Она находитъ сходство между судьбою Ричарда и своей собственной: оба они — безпомощныя жертвы насилія, и живутъ милостью властолюбивой родственницы.

ВТОРОЙ АКТЪ.

Первый актъ выказалъ Варбека въ его общественныхъ отношеніяхъ; теперь онъ является въ до-

машинхъ. Блестящая завѣса падаетъ; его собственные слуги, данные ему Маргаритою, обращаются съ нимъ небрежно и недостойно. Одни сомнѣваются въ его личности, и по этому презираютъ его; другіе, хотя и вѣрятъ въ него, но смотрятъ на него съ неуваженіемъ, потому что онъ бѣденъ и живетъ милостью своей родственницы. Двойное несчастіе обманщика, играющаго роль принца, и настоящаго принца безъ средствъ, скопилось надъ его головой. Онъ терпитъ нужду въ необходимомъ, и при царскомъ положеніи лишенъ даже счастія и изобилія своей прошлой частной жизни.

Варбекъ играетъ свою роль съ увѣренностью, съ нѣкоторою важностью и съ увлеченіемъ. Когда онъ представляетъ Ричарда, онъ Ричардъ; онъ въ нѣкоторомъ родѣ Ричардъ для себя, даже частью для соучастниковъ обмана. Въ этой роли ни въ какомъ случаѣ не должно быть комедіантства; это скорѣе какъ бы принятая имъ на себя обязанность, и онъ сливается съ нею, какъ съ маскараднымъ костюмомъ, который надѣлъ. Сдѣлавъ первый шагъ, онъ вполне отбрасываетъ отъ себя свою прежнюю личность. Все, что слѣдуетъ за первымъ шагомъ, принято имъ еще съ первымъ рѣшеніемъ, и онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, разъ принявши на себя все. Нѣкоторая поэтическая неясность окружаетъ его, и роль его, суевѣріе и родъ сумазбродства, помогаютъ спасти его нравственную сторону. Именно то, отъ чего въ глазахъ герцогини онъ кажется сумасшедшимъ, служитъ къ оправданію его.

Онъ никогда не долженъ жаловаться; развѣ только подъ конецъ, когда любовь развязала его. Оскорбленія переносить онъ съ сдержанной грустью, дѣлаетъ добро съ гордымъ величіемъ и нѣкоторою сухостью, не сентиментально, а реально, изъ какого-то величія, изъ естественной потребности и безъ размышленія.

Надобно дать почувствовать, какъ это естественно, что въ сердцѣ принцессы зараждается нѣжное участіе къ мнимому Ричарду, и превращается въ любовь, дѣйствіе обмана, объ которомъ не думали, и который все таки такъ близокъ. Сколько трагическаго въ положеніи прекрасной души, запутанной человѣколюбивѣйшими чувствами въ несчастныя отношенія, и въ томъ, что изъ поствовъ одного дурнаго вдругъ вырастаетъ свѣжая жизнь!

Принцесса—простая дѣвушка; въ ней нѣтъ ничего царскаго. Ея происхожденіе и положеніе кажутся ей лишь мѣшающими границами, которые противны ея прекрасной душѣ. Высокое положеніе не привлекаетъ ея; она понимаетъ только сердечное счастье, и о своемъ происхожденіи напоминаетъ лишь тѣмъ, что говорить съ нѣкоторою восторженностью о простомъ званіи, которое кажется ей поэтично именно потому, что для нея недосягаемо, и что она видитъ его лишь издали.

Аделаида болѣе занята своей любовью къ Варбеку, чѣмъ его любовью къ себѣ. Изъ покорной дѣвушки ее слѣлали жертвой. Она не смѣетъ на-

дѣяться возвыситься до возлюбленнаго; она завидуетъ только счастливицѣ, которой онъ будетъ принадлежать когда-нибудь. Онъ долженъ жениться на богатой и знатной королевской дочери; она же бѣдная сирота, живущая милостью своей богатой родственницы.

Варбекъ — человѣкъ, стремящейся къ самостоятельности; но онъ во власти у лживой, властолюбивой, сильной, непримиримой женщины, какъ у злаго духа. Онъ продалъ ей себя; его отношенія къ ней унизительны и убійственны для него, и напрасно употребляетъ онъ всѣ усилія, чтобы улучшить ихъ. Въ ея глазахъ онъ остается ея твореньемъ, ложнымъ Юркомъ, обманщикомъ, и ея требованія относительно его не деликатны и лишены всякаго уваженія къ своему собственному чувству чести. Тщетно хочетъ онъ возмутиться; она всякой разъ напоминаетъ ему постыдныя отношенія его, которыя ему хочется такъ позабыть, которыя онъ долженъ позабыть, чтобы хорошо сыграть роль свою. Въ обществѣ она уважаетъ и ласкаетъ его; втайнѣ же тиранитъ. Только соображаясь съ ея приказаніями и запрещеніями можетъ онъ выражать публично свои желанія; при людяхъ она показываетъ видъ, будто желанія его — законъ для нея, и уговариваетъ его дѣлать то, что сама строго запретила. Горе ему, если онъ самовольно позволить себѣ что-нибудь! Тѣмъ не менѣе это иногда случается съ нимъ, и въ этомъ причина ея милости и нерасположенія.

Аделаидѣ извѣстно ограниченное состояніе Варбека, и она старается помочь ему. Хотя онъ не

тотчасъ принимаетъ ея великодушную помощь, но все таки счастливъ доказательствомъ ея любви.

Эрикъ хочетъ выполнить злой умыселъ противъ Варбека, чтобы осрамить его. Для этого дѣла онъ беретъ какого-то негодяя, свидѣтельство котораго крайне унизительно для Варбека. Варбекъ ведетъ себя мужественно и благородно. Обманъ открывается, и Эрикъ пристыженъ.

Бельмонтъ тотчасъ же увѣдомляетъ объ этомъ герцогиню, и она является сама, чтобы помирить обоихъ принцевъ. Она хочетъ, чтобы Варбекъ протянулъ руку врагу, и такъ какъ онъ отказывается, она даетъ ему понять, что хочетъ этого. Она съ особеннымъ уваженіемъ говоритъ, что Эрикъ *принцъ*, и хотя знаками, лишь для него одного понятными, но все таки даетъ ему почувствовать его зависимость отъ нея и ничтожность.

Какой-то посолье является подъ именемъ Эдуарда Кларенса, чтобы въ Брюсселѣ выпросить себѣ помощи, видѣть свою тетку герцогиню и представить ей доказательства своего происхожденія. Онъ, по словамъ его, убѣжалъ изъ Товера въ Лондонъ, и явился предъявить свои права на англійскій престоль. Маргарита ни минуты не сомнѣвается, что это обманъ; но для ея цѣлей ей надо поддержать его. Она изъявляетъ желаніе подать руку помощи, но Варбекъ сильно протестуетъ противъ этого. Маргарита, по всегдашнему своему способу, удерживаетъ его въ границахъ, и даетъ ему почувствовать, что тутъ онъ не имѣетъ голоса. Варбекъ долженъ

замолчать; но онъ уходитъ, объявивъ, что мечемъ рѣшить дѣло съ принцемъ Кларенсомъ.

Маргарита остается одна съ Бельмонтомъ, и съ гордымъ неудовольствіемъ замѣчаетъ, что Варбекъ начинаетъ много позволять себѣ. Она уже давно чувствовала нерасположеніе къ нему; а своеволіе его начинаетъ возбуждать ея ненависть. Она находитъ, что онъ не довольно подчиняется ей. Самая ложная роль, которую она играетъ для него, становится ей тягостна, и существованіе его, какъ Іорка, какъ ея племянника, оскорбляетъ гордость ея, какъ герцогини.

Въ эту неблагопріятную минуту приходитъ къ ней Аделаида, въ сильномъ волненіи, и проситъ освободить ее отъ брака съ принцемъ Г. Аделаида въ то же время выказываетъ свое нѣжное участіе къ Варбеку, и тѣмъ еще болѣе выводитъ изъ себя уже разсерженную герцогиню. Она грубо выпроваживаетъ ее, и приказываетъ ей не думать болѣе о Варбекѣ и смотрѣть на принца Г., какъ на назначеннаго ей мужа. Свадьба должна совершиться какъ можно скорѣе, и Аделаида въ сильномъ горѣ.

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Открытая площадь; тронъ для герцогини; арена, приготовленная для судебного поединка. Зрители наполняютъ глубину сцены.

Эдуардъ Плантагенеть просить одного изъ присутствующихъ рассказать ему, что значать эти приготовления. Это — рѣшеніе дѣла Симнеля и Варбека посредствомъ судебного поединка. Эдуардъ слушаетъ это извѣстіе съ сильнѣйшимъ удивленіемъ, и вопросы его, доказывающіе полнѣйшее незнаніе новостей, и въ то же время большое вниманіе къ этому случаю, возбуждаютъ удивленіе присутствующихъ.

Англійскій посланникъ тоже присутствуетъ при этомъ; странный юноша тотчасъ же возбуждаетъ все его вниманіе. Онъ, кажется, знаетъ его и пугается.

Симнель показывается со своей свитой, и говоритъ рѣчь народу. Онъ говоритъ о своемъ родѣ, о бѣгствѣ изъ Товева, и народъ раздѣляется на двѣ партіи. Англійскій посланникъ примыкаетъ къ Эдуарду и старается выпросить его; онъ находитъ его крайне застѣнчивымъ и недовѣрчивымъ, и именно потому ограничивается только подозрѣніемъ.

Герцогиня является со своимъ дворомъ; Эрикъ, Аделаида и Варбекъ сопровождаютъ ее; раздаются трубы—и Маргарита садится на тронъ.

Тѣмъ временемъ между Варбекомъ и Аделаидой происходитъ короткая сцена: она высказываетъ свое неудовольствіе относительно предстоящей недостойной сцены; Варбекъ говоритъ, что онъ спокоенъ.

Входитъ герольдъ, и, возвѣстивъ причину этого торжества, вызываетъ обоихъ бойцовъ на арену. Сначала вызываетъ онъ Симнеля, который всенародно объявляетъ, что онъ Эдуардъ Плантагенеть, и предъявляетъ свои права; послѣ него выходитъ герцогъ

Йоркъ; онъ объявляетъ, что признаніе Симнеля ложно и преступно, и что онъ готовъ доказать это мечемъ своимъ. Оба бойца полагаются на судъ Божій. Начинаются обыкновенныя формальности, причемъ оба удаляются, чтобы бороться на аренѣ.

Пока дѣлаются приготовленія, молодой Плантагенетъ, своимъ сильнымъ душевнымъ волненіемъ и прекрасной наружностью, привлекаетъ вниманіе герцогини и принцессы.

Герцогиня спрашиваетъ его; онъ очень умно отвѣчаетъ и выказываетъ особую нѣжность въ обращеніи своемъ съ герцогиней. Она еще не успѣла удовлетворить своего любопытства относительно интереснаго юноши, какъ раздаются трубы, подающія сигналъ къ борьбѣ.

Поединокъ. — Симнель раненъ и падаетъ. — Всѣ встаютъ; арену сламываютъ; народъ съ криками приближается. Симнель, умирая, признается въ обманѣ, и указываетъ на зачинщика его; онъ признаетъ Варбека настоящимъ Йоркомъ, и проситъ его прощенія. Радость народа.

Варбекъ, какъ побѣдитель и признанный герцогъ, пользуется этой минутой, и открыто признается въ любви къ принцессѣ, и проситъ согласія герцогини.

Англійскіе лорды поддерживаютъ его и подкрѣпляютъ его просьбу. Эрикъ приходитъ въ бѣшенство; герцогиня отъ злости скрежещетъ зубами, вы-

сылаетъ принцессу, и сама уходитъ, взглядами обличая свое бѣшенство.

Тутъ лорды собираются вокругъ своего герцога, клянутся ему въ вѣрности и заступничествѣ, и съ торжествомъ доводятъ его до дому.

Одинъ Плантагенетъ чувствуетъ себя покинутымъ, потеряннымъ, безъ защиты; у него, кромѣ права, ничего нѣтъ. Онъ все таки рѣшается приблизиться къ герцогинѣ. Станлей подходитъ къ нему, и старается отговорить его отъ этого намѣренія.

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

Герцогиня, въ злости и бѣшенствѣ, приходитъ домой. Счастье и дерзость Варбека увеличили ненависть ея къ нему. Полученное извѣстіе о бѣгствѣ настоящаго Плантагенета изъ Товега доказываетъ, что ей не нуженъ обманщикъ. Она рѣшается низвергнуть его, и тотчасъ же начинаетъ дѣйствовать, строго запрещая принцессѣ, пришедшей вслѣдъ за нею, думать о немъ, и поселяя въ ней сомнѣніе на счетъ его личности. Докладываютъ о Варбекѣ; она отсылаетъ принцессу въ слезахъ, которая умоляетъ позволить ей остаться.

Варбекъ и герцогиня. Варбекъ, котораго счастье сдѣлало смѣлѣе, въ надеждѣ на своихъ приверженцевъ и въ то же время поддерживаемый любовью,

рѣшается прекратить свое до сихъ поръ невыносимое положеніе; онъ смѣло говоритъ съ герцогиней, и хочетъ допытаться, почему она держала себя такъ относительно его. Она удивляется его дерзости, и говоритъ съ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Чѣмъ болѣе старается она унизить его, тѣмъ болѣе проявляетъ онъ самостоятельности. Онъ ссылается на то, что *она* вывела его изъ частной жизни, гдѣ онъ былъ счастливъ, *она* поставила его въ это положеніе, и обязана удержать его на немъ, не имѣя никакого права играть его счастьемъ.

Ея отвѣты выказываютъ ея безчувственную гордость и холодную, эгоистичную душу; она никогда не заботилась о его счастіи; онъ былъ только орудіемъ ея плановъ, и лишь только оно стало ненужно ей, она бросаетъ его. Но это орудіе самостоятельно, и именно то, что дѣлало его способнымъ играть роль принца, даетъ ему силу сбросить съ себя постыдную зависимость. Герцогиня принуждена наконецъ затаить свое душевное бѣшенство, и она уходитъ, наружно примиренная, но съ мстью и злобой въ сердцѣ.

Принцесса, боясь ненавистнаго брака и потерявъ надежду на доброту герцогини, несмотря ни на что, бросается въ руки обманщика. Съ полнымъ довѣріемъ приходитъ она къ нему и сама предлагаетъ ему бѣжать. Она выказываетъ ему глубокую нѣжность и не колеблясь отдаетъ ему честь свою и любовь. Она называетъ ему графа Кильдера, почтеннаго старика и стараго друга Іоркскаго дома, къ которому имъ можно бѣжать. Она отдаетъ

ему всѣ свои драгоцѣнныя вещи. Чѣмъ болѣе показываетъ она ему довѣрія, тѣмъ болѣе мучить его изобрѣтенный имъ обманъ; онъ не смѣетъ принять предлагаемой ему руки, и тѣмъ менѣе сказать правду; борьба его ужасна; онъ покидаетъ ее въ отчаяніи.

Она остается въ удивленіи отъ его поведенія, и упрекаетъ себя, что можетъ - быть зашла слишкомъ далеко, но извиняетъ себя опасностью и любовью.

Входитъ Плантагенеть, застѣнчиво и со страхомъ озираясь вокругъ, и въ печальномъ волненіи привѣтствуя дорогой семейный кровъ. Онъ видитъ фамильные портреты Іорковъ, становится передъ ними на колѣни, и оплакиваетъ родъ свой и свою судьбу.

Варбекъ возвращается съ рѣшеніемъ рассказать все принцессѣ. Онъ видитъ стоящаго на колѣняхъ Плантагенета, удивляется, смотритъ на него, начинаетъ съ нимъ разговоръ; все, что онъ слышитъ, что видитъ, увеличиваетъ его ужасъ и удивленіе.

Наконецъ онъ болѣе не сомнѣвается, что передъ нимъ настоящій Іоркъ. Плантагенеть уходитъ съ благородными и значительными словами; а Варбекъ остается въ ужасѣ.

Онъ только что началъ говорить о своемъ предчувствіи и страхѣ, какъ входитъ англійскій посланникъ, и хочетъ поговорить съ нимъ. Посланникъ тотчасъ же подтверждаетъ его подозрѣніе, и предлагаетъ ему условіе съ англійскимъ королемъ, если

онъ поможетъ поймать настоящаго Іорка. У обоихъ общая польза уничтожить настоящаго Іорка. Варбекъ чувствуетъ всю опасность своего положенія; но ненависть къ Ланкастеру и неиспорченная натура побѣждаютъ, и онъ отсылаетъ искуителя.

Надо однакожь дѣйствовать. Настоящій Іоркъ тутъ; онъ можетъ потребовать того, что принадлежитъ ему; герцогиня поторопится признать его, и стащить маскарадное платье съ мнимаго Іорка. Несчастный чувствуетъ, что обманъ можетъ быть поддержанъ только рядомъ преступленій; онъ проклинаетъ свой первый шагъ; онъ жалѣетъ, что родился на свѣтъ.

Герцогиня приходитъ со своимъ совѣтомъ. Объявляютъ, что графъ Кильдеръ ѣдетъ въ Брюссель, что онъ надѣется найти тамъ молодаго Плантагенета, который далъ ему знать, что бѣжить туда. Герцогиня и обрадована и смущена его пріѣздомъ; смущена ради Варбека; но она твердо рѣшилась пожертвовать имъ, лишь только найдется настоящій Плантагенетъ. Но гдѣ же онъ, этотъ дорогой племянникъ? Кильдеръ пишетъ, что онъ отправился прямо по дорогѣ въ Брюссель; онъ могъ быть уже тутъ. Она вспоминаетъ о молодомъ человѣкѣ. На полу замѣчаютъ платокъ. Она узнаетъ тотъ самый платокъ, что она подарила Эдуарду девять лѣтъ тому назадъ, и удивленная спрашиваетъ, кто былъ въ комнатѣ. Ей отвѣчаютъ, что никого, кромѣ Варбека. Это, какъ молнія, поражаетъ ее. Она посылаетъ за неизвѣстнымъ юношей, за Варбекомъ.

ПЯТЫЙ АКТЪ.

Герцогиня. Совѣтъ ея. Принцесса. Лорды. Всѣ розыски объ Эдуардѣ напрасны; его нигдѣ не находятъ. Герцогиня въ страшной злобѣ. Она посылаетъ за Варбекомъ.

Эрикъ и посланникъ рассказываютъ объ убійствѣ, которое должно-быть случилось; они слышали, какъ звали на помощь; когда они прибѣжали, на полу была кровь. Герцогиня и принцесса въ сильнѣйшемъ волненіи.

Приходитъ Варбекъ. Герцогиня встрѣчаетъ его словами: «гдѣ мой племянникъ? куда вы дѣвали его?» Онъ пораженъ; она прямо называетъ его убійцею. При этихъ словахъ всѣ лорды приходятъ въ волненіе. Она громче повторяетъ свои слова. Лорды упрекаютъ ее, что она обвиняетъ въ такомъ ужасномъ преступленіи герцога, своего племянника. Тутъ злоба вырываетъ у нея тайну. «Герцогъ», говоритъ она: «Йоркъ! Онъ мой племянникъ!» — и въ немногихъ словахъ рассказываетъ весь обманъ. Принцесса бросается въ объятія герцогини. Варбекъ обращается къ лордамъ; они съ ужасомъ отступаютъ. Въ эту минуту докладываютъ о графѣ Кильдерѣ. Герцогиня говоритъ: «Онъ является во время. Я никогда не желала его пріѣзда. Теперь онъ мнѣ пріятель. Онъ знаетъ моего племянника; онъ воспитывалъ его въ дѣтствѣ.» Она обращается къ Варбеку: «Скройся, если можешь! Какъ-то ты опровергнешь и этого свидѣтеля.»

Входитъ Кильдеръ. Варбекъ останавливается вдали отъ него и съ поникшей головой. Герцогиня идетъ ему на встрѣчу. «Вы пріѣхали обнять Іорка? несчастный! вы не найдете его» и т. д. Прежде чѣмъ Кильдеръ успѣлъ отвѣтить, онъ видитъ себя окруженнымъ, и примѣчаетъ Варбека. Онъ подходитъ ближе; пораженный и удивленный, онъ восклицаетъ: «Что я вижу!» При этихъ словахъ Варбекъ поднимаетъ голову, смотритъ въ лицо графу, и восклицаетъ: «Отецъ мой!» — Кильдеръ также восклицаетъ: «Сынъ мой!» — «Его сынъ?» повторяютъ всѣ. Варбекъ бросается на шею къ своему отцу. Кильдеръ останавливается въ удивленіи, и не знаетъ, что говорить. Онъ проситъ окружающихъ оставить на минуту его одного съ Варбекомъ. Это исполняютъ изъ уваженія къ нему. Тутъ же докладываютъ, что поймали двухъ убійцъ; герцогиня уходитъ допросить ихъ.

Варбекъ остается съ Кильдеромъ, который еще полонъ изумленья, найдя въ мнимомъ Іоркѣ своего сына. Варбекъ въ короткихъ словахъ рассказываетъ ему все; Кильдеръ обращается къ Провидѣнію и дивится путямъ его. Онъ объясняетъ Варбеку, что онъ не его сынъ, что онъ похитилъ имя, законно ему принадлежащее, что онъ побочный сынъ Эдуарда IV, настоящій Іоркъ. Загадка его темнаго прошедшаго открывается; узелъ его судьбы вдругъ развязывается. Съ безконечною радостью сбрасываетъ онъ бремя страданій, тяготившее его до сихъ поръ, онъ проситъ Кильдера позволить ему отлучиться на минуту.

Кильдерь и лорды. Они въ отчаяніи, что обманъ обнаружился, и жалуются на то, что они теперь погибли, и надежды ихъ не оправдались.

Между тѣмъ является Варбекъ и вводитъ за руку Плантагенета. Всѣ удивляются; Кильдерь узнаетъ молодаго принца, который не знаетъ, что съ нимъ дѣлается, пока Варбекъ не открываетъ всей тайны и не кончаетъ тѣмъ, что присягаетъ Плантагенету, какъ своему государю, и обнимаетъ его, какъ своего двоюроднаго брата. Варбекъ нашелъ Плантагенета спящимъ у монумента Іорка, и спасъ его отъ двухъ убійцъ, хотѣвшихъ умертвить его. Радость лордовъ; великодушіе Плантагенета.

Герцогиня является къ этой сценѣ; она обнимаетъ своего племянника, и прижимаетъ его къ сердцу. Лорды требуютъ, чтобы она сдѣлала тоже самое и съ Варбекомъ. Благородное объясненіе Варбека, упавшаго къ ногамъ ея. Она тронута, смягчена, и доказываетъ это тѣмъ, что идетъ за принцессой.

Во время ея отсутствія идетъ разговоръ. Убійственный умыселъ Эрика и посланника узнается; имъ прощаютъ, и они стоятъ пристыженные. Посланникъ видитъ Варбека въ ту минуту, какъ тотъ обнимаетъ Плантагенета, и онъ отсылаетъ его назадъ къ королю съ объясненіемъ, что они оба будутъ искать правъ своихъ на престоль.

Герцогиня приходитъ съ принцессой. Заключение.

ОТРЫВКИ

изъ

ПЕРВЫХЪ СЦЕНЪ ПЕРВАГО АКТА.

Дворъ Герцогини Маргариты въ Брюссель.

Большой залъ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ГРАФЪ ГЕРФОРДЪ *входитъ со своими пятью сыновьями.* СЭРЪ Вильямъ СТАНЛЕЙ *стоитъ съ боку сцены и наблюдаетъ ихъ.*

ГЕРФОРДЪ. Сыновья! вотъ святой очагъ, къ которому мы стремились! Вотъ дворецъ, гдѣ Маргарита, повелительница богатыхъ Нидерландовъ, великая женщина, воспоминаетъ о милыхъ предкахъ, защищаетъ друзей, предлагаетъ убѣжище потомкамъ угнетеннаго, древняго королевскаго рода и всѣмъ преслѣдуемымъ. Осмотритесь! Подобно дружескимъ пенатамъ, принимаютъ васъ величавые лики благородныхъ Юрковъ. Узнаете ли вы ихъ? — — — *) Бѣлая роза блеститъ въ ея рукѣ — — — Съ этимъ знакомъ, который мы теперь радостно пришили къ нашимъ шляпамъ — — — — —

Ссора между Станлеемъ и Герфордомъ.

*) Всѣ эти перерывы, встрѣчающіеся въ монологахъ предлагаемаго здѣсь отрывка, и означенные *тире*, находятся въ подлинникѣ. Прим. издателя.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

БЕЛЬМОНТЪ. ПРЕЖНІЕ.

БЕЛЬМОНТЪ. Тише, милорды! Домъ этотъ посвященъ миру.

ГЕРФОРДЪ. Прочь, ланкастерскіе рабы! Я спѣшилъ сюда — — — и на порогъ же встрѣчаю дерзкое чело Ланкастерца.

СТАНЛЕЙ. Такъ называю я измѣнниковъ, гдѣ бы мнѣ они ни встрѣтились.

БЕЛЬМОНТЪ. Довольно, благородный лордъ!

— — — — —
Великая жена, повелѣвающая здѣсь, открыла свой царственный дворъ въ Брюсселѣ всѣмъ враждующимъ партіямъ, и быть звѣномъ примиренія — ея лучшая слава.

СТАНЛЕЙ. Да! тутъ званый гость всякой, кто замышляетъ зло противъ Англіи.

БЕЛЬМОНТЪ. Она сестра двухъ королей Іоркскихъ — — — и ласково, какъ слѣдуетъ родственницѣ, помогаетъ ихъ царственному роду, павшему подъ ударами времени. Гдѣ бы найти ему покровъ на враждебной землѣ, если бъ его не пріютилъ ея теплый очагъ? Но и къ врагу оказывается она справедливой, и въ лицѣ этого благороднаго лорда уважаетъ посланника — — — — —

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

— — — — —
— — — — —
ГЕРФОРДЪ. Идите сюда, дѣти мои! Идите всѣ! Внутренній голосъ громко говоритъ мнѣ, что это онъ. Это черты короля Эдуарда, его благородное лицо; я узнаю звукъ его голоса. (*Падаютъ къ его ногамъ.*) О, Ричардъ, Ричардъ! сынъ моего короля! — — — — —

ВАРБЕКЪ. Встаньте, милордъ! Не здѣсь ваше мѣсто: прижмитесь къ моему сердцу — — — — —

ГЕРФОРДЪ — — — — — Какъ избѣгли вы рукъ убійць? Скажите, гдѣ таила васъ спасительная десница Провидѣнія, чтобы явить васъ намъ вдругъ въ должный часъ?

ВАРБЕКЪ — — — — — Не теперь — — — — —
Накинемъ покровъ на прошедшее. Все прошло — я между вами — я въ средѣ своихъ. Чудно вела меня судьба. — — — — —

МАРГАРИТА — — — — —

— — — — —
Ричардъ Глостеръ вступилъ на престолъ Англіи; сыновей брата заключили въ Товеръ. Вотъ истина, и свѣтъ утверждаетъ, что Тиррель обагрилъ руки въ ихъ крови. Молва указываетъ даже мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости... но ночь и непроницаемая тайна покрыли страшныя событія въ Товеръ. Только много спустя поднялся съ нихъ покровъ. Это правда, убійцу Тирреля послали умертвить принца; онъ

показалъ полномочіе короля Ричарда; принцъ Валлійскій палъ подъ его ножемъ. Брата должна была постигнуть такая же участь; но пробудилась ли совесть въ груди злодѣя, тронулось ли его желѣзное сердце слезными мольбами ребенка—только онъ нанесъ ему невѣрный ударъ, и, въ страхѣ отъ ужаснаго злодѣянія, убѣжалъ прочь — — — — —
— — — — —

II.

МАЛЬТІЙСКІЕ РЫЦАРИ.

Мальта осаждена всѣми военными силами Солимана, который поклялся уничтожить этотъ орденъ. Съ турецкими полководцами Мустафою и Піали соединились корсары Улуцціали и Драгутъ, и Алжирцы Гассемъ и Канделисса. Турецкій флотъ заперъ обѣ гавани, и, не вступивъ съ нимъ въ бой, къ острову не можетъ подойти никакая помощь. На берегу враги обложили фортъ Сентъ-Эльмо, и этимъ очень много выиграли. Взятіе его сдѣлаетъ ихъ властелинами обѣихъ гаваней, и дастъ средство съ успѣхомъ напасть на Сентъ-Анжъ, Сентъ-Мишель и Иль-Борго, гдѣ соединены всѣ силы ордена.

Ла Валетъ — великій магистръ Мальты. Онъ ждалъ нападенія Турокъ, и приготовился къ этому. Рыцари были вызваны на островъ, и явились въ большомъ количествѣ. Кромѣ ихъ, приготовлено еще

до десяти тысячъ солдатъ; въ военныхъ снарядахъ и съѣстныхъ припасахъ нѣтъ недостатка, и крѣпостныя орудія въ хорошемъ состояніи. Но все таки изъ Сициліи ждутъ подкрѣпленія, потому - что многочисленность и упорство враговъ могутъ разрушить укрѣпленія и вырѣзать жителей.

Ла Валетъ имѣетъ причины надѣяться на помощь изъ Сициліи, потому что паденіе Мальты подвергнетъ большой опасности владѣнія короля Испанскаго. По этому - то Филиппъ Второй и обѣщаль ему помощь, и уже отдалъ приказъ о томъ своему вице-королю въ Сициліи. Въ гавани этого острова уже стоитъ снаряженный флотъ; много рыцарей и другихъ воиновъ поступили на него, чтобы ѣхать въ Мальту; повѣренныя великаго магистра неустомимо обращаются къ вице - королю съ просьбами ускорить выходъ флота.

Но испанская политика слишкомъ корыстолюбива, чтобы рѣшиться на что нибудь великое въ этомъ важномъ дѣлѣ. Сила Турокъ пугаетъ Испанцевъ, и они хотятъ выиграть время, пока непріятель ослабѣетъ. Они надѣются на сопротивленіе ордена, зная храбрость его рыцарей, и ждутъ или снятія осады, или легкой побѣды. Имъ все равно, что орденъ потеряетъ тутъ свои силы: только бы не погибъ совсѣмъ. Такимъ образомъ вице-король отъ времени до времени обѣщаетъ помощь; но ничего не дѣлаетъ.

Между тѣмъ фортъ Сентъ-Эльмо все болѣе стѣсняють непріятели. Само по себѣ, это не очень твердое мѣсто, затѣмъ что слишкомъ узко и не можетъ вмѣстить въ себѣ довольно орудій и народа. Турки уже завладѣли нѣкоторыми передними верками; вы-

стрѣлы ихъ господствуютъ надъ стѣнами, и уже въ нихъ сдѣланы значительные проломы. Гарнизонъ не охраненъ укрѣпленіями и, при всей храбрости своей, представляетъ легкую добычу непріятелю.

При этихъ обстоятельствахъ рыцари, которымъ порученъ этотъ постъ, просятъ великаго магистра позволить имъ отступить въ другое, болѣе вѣрное мѣсто, потому что нѣтъ никакой надежды отстоять Эльмо. И другіе рыцари представляютъ великому магистру, что онъ бесполезно жертвуетъ Эльмскими рыцарями; что не хорошо ослаблять силы ордена продолженіемъ защиты такого слабаго поста, что гораздо лучше сосредоточить всѣ силы въ главномъ пунктѣ.

Эти причины очень основательны, но великій магистръ думаетъ иначе. Хотя онъ самъ тотчасъ же убѣдился, что Сентъ-Эльмо отстоять нельзя, и сильно жалѣлъ рыцарей, погибшихъ тамъ, но все таки два основанія не позволяли ему бросить этотъ постъ. Во первыхъ, вся выгода была въ томъ, чтобы Сентъ-Эльмо держался какъ можно дольше, пока не подойдетъ помощь изъ Сициліи; ибо если этотъ постъ попадется въ руки непріятеля, онъ можетъ запереть тогда обѣ гавани и приходъ помощи еще болѣе затруднится. Тогда Испанцы, какъ они и угрожали, поплывутъ назадъ. Во вторыхъ, взятіе штурмомъ Сентъ-Эльмо и физически и морально ослабитъ силы непріятеля. Потеря ихъ при этомъ предпріятіи затруднитъ дальнѣйшія нападенія на главный пунктъ, и этотъ примѣръ отчаяннаго сопротивленія дастъ имъ такое высокое понятіе о христіанской храбрости, что они начнутъ сомнѣваться въ вѣрности

побѣды, и не съ такой готовностью пойдутъ на новыя битвы.

Такимъ образомъ у великаго магистра были основательныя причины пожертвовать частью своихъ рыцарей, защищавшихъ Сентъ-Эльмо, ради блага всѣхъ остальныхъ. Такой поступокъ не противорѣчитъ законамъ ордена, такъ какъ каждый рыцарь, при поступленіи въ него, рѣшается съ слѣпымъ повиновениемъ отдать жизнь свою за религію. Покорность же этому строгому закону составляетъ самый духъ ордена, ибо такая жертва должна вызываться внутреннимъ чувствомъ, а не внѣшнимъ насиліемъ.

Но этого то духа, въ ту минуту, какъ онъ болѣе всего нуженъ, и не достаетъ ордену. Рыцари отважны и храбры, но по своему, и не хотятъ подчиняться закону слѣпо. Въ данную минуту нужно духовное настроеніе, а у нихъ настроеніе житейское. Въ нихъ уже не осталось первоначальнаго духа ихъ учрежденія; у нихъ есть привязанности внѣ ихъ долга; они герои, но не христіанскіе герои; любовь, богатство, честолюбіе, національная гордость и тому подобныя пружины движутъ ихъ сердцами.

Во время осады безпорядки въ орденѣ достигли высшей степени. Многіе рыцари открыто предаются безпутству и находятъ, что война и опасности способствуютъ свободѣ. Ла Валетъ былъ до сихъ поръ снисходителенъ, частью изъ либеральнаго взгляда на вещи, частью потому, что чувствовалъ самого себя несвободнымъ отъ нѣкоторыхъ житейскихъ слабостей; но на этотъ разъ онъ принужденъ возстановить и снова создать первобытную чистоту ордена.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЕРВОЙ СЦЕНЫ.

Открытое мѣсто, гдѣ въ глубинѣ видна гавань.

Ромегасъ и Биронъ ссорятся изъ за греческой пленницы; одинъ захватилъ ее; другой хочетъ отнять.

Ромегасъ. Дерзкій, стой! Ты хочешь отнять у меня невольницу, которою я завладѣлъ и объявилъ своею?

Биронъ. Я освобождаю ее. Пусть сама выберетъ человѣка, за которымъ хочетъ слѣдовать.

Ромегасъ. По праву войны и обычая, она моя; я взялъ ее на корсарскомъ кораблѣ.

Биронъ. Кто умѣетъ нравиться свободному сердцу, тотъ презираетъ грубый корсарскій обычай.

Ромегасъ. Женская красота — награда храбрости.

Биронъ. Мечъ рыцаря защищаетъ честь женщины.

Ромегасъ. Защитникъ Сентъ-Эльмо! Тамъ твое мѣсто.

Биронъ. Тамъ борьба, а тутъ награда за борьбу.

Ромегасъ. Конечно, тутъ безопаснѣе воровать женщинъ, чѣмъ тамъ мужественно баротся съ Турками.

Биронъ. Хорошо тебѣ здѣсь, въ монастырѣ, говорить о жаркой битвѣ, что кипитъ тамъ въ проломахъ стѣнъ.

Ромегасъ. Слушайся повелителя! Назадъ!

Биронъ. Повелѣвай на своемъ флотѣ, а не здѣсь!

Ромегасъ. Уважь большой крестъ на этой груди!

Биронъ. А этотъ маленькій крестъ прикрываетъ великое сердце.

Ромегасъ. Языкъ Прованса хвастливъ.

Биронъ. А мечъ еще острѣе.

Ромегасъ — — — — —

Рыцари (*входятъ*). Испанецъ правъ — надо наказать своеволие Провансальца.

Другіе рыцари (*входятъ съ другой стороны*). Три меча противъ одного! — Помогите, помогите! три меча противъ одного! На Кастильцевъ! Ну, смѣлуй, братъ! Мы за тебя! Весь языкъ тебѣ поможетъ!

Рыцари. Бей Провансальцевъ!

Другіе рыцари. Бей Испанцевъ!

Съ обѣихъ сторонъ сходится множество рыцарей. Входитъ хоръ и разнимаетъ дерущихся. Онъ состоитъ изъ шестнадцати духовныхъ рыцарей въ длинномъ орденскомъ облаченіи, которые окружаютъ прочихъ въ два ряда. Хоръ бранитъ рыцарей, что они враждуютъ между собой въ такую минуту. Изображеніе грозящей опасности и заботъ, основанныхъ на виѣшнемъ положеніи ордена и на его внутреннемъ состояніи. Своеволие рыцарей, рассчитывающихъ на помощь изъ Сициліи.

Ла Валетъ является съ Мирандою, посланникомъ изъ Сициліи. Великій магистръ объявляетъ рыцарямъ, что нечего ждать земнаго подкрѣпленія, а

надо положиться на Небо и на свою собственную силу. Миранда объясняетъ, что отъ Испаніи до сихъ поръ нечего надѣяться, что надо отстаивать Сентъ-Эльмо, пока не появится сицилійскій флотъ; ибо онъ повернетъ назадъ, если къ его приходу этотъ фортъ будетъ уже въ рукахъ Турокъ. Ропотъ рыцарей на испанскую политику. Миранда добровольно рѣшается остаться на островѣ, чтобы раздѣлить судьбу ордена.

Рыцарь Монтальто приводитъ къ великому магистру стараго невольника-христіанина. Онъ посланъ турецкимъ главнокомандующимъ подъ предлогомъ вести переговоры о фортѣ Сентъ-Эльмо, собственно же для того, чтобы начать переписку съ однимъ измѣнникомъ. Великій магистръ не хочетъ слышать ни о какихъ договорахъ между рыцарями и невѣрными, и грозитъ впредь убить всякого герольда.

Приходятъ два депутата изъ сентъ-эльмскаго гарнизона. Этотъ гарнизонъ избранъ не великимъ магистромъ, а безъ его содѣйствія установленъ законнымъ порядкомъ. Двадцати-лѣтній рыцарь, Сен-При, всѣми любимый, и особенно отличенный великимъ магистромъ, принадлежитъ къ числу защитниковъ Сентъ-Эльмо. Наружностью и храбростью онъ походитъ на юнаго Ринальдо. Онъ гроза Турокъ, и какъ ни оберегаютъ его, онъ всегда первый въ бою. Но посреди смерти и опасности онъ остается невредимъ; взглядъ его какъ будто обезоруживаетъ непріятеля; онъ словно окруженъ ангелами хранителями. Креки, другой молодой рыцарь, съ сильнымъ характеромъ, страстно и благородно привязанъ къ

нему. Депутаты описываетъ положеніе Сентъ-Эльма, успѣхи непріятеля, ненадежность крѣпости, и просятъ позволить гарнизону удалиться на другой постъ. Младшіе рыцари, въ особенности Креки, сильно поддерживаютъ эту просьбу; но великій магистръ отказывается. Онъ ясно выказываетъ свое участіе къ судьбѣ гарнизона; но серьезно и твердо объясняетъ, что Сентъ-Эльмъ *должно* отстаивать, и удаляется съ старшими рыцарями.

Ропотъ молодыхъ рыцарей на великаго магистра. Креки со страхомъ спрашиваетъ о Сен-При, и слышитъ отъ депутатовъ, что онъ въ особенности подверженъ опасности. Монтальто возвращается, проводивъ невольника-христіанина, и увеличиваетъ недовольствіе на великаго магистра злыми намеками на его жестокосердіе и произволь.

Недовольные удаляются; хоръ остается. Онъ жалуется на упадокъ ордена, и на несправедливость тивъ великаго магистра, заслуги котораго онъ признаетъ. Воспоминанія изъ исторіи ордена.

Ла Валетъ и хоръ. Великій магистръ является человѣкомъ. Онъ боится, что у него неостанетъ довольно твердости, чтобы сдѣлать необходимое. Пожертвованіе храбрыхъ защитниковъ Сентъ-Эльмо глубоко огорчаетъ его. Онъ также огорченъ поселившимися въ орденѣ злоупотребленіями. Хоръ даетъ ему замѣтить слѣды его снисхожденія, и напоминаетъ ему ссору изъ за гречанки. Ла Валетъ соглашается въ своей ошибкѣ, и хочетъ испробовать все-

возможныя средства, чтобы сдѣлать совершенную реформу въ орденѣ. Гречанку онъ уже велѣлъ увести.

Ромегасъ, Биронъ и прежніе. Оба рыцаря жалятся на удаленіе гречанки. Ла Валеть напоминаетъ имъ ихъ клятву. Они утверждаютъ, что теперешнее время даетъ имъ право на снисхожденіе. Тутъ выказывается ихъ дикая натура, которая во время величайшей опасности уничтожаетъ всѣ преграды. Они хотятъ воспользоваться этой минутой, потому что слѣдующій часъ можетъ быть не будетъ уже принадлежать имъ. Человѣкъ, въ храбрости котораго нуждаются, думаетъ, что имѣетъ право преступать законы. Великій магистръ говоритъ имъ строго, какъ повелитель, и удаляется.

Ромегасъ и Биронъ, глубоко задѣтые, соединяются противъ великаго магистра. Ромегасъ, кромѣ того, считаетъ его врагомъ своимъ.

Тутъ приходитъ Креки, и безъ пощады говорить о жестокосердіи великаго магистра. Разговоръ прерванъ Монтальтомъ, возвѣщающимъ о новыхъ депутатахъ изъ Сентъ-Эльмо. Положеніе форта очень ухудшилось; Турки завладѣли значительными внѣшними верками. Гарнизонъ еще разъ проситъ позволенія удалиться, или вылазкой встрѣтить вѣрную смерть. Между депутатами находится Сен-При, которымъ хотятъ тронуть великаго магистра. Ла Валеть отказывается говорить съ ними. Это наружное жестокосердіе еще болѣе возмущаетъ рыцарей, хотя оно происходитъ отъ его слабости: у него не достаётъ довольно твердости, чтобы видѣть въ такомъ

положеніи юношу, столь ему близкаго. Сен-При — побочный сынъ его, но этого никто не знаетъ, кромѣ самаго Ла Валета.

Депутаты входятъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ рыцарей, которые громко высказываютъ свое не-удовольствіе на великаго магистра. Самъ Сен-При молчитъ; но Креки предается сильному взрыву гнѣва. Ромегасъ и Биронъ поддерживаютъ его. Монтальто пользуется этой минутой, чтобы возстановить рыцарей противъ великаго магистра. Напрасно хоръ съ жаромъ напоминаетъ имъ о ихъ обязанностяхъ. Образуется страшный заговоръ противъ великаго магистра.

Ла Валетъ поручаетъ инженеру Кастріотто осмотрѣть положеніе Сентъ-Эльмо.

У великаго магистра является подозрѣніе на Монтальто, и онъ велитъ слѣдить за нимъ. Онъ говоритъ съ нимъ наединѣ, чтобы кротко, безъ послѣдствій, предупредить его. Монтальто твердо и дерзко лжетъ, и опирается на свой командорскій санъ.

Послѣ его ухода, къ Ла Валету является Сен-При. Юноша думаетъ совершенно иначе, нежели другіе депутаты изъ Сентъ-Эльмо. Онъ не хочетъ, чтобы его отзывали, и приходитъ теперь, съ дѣтской довѣрчивостью, открыть великому магистру возмущеніе рыцарей. Ла Валетъ съ трудомъ скрываетъ свое чувство. Онъ еще говоритъ съ Сен-При, какъ великій магистръ, и отпускаетъ его съ порученіями. Восторгъ юноши отъ исполненія своего долга и отъ личности великаго магистра.

Входят Ромегасъ, Биронъ, Креки и другіе заговорщики. Они съ жаромъ говорятъ о гарнизонѣ Сентъ-Эльмо, а объ отказѣ великаго магистра относятся, какъ бунтовщики. Креки горячится всѣхъ болѣе. На упрекъ, что Ла Валетъ упорствомъ своимъ приведетъ къ разрушенію ордена, онъ отвѣчаетъ, что орденъ уже разрушенъ, что въ эту минуту его болѣе не существуетъ, но не отъ силы непріятеля, а отъ внутренняго разпаденія. Онъ съ достоинствомъ удаляется и приказываетъ рыцарямъ ждать его приказаній.

Рыцари потрясены послѣднею рѣчью великаго магистра, и нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ видѣть свою несправедливость. Одинъ рыцарь является съ новостью, что какой-то ренегатъ показался съ порученіями отъ турецкаго главнокомандующаго, не смотря на то, что Ла Валетъ угрожалъ смертью непріятельскому переговорщику. У ренегата нашли письмо съ большими обѣщаніями Монтальту. Монтальто перебѣжалъ къ непріятелю. Рыцари вспоминаютъ, что онъ-то и увеличивалъ ихъ неудовольствіе противъ великаго магистра.

Входитъ вооруженный Миранда, испанскій посланникъ, за нимъ младшіе рыцари, также нѣсколько старшихъ рыцарей и наконецъ хоръ. За ними слѣдуетъ великій магистръ съ Кастріоттомъ. Инженеръ получаетъ приказаніе, передъ всѣмъ собраніемъ отдать отчетъ о положеніи Сентъ-Эльмо. Онъ утверждаетъ, что можно еще нѣсколько времени защищать верки Сентъ-Эльмо. Тутъ великій магистръ спрашиваетъ молодыхъ и старыхъ рыцарей, хоръ и

Миранду, не хотятъ ли они подъ его предводительствомъ идти на защиту этого форта? Всѣ изъявляютъ готовность, и великій магистръ соглашается на вылазку сентъ-эльмскаго гарнизона. Онъ отпускаетъ возмущившихся рыцарей, и велитъ остаться одному Ромегасу.

Ла Валетъ говоритъ съ нимъ, какъ умирающій, завѣщающій свою послѣднюю волю. Только Ромегасъ, повергнувшій орденъ въ разстройство, можетъ и спасти его. Его выбралъ онъ своимъ преемникомъ, и собралъ въ пользу его важнѣйшіе голоса. Ромегасу указываютъ государственную точку зрѣнія, стоятъ на которой онъ способенъ, и онъ видитъ все дурное своего прежняго поведенія. До крайности пристыженный великодушіемъ чловѣка, котораго онъ до сихъ поръ не зналъ, онъ удаляется, съ намѣреніемъ на дѣлъ показать, что онъ не недостойнъ такого довѣрія.

Приходитъ Сен-При, чтобы проститься съ великимъ магистромъ. Ла Валетъ до крайности взволнованъ. Онъ открываетъ, что онъ отецъ ему, благословляетъ сына, и говоритъ, что хочетъ вмѣстѣ съ нимъ идти встрѣтить смерть въ Сентъ-Эльмо. При этомъ присутствуетъ хоръ.

Ромегасъ входитъ съ взбунтовавшимися рыцарями и съ депутатами изъ Сентъ-Эльмо. Всѣ раскаиваются въ своихъ проступкахъ, и всѣ готовы отправиться на Сентъ Эльмо, чтобы пожертвовать собой ради ордена. Хоръ еще болѣе стыдитъ рыцарей, открывая имъ, что Сен-При сынъ великаго ма-

гистра, и что онъ все-таки назначилъ его на смерть. Ла Валеть сначала колеблется отступить отъ своего перваго рѣшенія; но полное измѣненіе образа мыслей рыцарей убѣждаетъ его. Наконецъ онъ соглашается, чтобы защитники Сентъ-Эльмо отстаивали этотъ постъ, и самъ, ради долга и необходимости, берется въ настоящее время поддержать орденъ. Всѣ просятъ его не разставаться съ сыномъ. Каждый изъ нихъ готовъ занять мѣсто прекраснаго юноши. Сен-При не соглашается и остается непоколебимъ. Онъ говоритъ чрезвычайно восторженно. Ла Валеть тоже и слышать не хочетъ о какомъ нибудь исключеніи или какой нибудь личной снисходительности. Сен-При прощается съ великимъ магистромъ и съ Креки.

Остается хоръ, исполненный достоинства, вдохновленный всѣмъ, возвышающимъ человека, чувствомъ долга, рыцарскимъ духомъ, религіей.

Извѣстія изъ Сентъ-Эльмо. Фортъ штурмовали. Креки отправляется въ Сентъ-Эльмо, чтобы умереть съ другомъ. Входитъ Ла Валеть, чрезвычайно огорченный, но съ мужественною серьезностью. Онъ глубоко чувствуетъ, чѣмъ пожертвовалъ.

Сентъ-Эльмо взятъ. Какой то Грекъ, Ласкарисъ, изъ рода, царствовавшего въ Греціи, убѣжалъ съ крайнею опасностью жизни изъ турецкаго стана, гдѣ онъ занималъ высокую должность, къ мальтійскимъ рыцарямъ, геройство которыхъ поразило его, и къ религіи которыхъ онъ привязался со всею пылкостью юноши. Онъ подробно описываетъ невѣроят-

ныя дѣла защитниковъ Сентъ-Эльмо, говорить о страшныхъ потеряхъ Турокъ и ихъ отчаяніи, когда они узнали о состояніи крѣпости, и о незначительномъ числѣ ихъ защитниковъ. Они понесли особенно-важную потерю въ лицѣ одного изъ своихъ первыхъ и опытнѣйшихъ полководцевъ, владѣтелѣ Триполи—Драгутѣ, убитомъ при этой осадѣ. Теперь болѣе нечего бояться измѣны Монтальта. Онъ встрѣтился на штурмѣ съ Сен-При — и погибъ.

Тѣло Сен-При нашли въ водѣ. Его приносятъ, и рыцари въ глубокой печали сопровождаютъ его. Ла Валетъ превозмогаетъ себя. Онъ цѣнитъ высокое назначеніе сына своего, во всѣхъ рыцаряхъ видитъ сыновей своихъ, и твердо вѣритъ въ силу ордена, теперь несомнѣнную и безконечную. Великой жертвой побѣда почти рѣшена, такъ же какъ въ Персидской войнѣ была рѣшена смертью Леонида. Послѣдствія оправдали эту увѣренность.

III.

ПОТЕРЯННЫЯ ДѢТИ.

Предисловіе.

Мысль о драматическомъ изображеніи полиціи въ Парижѣ въ царствованіе Людовика XIV нѣсколько времени занимала Шиллера. Надъ пестрой кутюрьмой разнородныхъ членовъ парижскаго общества

полиція должна была явиться, подобно существу высшего рода, взглядъ котораго обозрѣваетъ неизмѣримое пространство и проникаетъ въ глубокія тайны, и для руки котораго нѣтъ недосягаемаго.

«Парижъ является въ старинномъ видѣ. Крайности и мѣстные случаи представляются съ высшей и характеристической точки зрѣнія, такъ же какъ и самая простая невинность, и отвратительная испорченность, и идилическое спокойствіе, и страшное отчаяніе.

«Главный сюжетъ заключается въ чрезвычайно сложнымъ преступленіи, гдѣ запутано нѣсколько семействъ, и которое, при дальнѣйшемъ розысканіи, становится все сложнѣе, и влечетъ за собой все новыя открытія. Оно похоже на громадное дерево, корни котораго далеко вокругъ спутались съ другими корнями, и чтобы вырыть его, надо разрыть огромное пространство. Такъ разрывается весь Парижъ, и при этомъ случаѣ являются на свѣтъ всякого рода существованія.

«Дѣло кажется неразрѣшимымъ, но Аржансонъ, глава полиціи, вѣруя въ свою силу, обѣщаетъ счастливыя послѣдствія, и тотчасъ же раздаетъ порученія.

«Послѣ долгихъ розысканій, онъ теряетъ слѣды своей добычи, и находится въ опасности не сдержать смѣло данное слово. Но тутъ такъ - сказать дѣйствуетъ сама судьба, и предаетъ убійцу въ руки правосудія.

«Аржансонъ слишкомъ часто видѣлъ людей съ дурной стороны, чтобы имѣть хорошее мнѣніе о человѣческой натурѣ. Онъ сталъ менѣе вѣрить въ хо-

рошее, а къ дурному сдѣлался терпимѣе; но у него не пропало чувство добра, и тамъ, гдѣ оно несомнѣнно, оно тѣмъ живѣе трогаетъ его. Ему представляется такой же случай, и онъ преклоняется передъ испытанною добродѣтелью.

«Въ продолженіе піэсы онъ является частнымъ человѣкомъ, и въ частной жизни онъ совершенно другой, веселый и услужливый, и заслуживающій признательность и уваженіе, какъ свѣтскій собесѣдникъ и человѣкъ съ сердцемъ и умомъ. Онъ находитъ сердце, дѣйствительно его любящее, и такъ прекрасно дѣйствуетъ, что пріобрѣтаетъ себѣ милую жену.

«Министръ полиціи, какъ духовный отецъ, знаетъ слабыя и дурныя стороны многихъ семействъ, и ему, какъ и духовному лицу, необходима скромность. Нѣкто, изумленный и испуганный его всевѣдѣніемъ, находитъ въ немъ снисходительнаго друга.

«Сцена съ философомъ и писателемъ. Въ ней является сравненіе идеальнаго съ реальнымъ, и доказывается преимущество реалистовъ надъ идеалистами.

«Аржансонъ предостерегаетъ иногда невинныхъ такъ же, какъ и виновныхъ. Онъ слѣдитъ не только за преступниками, но и за тѣми, которыхъ отчаяніе можетъ довести до преступленія. Тутъ представляется отчаянный человѣкъ, относительно котораго полиція выказываетъ спасительное снисхожденіе.

«Надо также изобразить дурную сторону полиціи. Зло можетъ употреблять ее для своихъ намѣреній; невинный можетъ страдать изъ за нея; она

часто принуждена дѣйствовать дурнымъ орудіемъ, и прибѣгать къ дурнымъ средствамъ. Даже преступленія ея собственныхъ служителей въ нѣкоторомъ родѣ не наказываются.»

Въ бумагахъ Шиллера не находится дальнѣйшаго изложенія этой мысли; есть только планъ драмы, въ основаніи которой лежитъ лишь небольшая часть этой мысли. Въ характерѣ Шиллера было — не ограничиваться первой мыслью, и, приводя въ исполненіе, распространять ее. Надо полагать, что слѣдующій планъ явился ранѣе, можетъ быть при чтеніи «*Causes célèbres*» Питаваля, и вѣроятно оставленъ имъ потому, что велъ къ излишнему обилію характеровъ и положеній.

Нарбонъ, богатый, всѣми уважаемый, знатный человѣкъ, въ какомъ нибудь французскомъ провинціальномъ городѣ—Бордо, Ліонѣ, или Нантѣ, человѣкъ въ лучшей порѣ, между сорока и пятидесятью годами. Онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, и привязанность, которую питали къ его умершему брату, Петру Нарбону, обратилась на него. Онъ послѣдній въ родѣ: у брата его не осталось наслѣдниковъ, ибо двое дѣтей послѣдняго погибли во время пожара отъ неосторожности прислуги.

По смерти Петра, Луи остался единственнымъ наслѣдникомъ. Онъ былъ тогда въ отсутствіи, и возвратился, чтобы навсегда поселиться въ этомъ городѣ.

Десять лѣтъ прошло съ того времени, и Нарбонъ собрался жениться, чтобы продлить родъ свой. Онъ чувствуетъ склонность къ прекрасной, благородной и богатой дѣвушкѣ, Викторіи Понтисъ, ро-

дители которой считают за честь предложеніе его, и обѣщаютъ ему дочь свою.

Около шести лѣтъ тому назадъ въ домъ Нарбона былъ взятъ молодой человѣкъ, безпомощный сирота, по имени Сен-Фуа. Нарбонъ много благодѣтельствовалъ ему и далъ хорошее образованіе. Сен-Фуа жилъ у него не какъ слуга, а какъ бѣдный родственникъ, и весь городъ удивлялся великодушію Нарбона относительно этого молодаго человека, которому пачинали уже завидовать.

Сен-Фуа дѣлалъ быстрые успѣхи вслѣдствіе образованія, даваемого ему Нарбономъ. Онъ обладалъ даровитую голову и хорошее сердце; но въ тоже время благородство и гордость были какъ будто не совсѣмъ приличны бѣдному приемышу и сиротѣ. Онъ былъ очень благодаренъ своему благодѣтелю, но не выказывалъ никакого уничиженія, принимая благодѣянія Нарбона; онъ какъ будто получалъ лишь должное. Его твердость переходила часто въ жесткость, а нѣкоторая наивность и веселость—въ легкомысліе. Онъ былъ расточителемъ, свободенъ и берегъ честь свою.

Викторія часто имѣла случай видѣть этого Сен-Фуа, и скоро почувствовала къ нему склонность; но она казалась безнадежною. Сватовство Нарбона, къ которому она чувствовала странную ненависть, увеличило чувство ея къ Сен-Фуа, тѣмъ болѣе, что при этомъ случаѣ самъ Нарбонъ сталъ чаще посылать его къ ней. Съ первой минуты, какъ Сен-Фуа увидалъ Викторію, онъ началъ боготворить ее; но желанія его не смѣли доходить до нея.

Онъ зналъ еще другую дѣвушку, подобно ему

сироту, и которой онъ оказалъ большую услугу. Къ ней онъ чувствовалъ нѣжную дружбу. Сердце его дѣлилось между ею и Викторіей; но онъ хорошо различалъ свои чувства.

Вся многочисленная прислуга Нарбона, между которою былъ только одинъ старый слуга Петра Нарбона, по имени Тьерри, большею частью ненавидѣла и завидовала Сен-Фуа; между ними была только одна женщина, чувствовавшая къ нему склонность и рассчитывавшая на его руку. Она была гораздо старше его, и у ней не было иныхъ плановъ на него, какъ раздѣлить съ нимъ небольшое и не особенно честно пріобрѣтенное состояніе. Имя ея — Маделона.

Въ такомъ положеніи дѣла при началѣ піесы.

Маделона возвращается изъ богомолья, гдѣ она искала утѣшенія своему горю. Сдѣланная несправедливость беспокоитъ ее; но она возвращается безъ утѣшенія.

Она находитъ Нарбона довольнаго, спокойнаго и увѣреннаго; кажется, все идетъ по его желанію. Онъ только сердится, что пропала драгоценная вещь, которую онъ хотѣлъ подарить своей невѣстѣ, и онъ хочетъ дать знать объ этомъ полиціи.

Маделона пугается. «Оставьте въ покоѣ полицію!» говоритъ она. «Помиритесь съ этимъ небольшимъ несчастіемъ!» — Это вовсе не маленькое несчастіе! — «Примите это, какъ наказаніе! Ужъ меня давно беспокоитъ наше продолжительное счастье.» — Но я хочу воротить свое право. — «Право ваше!» со вздохомъ говоритъ Маделона.

Маделона выказываетъ еще бѣльшее безпокойство, узнавъ, что въ домѣ была цыганка, которую и подозрѣваютъ въ покражѣ драгоцѣнной вещи. Она очень жалѣетъ, что не была дома. «Ахъ! совершая безплодное путешествіе, чтобы успокоить душу свою, я лишилась единственной возможности освободиться отъ своего горя!»

Господинъ Понтисъ, городской балы и будущій тестъ Нарбона, приходитъ, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія о пропавшей драгоцѣнности. Это дѣлается съ нѣкоторыми формальностями и съ помощью полицейскаго писца. Описали вещь, пересчитали всѣхъ домочадцевъ, и при этомъ случаѣ разъясняется часть исторіи. Рѣчь идетъ въ особенности о Сен-Фуа. Разсказывается его исторія, и въ ней Нарбонъ представленъ благодѣтелемъ. Онъ не допускаетъ никакого подозрѣнія на Сен-Фуа.

Послѣ офиціального разговора начинаютъ говорить о бракѣ. Понтисъ высказываетъ, какъ онъ и весь городъ много уважаютъ Нарбона, и какъ онъ счастливъ мыслью вскорѣ соединиться съ нимъ.

Сен-Фуа говоритъ съ старымъ Тьерри. Молодой человѣкъ выказываетъ пылкое безпокойство; въ домѣ ему слишкомъ тѣсно; онъ стремится вдаль; при этомъ въ немъ замѣтно что-то таинственное, неясное, боязливое, что-то похожее на угрызенія совѣсти. Въ особенности обвиняетъ онъ себя въ большой неблагодарности къ Нарбону. Когда же заговорили о женитьбѣ, безпокойство его еще болѣе увеличилось.

Сцена его съ Тьерри похожа на вѣчное про-

щаніе. Онъ также прощается со всѣми неодушевленными предметами, и уходитъ такимъ образомъ въ сильномъ волненіи.

Тьерри качаетъ головой и, кажется, съ трудомъ отдѣлывается отъ возрастающаго подозрѣнія. Въ эту минуту онъ высказываетъ, какъ было тутъ въ старыя времена и что дѣлается теперь.

Сен - Фуа съ Аделаидой. Слѣды невинной склонности, благодарность дѣвушки, состраданіе юноши. Она рассказываетъ свою судьбу, онъ свою. Аделаида убѣждала отъ опасной цыганки, которая мучила ее и направляла на злое. Сен - Фуа нашелъ ее въ безпомощномъ положеніи, и привелъ къ добрымъ людямъ, у которыхъ она еще скрывается потихоньку.

По бѣдности, Аделаида хотѣла продать свое единственное богатство, драгоценное украшеніе; золотыхъ дѣлъ мастеръ, къ которому она принесла его, узнаетъ свою работу, которую онъ дѣлалъ для госпожи Нарбонъ, объявляетъ объ этомъ, и Аделаиду останавливаютъ.

Полицейскія являются, и требуютъ, чтобы Аделаида шла съ ними къ балу. Сен - Фуа напрасно противится этому.

Викторія со своею матерью. Викторія изъясняетъ свое отвращеніе къ браку съ Нарбономъ, ради котораго ей всѣ завидуетъ. Изъ этого нерасположенія къ Нарбону замѣтна другая, тайная и безнадѣжная склонность.

Приходить Понтисъ и сообщаетъ, что напали на слѣдъ украденной вещи.

Приводятъ Аделаиду, и въ то время, какъ Понтисъ допрашиваетъ ее, Сен-Фуа приходитъ въ сильномъ волненіи къ Викторіи, просить защиты и ходатайства для Аделаиды. Чувствительная сцена между ними, ведущая къ открытію ихъ любви.

Во время этой сцены приходитъ Нарбонъ, и въ Сен-Фуа находитъ себѣ соперника.

Окончивъ допросъ, Понтисъ входитъ и объявляетъ соучастникомъ вины Сен-Фуа. Нарбонъ узнаетъ, что часть его драгоценнаго украшенія найдена; но, увидавъ это украшеніе, онъ приходитъ въ сильное замѣшательство.

Сцена между Понтисомъ и Нарбономъ. Нарбонъ представляется великодушнымъ, хочетъ остановить розыски, и отослать на острова обѣихъ подозрѣваемыхъ особъ. Понтисъ настаиваетъ на строжайшемъ ислѣдованіи. Во время ихъ разговора, балъи докладываютъ, что привели цыганку, и что при видѣ ея Аделаида пришла въ сильнѣйшій ужасъ.

Маделона и Нарбонъ. Маделона узнала, что это та самая цыганка, которой она отдала обоихъ дѣтей Петра Нарбона, когда распространила слухъ, что они сгорѣли во время пожара. Открывается, что Аделаида — дочь; но гдѣ сынъ — еще остается неизвѣстнымъ.

Понтисъ приходитъ и сообщаетъ открытіе, что Аделаида и Сен-Фуа — братъ и сестра, и что цыганка шестнадцать лѣтъ тому назадъ обоихъ ихъ взяла къ себѣ. Сен-Фуа провелъ у ней только пять лѣтъ, и убѣжалъ отъ нея на десятомъ году.

Нарбонъ хочетъ вмѣшаться и прекратить дальнѣйшіе розыски; Понтисъ же хочетъ открыть родителей этихъ дѣтей, и вспоминаетъ о драгоцѣнномъ украшеніи.

Нарбонъ предлагаетъ Сен-Фуа и Аделаидѣ тайно бѣжать; но они оба отказываются.

Нарбонъ и Маделона. Маделона узнала дѣтей и проситъ Нарбона взять ихъ и сдѣлать своими наследниками. Нарбонъ въ большомъ затрудненіи; онъ не знаетъ другаго исхода, какъ смерть Маделоны, и убиваетъ ее.

Наслѣдники фамиліи узнаются, и ликующая толпа ведетъ ихъ къ Нарбону.

Убійца Петра Нарбона знаетъ потаенную дверь въ комнату; онъ тайно прошелъ въ нее, увидалъ драгоцѣнный уборъ, и унесъ его. Нарбону оставляетъ онъ записку, гдѣ говоритъ, что идетъ теперь далеко, и что долженъ бѣжать ради совершеннаго имъ убійства. Его ловятъ въ этомъ побѣгѣ по распоряженію полиціи.

Нарбонъ находитъ въ своей комнатѣ слѣды убій-
цы.

Понтисъ съ торжествомъ объявляетъ о найден-
ной вещи.

Нарбонъ напрасно хочетъ бѣжать. Его и убій-
цу захватываютъ. Попытку его на самоубійство ос-
танавливаютъ; его совершенно изобличаютъ и пре-
даютъ правосудію. Сен - Фуа получаетъ руку Ви-
кторіи.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

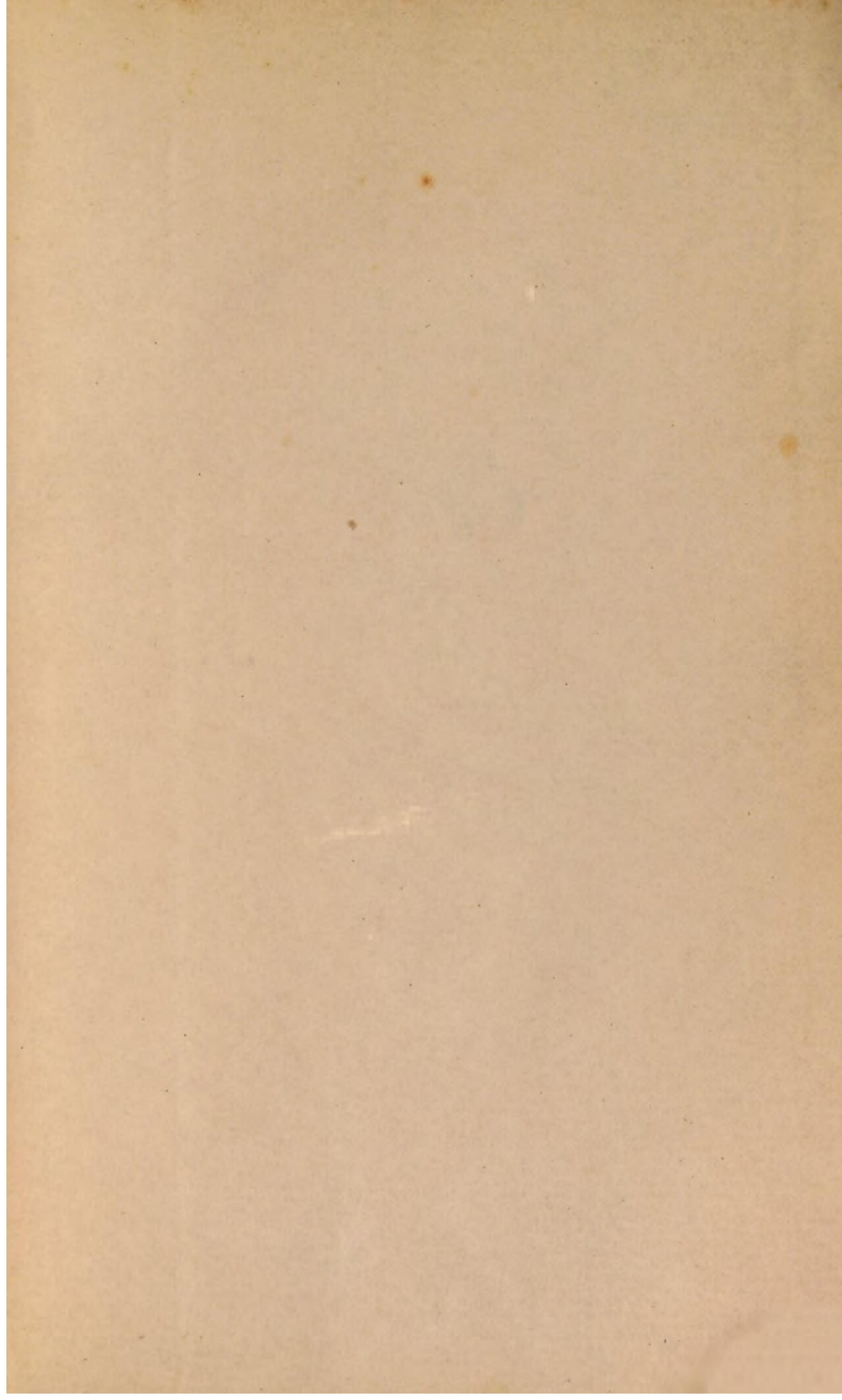
Отъ издателя.	Стр. V
-----------------------	-----------

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

1. Орлеанская Дѣва. Драматическая поэма въ пяти актахъ. Переводъ В. А. Жуковскаго	1
Мѣста, пропущенныя или измѣненныя въ переводѣ Жуковскаго. Переводъ Л. А. Мейя.....	47, 48, 51, 57, 70, 72 73, 74—77, 98, 101, 103, 181 и 185—186
2. Коварство и Любовь. Мѣщанская трагедія въ пяти актахъ. Переводъ М. Л. Михайлова.	193

ПЛАНЫ И ОТРЫВКИ.

1. Варбекъ. Планъ пяти-актной трагедіи.	342
Отрывки изъ первыхъ сценъ перваго акта	361
2. Мальтійскіе рыцари. Планъ трагедіи. .	364
3. Потерянные дѣти. Планъ трагедіи. . .	377

Schiller, Friedrich, 1759-1805

Lyrische, dramatische uund historische Werke Schillers in Übersetzungen
russischer Schriftsteller Liričeskije i dramatičeskije sočinenija

Bd.: VII

St. Petersburg 1857 - 59

P.o.germ. 1274-7

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10119177-2